Труды студентовъ экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго.

№. 6.

К. І. Зайцевъ.

Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ.

Изданіе С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Пров. 1959

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
4044
24

Настоящая работа написана на 4-мъ курсѣ Института (1909-10 г.) и подверглась нѣкоторымъ дополненіямъ и измѣненіямъ въ первые мѣсяцы послѣ его окончанія. Она стоитъ на рубежѣ студенческой жизни и самостоятельной научной дѣятельности. Это обстоятельство въ достаточной степени объяснитъ недочеты ея, которые съ другой стороны оправдываются новизной и неразработанностью темы. Исторія крестьянскаго самоуправленія еще ждетъ своего изслѣдователя. Во всей нашей научной литературѣ нѣтъ ни одной монографіи, посвященной указанному вопросу. Даже такая замѣчательная страница нашей исторіи, какъ дѣятельность гр. П. Д. Киселева по устройству казенныхъ крестьянъ, не обратила на себя еще ничьего вниманіе. Авторъ отнюдь не думаетъ, чтобы настоящая работа могла заполнить указанный пробѣлъ: она является лишь первой попыткой въ этомъ направленіи. Много вопросовъ (иногда такихъ важныхъ, какъ управленіе удѣльными крестьянами) авторъ по разнымъ соображеніямъ оставилъ вовсе безъ разсмотрѣнія. По инымъ вопросамъ авторъ, главнымъ образомъ въ виду его незнакомства съ архивными матеріалами, не сумѣлъ дать рѣшительнаго отвѣта. Существовала ли въ XVIII вѣкѣ волость, какъ высшая по отношенію къ общинѣ организація, или была создана лишь въ 1797 г. мѣропріятіями Императора Павла I? Авторъ принимаетъ второе рѣшеніе, но не можетъ не сознаться, что

есть факты, какъ будто ему противорѣчащіе. Центральную часть работы составляетъ анализъ положенія 1838 г. объ управленіи государственными крестьянами. Знакомство автора съ бумагами V отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи дала ему возможность освѣжить изложеніе нѣсколькими до сихъ поръ неизвѣстными подробностями. Изученіе указаннаго архива было весьма облегчено пользованіемъ изданной въ 1887 г. „Систематической описью дѣламъ бывшаго V-го отд. С. Е. И. В. канцеляріи. 1824-1856". Во всѣхъ ссылкахъ въ текстѣ авторъ пользуется нумераціей этой описи. Кромѣ литературы, указанной въ текстѣ, авторъ пользовался Журналомъ Мин. Гос. Им. и особенно его оффиціальной частью, гдѣ помѣщены всѣ Всеподданѣйшіе отчеты гр. П. Д. Киселева и его циркуляры, которые и надлежитъ искать въ Журналѣ М. Г. Им. подъ соотвѣтствующимъ годомъ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить свою признательность завѣдывающему библіотекой ученаго комитета Гл. У. З. и З. Р. Э. Блашкэ и завѣдывающимъ архивомъ Гл. У. З. и З. П. А. Шафранову и Н. П. Запольскому.

Оглавленіе *).

	Стр.
Глава I. Крестьянское самоуправленіе при Екатеринѣ II .	1— 41
Глава II. Докладъ экспедиціи государственнаго хозяйства 7 авг. 1797 г. Положеніе крестьянскаго самоуправленія въ первой трети XIX вѣка	41—82
Глава III. Просвѣщенный абсолютизмъ Киселева. Характеристика управленія государственными крестьянами по положенію 1838 г. съ точки зрѣнія полицейскаго централизованнаго государства	82—107
Глава IV. Двусословность и выборный элементъ въ положеніи 1838 г.	107—119
Глава V. Описаніе аппарата взиманій сборовъ по положенію 1838 г., какъ характеристика дѣятельности управленія государственными крестьянами	119—135
Глава VI. Киселевъ и общинное землепользованіе . . .	136—152
Глава VII. Киселевъ и крестьянское самоуправленіе . .	153—167
Глава VIII. Положеніе крестьянскаго самоуправленія въ системѣ 1838 г. Соотношеніе общины и сельскаго общества	167—195
Заключеніе.	195—204

*) Настоящая работа исполнена подъ руководствомъ профессоровъ В. М. Гессена и М. А. Дьяконова.

Глава I.

До конца XVIII в. мы имѣемъ лишь отрывочныя указанія на крестьянское самоуправленіе, носящія большею частью совершенно случайный характеръ. Онѣ попадаются то и дѣло въ законодательномъ матеріалѣ въ связи съ различными повинностями населенія и той помощью, которую правительство требовало отъ него при осуществленіи своихъ задачъ, при чемъ часто касаются не только различныхъ разрядовъ крестьянъ свободныхъ, но и крѣпостныхъ крестьянъ. Старосты и выборные прикладываютъ руку къ сказкамъ и отвѣчаютъ за утайку душъ [1]); прикащики, старосты и выборные упоминаются въ связи со сборомъ подушной подати и отвѣчаютъ за послабленія въ платежѣ ея [2]). Значительную роль играютъ представители крестьянства и въ мѣропріятіяхъ правительства по искорененію воровъ и разбойниковъ: управители, прикащики, старосты и выборные помѣщичьихъ, синодальныхъ и дворцовыхъ волостей должны накрѣпко смотрѣть, чтобы въ селахъ и деревняхъ воровъ и разбойниковъ не было; они должны подавать сказки о неимѣніи у нихъ воровъ, при чемъ за ложную сказку ихъ бьютъ кнутомъ и, вырвавъ ноздри, ссылаютъ на каторгу [3]).

---

[1]) См. указъ 22 янв. 1719 г. (П. С. З. № 3287). Ук. 21 сент. 1822 г. (П. С. З. № 4096), а также статью Лешкова. Русск. Вѣстн. 1863 г. № 7.

[2]) См. указы 1727 г. (П. С. З. № 5079) и 1762 г. (П. С. З. № 11429), особенно же ук. 1739 г. п. 10 (П. С. З. № 7732) и Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ 12 сент. 1728 г. п. 20 (П. С. З. № 5333).

[3]) Нак. губ.. п. 15 (П. С. З. № 5333), ук. 14 сент. 1728 г. (П. С. З. № 5335). См. еще инструкцію сыщикамъ для искорененія воровъ и разбойниковъ 7 сент. 1744 г. (П. С. З. № 9026).

По указу 15 іюля 1756 г. [1]), они должны подъ наблюденіемъ властей принимать мѣры предосторожности противъ конскаго и скотскаго падежа. Указъ 24 іюля того же года [2]) возлагаетъ на нихъ борьбу съ распространеніемъ заразы. Въ 1760 г [3]) на прикащиковъ и старостъ возложена обязанность при взиманіи податей сбирать свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣба и другихъ продуктовъ. Наконецъ, къ тому же году относится указъ [4]), который уже совершенно опредѣленно и категорически констатируетъ существованіе самоуправленія свободныхъ крестьянъ.

„Для защищенія отъ обидъ и всякихъ за нихъ по дѣламъ ходатайствъ и насматриванья имѣть имъ, государственнымъ крестьянамъ, по выбору изъ лучшихъ крестьянъ кого они похотятъ по желанію своему, такъ какъ и донынѣ у нихъ въ волостяхъ старосты, выборные и сотскіе находятся, и когда отъ нихъ бываютъ выборы помянутымъ старостамъ, выборнымъ, сотскимъ и десятскимъ, тогда въ города ихъ для разсмотрѣнія о тѣхъ выборахъ не забирать понежѣ состоитъ оный выборъ у нихъ въ ихъ волѣ, такоже для подачи рапортовъ по инструкціи о ворахъ и разбойникахъ и другихъ повелѣнныхъ вѣдомостей, самихъ тѣхъ выборныхъ и старостъ, такоже сотскихъ и десятскихъ, въ города не требовать, только бы они тѣ рапорты и вѣдомости присылали въ положенное время, безъ упущенья, а инструкціи имъ отсылать изъ городовъ, не забирая же самихъ ихъ въ тѣ города, дабы отъ того всякія происходимыя имъ отягощенія пресѣ-

[1]) П. С. З. № 10583 „Чего ради .. въ селахъ и деревняхъ помѣщикамъ, прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ крестьянамъ смотрѣть того всего накрѣпко, ежели же и за симъ указомъ кто по вышеписанному исполнять не будетъ, и съ таковымъ поступлено будетъ по указамъ безъ всякаго упущенія“.

[2]) П. С. З. № 10589 „... Смотрѣть помѣщикамъ, а въ небытность ихъ прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, сотскимъ и десятскимъ, а на ямахъ и въ дворцовыхъ, синодальныхъ и монастырскихъ вотчинахъ управителямъ, и по тому же старостамъ, выборнымъ, сотскимъ же и десятскимъ и до кого оное принадлежитъ“.

[3]) П. С. З. № 11153.

[4]) П. С. З. № 11120

чены быть могли; о семъ во всемъ государствѣ симъ и публикуется".

Относительно однодворцевъ мы имѣемъ слѣдующій указъ 6 іюня 1761 г. [1]: „Для лучшаго между однодворцевъ распорядка въ селахъ и деревняхъ, быть выбраннымъ по очереди и съ жеребья, какъ они хотятъ, изъ нихъ же однодворцевъ, тѣхъ же селъ и деревень сотники, пятидесятники и десятники, а воеводамъ и ихъ товарищамъ и прочимъ въ тотъ выборъ ни подъ какимъ видомъ не вступать и по своей прихоти изъ лакомства не выбирать, и тѣмъ выборнымъ имѣть смотрѣніе о пришлыхъ людяхъ, о искорененіи воровъ и недопущеніи своихъ братіи къ мотовству и защищенію порядочной экономіи, и въ случаѣ между собой несогласіевъ. ихъ однодворцевъ чрезъ мірской сходъ разбирать, а притомъ не допускать заповѣдныхъ лѣсовъ и ко всему тому, что указамъ противно и отчего они въ разореніе притти могутъ и своей братіи въ содержаніи ландмилиціи тягость нанесть". Если случится судное дѣло—однодворцы могутъ выбирать повѣренныхъ и съ мірского согласія дать имъ на расходы. Этимъ же указомъ дается однодворцамъ нѣкоторое участіе въ мѣрахъ по отбываніи рекрутской повинности. Въ другомъ указѣ изданномъ чрезъ два года мы читаемъ слѣдующее:..... „въ распоряженіи же собственномъ между ими, для разбиранія ссоръ учредили бы между собой выборныхъ и старостъ изъ нихъ же однодворцевъ, лучшихъ и добраго состоянія людей, коимъ о происшедшихъ между ими мелкихъ ссорахъ разбирать словесно, а въ прочихъ дѣлахъ, которыя до канцеляріи принадлежатъ, поступать по указамъ, а. .... особливо въ выборы рекрутскіе объявленнымъ канцеляріямъ не мѣшаться, а велѣть тѣмъ однодворцамъ въ рекруты выбирать по очереди самимъ по указамъ неотмѣнно".

Изъ этихъ указовъ [2] видно, что для однодворцевъ выбирать своихъ представителей было дѣломъ обычнымъ, такъ что способъ выбора предоставленъ на ихъ волю, что мірской

[1]) П. С. З. № 11285.

[2]) Объ этихъ однодворческихъ указахъ смотри у Чичерина въ Опытахъ стр 51—2. Соловьевъ. Ист. V 967. 1235. Семевскій. Казен. крестьяне при Екатеринѣ Р. Стар. 1879 г. т. 5 стр. 45.

сходъ упоминается какъ учрежденіе уже существующее; остальные органы какъ будто утверждаются вновь, но можно думать, что и тутъ подтверждается или, вѣрнѣе, констатируется то, что уже существуетъ въ жизни [1]). Указы эти относятся къ однодворцамъ, т. е. къ одной лишь категоріи государственныхъ крестьянъ, но безъ большой натяжки имъ можно было бы придать болѣе общій характеръ: по крайней мѣры Екатерина именно въ такомъ смыслѣ ссылается на второй изъ нихъ въ своемъ извѣстномъ положеніи 1787 года [2]). Однако въ этомъ надобности нѣтъ на существованіе самоуправленія государственныхъ крестьянъ есть еще цѣлый рядъ указаній.

Значительный свѣтъ бросаютъ крестьянскіе наказы повѣреннымъ и депутатамъ въ комиссію 1767 г. [3]) Несмотря на всю бѣдность ихъ содержанія, неясность и безсистемность, они тѣмъ не менѣе даютъ иногда очень важныя для насъ указанія. Первое, что бросается въ глаза при чтеніи ихъ, это то важное значеніе, которое игралъ міръ въ жизни крестьянъ; слово міръ (такъ же какъ и его представителей—старостъ, головъ, выборныхъ и пр.) мы встрѣчаемъ постоянно, въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ: повѣренные выбираются мірскими людьми, по общему мірскому согласію, имъ дается мірское письменное наставленіе, заключающее въ себѣ описаніе мірскихъ недостатковъ, мірскихъ тягостей и нуждъ; за безграмотностью повѣреннаго это наставленіе подписывается мірскихъ дѣлъ писчикомъ; подати платятся міромъ по раскладкѣ мірскихъ людей, собираются мірскіе сходы и собранія, постановляются мірскіе приговоры, посылаются мірскіе посылщики, неимущіе живутъ мірскимъ подаяніемъ, безлошадные снабжаются міромъ лошадью и т. д.

[1]) В. Григорьевъ въ книгѣ „Реформа мѣстн. упр. при Екат. П“, Спб. 1910 г стр 116 почему то думаетъ, что послѣдн. указомъ урѣзывалось самоупр. однодв., и сопоставляетъ его съ существовавшимъ будто бы у Ек. П недовѣріемъ къ крестьянскому выборному управленію, вызваннымъ его недостатками.

[2]) Екатерина называетъ его указомъ 23 января, но въ П. С. З. онъ находится подъ 7 февраля.

[3]) Сборникъ Русск. Историч Общ. т. 115. и 123. Всѣ ссылки, гдѣ указаны лишь страницы относятся къ 115 т.

Такимъ образомъ міръ является плотью и кровью крестьянскаго населенія; оно сознаетъ себя міромъ; характерно, напримѣръ, что людей повторно попавшихся въ кражѣ и др. проступкахъ, оно называетъ неспокойнымъ къ мірской жизни (стр. 394) [1]). Но внутренняя жизнь и структура міра, къ сожалѣнію, очень мало затронута наказами, хотя они и въ этомъ отношеніи даютъ рядъ весьма цѣнныхъ указаній.

Чаще всего міръ упоминается, какъ единица, связанная круговой порукой въ платежѣ податей. Постоянно попадаются жалобы на то, что приходится платить міромъ за увѣчныхъ, немощныхъ, старыхъ, бѣглыхъ, умершихъ и пр. [2]). Прямо указывается, что за нихъ „какъ подушныя деньги, такъ и всякіе государственные доходы, платятся изъ міра, раскладываются по крестьянамъ“ (стр. 231). Эта раскладка, чрезвычайно отяготительная для крестьянъ, носила обычный и постоянный характеръ: „бываютъ у государственныхъ черносошныхъ крестьянъ съ наступленія каждаго года, при общихъ имъ мірскихъ собраніяхъ, мірскія же раскладки для платежа государственныхъ податей промежъ собой, да неимущимъ, умершимъ и безпомощнымъ въ мірскихъ порядныхъ избахъ повѣрка душамъ“ (стр. 242 и 249). Къ сожалѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ указаній, раскладывались ли только тѣ доли подушной подати, которыя падали на несостоятельныхъ плательщиковъ, другими словами, являлась-ли раскладка лишь при-

---

[1]) Крупное значеніе мірской жизни крестьянъ выясняется также изъ чтенія трудовъ гг. В В, Семевскаго и другихъ, основанныхъ на изученіи архивнаго матеріала· міръ и крестьянскія выборныя лица такъ и пестрятъ въ ихъ сочиненіяхъ. Но такъ какъ вопросы самоуправленія не привлекали до сихъ поръ вниманія этихъ изслѣдователей, то всѣ эти указанія носятъ случайный и отрывочный характеръ и, служа неопровержимымъ доказательствомъ существованія развитой мірской жизни, не даютъ никакихъ данныхъ для сужденія о ея структурѣ и существѣ.

[2]) При одномъ перечисленіи убылыхъ душъ, за которыя приходится платить „міромъ съ общества“, есть одно любопытное указаніе. именно многіе разошлись по увольненіямъ старостъ съ мірскими людьми и по даннымъ отъ канцеляріи покормежнымъ (стр. 228). Эти „увольненія“ могутъ служить новымъ и положительнымъ примѣромъ устойчиваго положенія крест. выборныхъ властей.

мѣненіемъ круговой поруки, или вообще распредѣлялся весь окладъ подати по какимъ-либо уравнительнымъ основаніямъ, „по животамъ и промысламъ“, какъ говорили въ старину; но вѣроятнѣе первое предположеніе, тѣмъ болѣе, что слово раскладка часто замѣняется терминомъ „накладка мірскихъ людей“, который какъ бы указываетъ на добавочное обложеніе. Впрочемъ, „накладка“ за неимущихъ въ широкомъ смыслѣ, „маломочныхъ“ (стр. 382) [1]), уже переходитъ въ уравнительную раскладку—границу тутъ провести уже трудно—можетъ быть этотъ періодъ и былъ переходнымъ въ этомъ отношеніи? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что уже въ это время міръ являлся отвѣтственнымъ плательщикомъ податей, такъ что указъ 1769 г., о которомъ будетъ ниже сказано, отнюдь не является нововведеніемъ [2]). Употреблялись, между прочимъ, и мѣры, предписанныя тѣмъ же указомъ, именно возложеніе отвѣтственности за невзносъ податей на выборныхъ представителей міра; такъ одинъ наказъ жалуется, что недоимки взыскиваются съ крестьянъ самихъ и съ выборщиковъ, „на что многіе, продавъ свои деревенскіе участки, скитаются между дворами и пришли во всекрайнее разореніе“ (стр. 133).

Наряду съ функціями податного союза, наказы даютъ указанія на судебныя функціи міра: „въ оныхъ же государственныхъ крестьянъ вотчинахъ выбираются какъ для всякихъ государственныхъ поборовъ, такъ и между нами для всякихъ спорныхъ разныхъ дѣлъ расправъ, выборные погодно“ (стр. 120). Впрочемъ, чаще крестьянскій судъ упоминается de lege ferenda, какъ институтъ, о введеніи котораго крестьяне лишь просятъ, хотя иногда и при этомъ ссылаются на существованіе этого суда или просятъ лишь о томъ, чтобы „запрещенія не чинить“ (стр. 342). Такія просьбы встрѣчаются въ наказахъ чрезвычайно часто, при-

[1]) См. еще стр. 234.

[2]) Составитель свода законовъ не знаетъ законодательныхъ указаній на круговую поруку старше указа 1769 г. Манифестъ 1811 г. (П. С. З. № 24633) о мѣрахъ взысканія недоимокъ съ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ прямо говоритъ: „Подтверждается сила указа 19 мая 1769 г., по коему въ исправномъ платежѣ государственныхъ податей и недоимокъ отвѣтствуетъ цѣлое селеніе“ § 20.

чемъ компетенція этого суда опредѣляется иногда общо не тяжкими и малыми дѣлами (причемъ этимъ малымъ дѣламъ ставится иногда очень высокій предѣлъ—до 30 рубл.) иногда же перечисляется довольно подробно [1]), причемъ ограничивается обидами, ссорами и драками, мелкими кражами, свозомъ хлѣба и сѣна и другими сельскими проступками; иногда включаются дѣла о долгахъ, въ частности о письменныхъ займахъ. Въ качествѣ судей фигурируютъ старосты, выборные, головы, сотники, причемъ иногда предусматривается участіе мірскихъ или лучшихъ людей. Иногда указаннымъ органамъ проектируется дать болѣе обширныя полномочія, какъ то свидѣтельствованіе платежеспособности членовъ міра, желающихъ получить взаймы, причемъ отвѣтственность падаетъ на старостъ, проявившихъ небрежность,

[1]) Приведемъ примѣры. «Повелѣно бъ было намъ, ясашнымъ выборнымъ, оказавшихся въ жителствахъ въ малыхъ воровствахъ, т. е въ покражѣ съ дворовъ платья или въ огородахъ и садахъ какихъ овощей, также въ ссорахъ, дракахъ и озорничествахъ, разбирать и къ смиренію на тѣлѣ наказывать при собраніи мірскихъ людей выборнымъ, а въ присутственныя бъ мѣста не водить, ибо отъ того бываетъ въ крестьянской работѣ остановка, да и въ долгахъ бы между собой разбраться въ жителствахъ выборнымъ же и третейскимъ судомъ. И тотъ третейскій судъ былъ бы неиспровергаемъ», стр. 413 — «Въ нѣкоторыхъ нашихъ селеніяхъ являются прилипчные люди въ малыхъ кражахъ, яко то въ сорваніи изъ садовъ яблокъ и протчаго овоща, въ ловленіи изъ прудовъ рыбы, въ выломаніи изъ бортей меду и въ свозѣ съ поля хлѣба и сѣна. и съ оными несостоятельными людьми, кои впредь оказываться будутъ, не повелѣно-ль будетъ за тѣ ихъ безпокойства, не вводя ихъ въ присутственныя мѣста, при собраніи того жительства, въ коемъ такіе люди найдутся, мірскихъ людей наказывать за тѣ ихъ непостоянства тѣлесно выборнымъ и старостамъ и обиженнымъ чинить удовольствіе»; стр. 394. — «Да въ чемъ надлежитъ, быть намъ, пашеннымъ солдатамъ, между собой, ссоры или драки, въ перепашкѣ земли и въ перекосѣ луговъ; то таковымъ быть для разбору оныхъ ссоръ и изъ тѣхъ пашенныхъ солдатъ разбирать насъ между собой судомъ и дракъ расправою тѣмъ особливымъ головамъ. А канцелярскимъ до тѣхъ нашихъ разбираемыхъ словесныхъ судовъ не вступатся, въ чемъ мы отъ тѣхъ своихъ перепашекъ и отъ протчихъ имѣемъ не малое себѣ разореніе и обиды, а въ смертномъ убійствѣ и татебныхъ дѣлахъ быть намъ вѣдомымъ губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями» стр. 80.

а также принужденіе къ работѣ лѣнивыхъ и нерадивыхъ, причемъ за ослушаніе со стороны послѣднихъ предлагается разрѣшить старостамъ наказывать ихъ батожьемъ „при собираніи лучшихъ людей“.

Итакъ, въ матеріалахъ Екатерининской законодательной комиссіи выступаютъ болѣе или менѣе рельефно двѣ функціи крестьянскаго міра: раскладка податей и судъ. Что же касается до остальной его жизни, то она остается почти совершенно незатронутой наказами [1]).

Такая односторонность вполнѣ понятна: крестьяне высказывали свои пожеланія, поскольку они могли быть удовлетворены правительствомъ, но послѣднее не вмѣшивалось въ ихъ внутреннюю жизнь—если не считать того, что иногда „било выборныхъ и рядовыхъ крестьянъ нестерпимыми побоями“ (стр. 122); такъ зачѣмъ же было крестьянамъ распространяться о своихъ внутреннихъ порядкахъ? Иное дѣло раскладка или судъ: первая являлась результатомъ созданной властью круговой поруки, представляла собой отношенія правительства къ крестьянству, выраженныя въ терминахъ мірской жизни; судебная же функція міра была той стороной мірской автономіи, которая не получила полнаго и принципіальнаго признанія со стороны государства; обычай крестьянъ разбираться въ своихъ дѣлахъ сталкивался съ дѣятельностью общихъ судовъ — отсюда постоянныя просьбы крестьянъ уволить ихъ отъ убыточныхъ для нихъ хожденій по канцеляріямъ и разрѣшить имъ судиться въ мелкихъ и не татебныхъ дѣлахъ у своихъ выборныхъ [2]).

---

[1]) Только одну выдержку дающую цѣнныя указанія на внутреннюю общинную жизнь мы считаемъ долгомъ привести: „Для лучшаго въ хлѣбопашествѣ порядка узаконено бъ было намъ, ясашникамъ, полевую пашенную землю и сѣнные покосы дѣлить между собой отъ переписи до переписи, а не погодно, дабы всякій, проча себѣ, землю свою навозилъ“, стр. 412. Обращаемъ вниманіе противниковъ передѣловъ на картинное выраженіе основного ихъ аргумента въ устахъ крестьянъ середины XVIII вѣка. См. еще статью Бочкарева въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому стр. 516—537.

[2]) Въ перечнѣ пунктовъ, поданныхъ депутатами отъ однодворцевъ и хлѣбопашцевъ, 11-ый гласитъ: о словесныхъ судахъ; объ опредѣлени

Послѣ этого разсмотрѣнія крестьянскихъ наказовъ, которое, я надѣюсь, служитъ достаточно очевиднымъ доказательствомъ того устойчиваго положенія, какое занималъ въ эту эпоху крестьянскій міръ, мы обратимся опять къ законодательному матеріалу. Тутъ мы должны, во-первыхъ, отмѣтить указъ 22 авг. 1765 г. [1]), который упоминаетъ цѣлый рядъ крестьянскихъ должностей. Указомъ этимъ устанавливается круговая отвѣтственность жителей того селенія, гдѣ находился воръ, причемъ взимается штрафъ съ души 10 копеекъ, а съ сотниковъ, пятидесятскихъ. десятскихъ, старостъ и прикащиковъ — 5 рубл. Затѣмъ надо упомянуть указъ 19 мая 1769 г. [2]) о порядкѣ взысканія подушной подати, которымъ устанавливается круговая отвѣтственность селенія въ платежѣ податей и предписывается въ случаѣ недоимокъ у дворцовыхъ, экономическихъ и государственныхъ крестьянъ, забирать въ городъ старостъ и выборныхъ и, держа подъ карауломъ, употреблять на тяжкія городскія работы безъ платежа заработныхъ и платежныхъ денегъ, доколѣ вся доимка заплачена будетъ. Далѣе идетъ Высочайше утвержденный докладъ сената отъ 28 іюня 1770 г. [3]), которымъ были отмѣнены помощники казначеевъ, вслѣдствіе того, что оброкъ нынѣ возложенъ на воеводскія и губернскія канцеляріи и крестьяне сами отвозятъ оный въ канцеляріи, и учреждены 4 экономическихъ правленія для децентрализаціи завѣдыванія крестьянами. При указаніи на обязанности правленій по размежеванію, упоминаются выборные отъ крестьянъ, старосты и писаря.

для разбирательства между обывателями дѣлъ командировъ или старшинъ, по выбору отъ нихъ же и „о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ подушнаго оклада, ведомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ". Соловьевъ. Ист. VI стр. 400 прим. Здѣсь пожеланія уже выходятъ за предѣлы міра — желая избѣгнуть всякаго вмѣшательства правительственной власти, поселяне просятъ начальство по своему выбору. Подобный опытъ имѣлся въ нашемъ законодательствѣ относительно однодворцевъ и кончился полной неудачей. Впослѣдствіи правительство само для удобства управленія будетъ принимать аналогичныя мѣры.

[1]) П. С. З. № 12455

[2]) П. С. З. № 13300.

[3]) П. С. З. № 13590.

Болѣе любопытныя указанія мы находимъ въ наставленіи экономическимъ правленіямъ отъ 4 апрѣля 1771 года, подробно опредѣляющемъ обязанности ихъ по завѣдыванію крестьянами Правленія чрезъ казначеевъ и самостоятельно слѣдятъ за взносами податей и дѣлаютъ взысканія; въ случаѣ несчастій, пожаровъ и пр. оказываютъ помощь населенію, заботятся о его благосостояніи и, если оскудѣніе происходитъ отъ раздѣленія земель по душамъ, а не тягламъ, то должны„ непремѣнно расписывать на тягла, полагая въ оные работниковъ отъ 15 — 60 лѣтн. возраста и, исчисляя собираемую со всего селенія подать, раскладывать на тяглы; а посему раздѣленія земель и взысканія податей дѣлать уже не съ душъ, но съ тяглъ, а сверхъ того наблюдать, дабы крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, а непремѣнно бы считалось въ каждомъ тяглѣ по 4, по крайней мѣрѣ по 3 работника“. Мы видимъ, что правительство начинаетъ вмѣшиваться во внутреннюю общественную жизнь, боясь, чтобы оскудѣніе крестьянъ не отразилось на ихъ платежеспособности; что оно пытается бороться съ несправедливостью, которая возникала при обращеніи окладной единицы души въ единицу платежную, т. е. въ томъ случаѣ, если окладъ по душамъ не былъ замѣняемъ при взиманіи какимъ-либо инымъ принципомъ раскладки; видимъ, что уже тогда раздѣлы признавались правительствомъ вредными, и противъ нихъ принимались мѣры. Далѣе въ томъ же наставленіи есть и другія важныя указанія на крестьянскую выборную администрацію и общественную жизнь: „особливо должны наблюдать старосты и выборные, дабы крестьяне отъ времени до времени приходили въ лучшее состояніе и способны были какъ къ бездоимочному платежу казенныхъ податей, такъ и собственно для себя имѣли бы безнуждное содержаніе“. Дѣло взиманія сборовъ лежитъ на этихъ старостахъ и выборныхъ, для чего имъ для всякаго рода сборовъ и расходовъ даются шнуровыя тетради. Уже въ тѣ времена выборные, пользуясь крестьянской темнотой, позволяли себѣ злоупотребленія, вслѣдствіе чего правленіямъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, не дѣлается ли

съ крестьянъ незаконныхъ поборовъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы деньги взимались по приговорамъ, вносились въ упомянутыя тетради — причемъ разспрашивать не только старостъ и выборныхъ, но и рядовыхъ крестьянъ. Міръ пользуется правами гражданства—сборы названы мірскими деньгами, упоминаются мірскіе люди, мірскіе приговоры...

О незаконныхъ сборахъ съ крестьянъ, подъ видомъ разныхъ подложныхъ указовъ и инструкцій, упоминаетъ, между прочимъ, и другой любопытный памятникъ того времени, именно инструкція сотскому со товарищи отъ 19 декабря 1774 г. [1]). Документъ этотъ представляетъ большой интересъ, т. к. даетъ полную характеристику положенія выборныхъ отъ крестьянъ низшихъ органовъ полиціи, въ кругъ дѣятельности которыхъ входило уѣздное населеніе, независимо отъ принадлежности его къ помѣщичьимъ крестьянамъ или къ одному изъ разрядовъ свободныхъ поселянъ, и которые должны были на время своей службы стать въ полную независимость отъ своихъ начальниковъ и попечителей и войти въ ряды бюрократической арміи [2]). Но сотскіе и товарищи ихъ сами по себѣ насъ въ данномъ случаѣ не интересуютъ [3]) — они никакого отношенія къ само-

[1]) П. С. З. № 14231. Къ тому же времени относится еще одинъ актъ, именно указъ объ охраненіи по случаю моровой язвы кладбищъ и могилъ отъ разрытія, который охраненіе это возлагаетъ въ государственныхъ волостяхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ на управляющихъ, прикащиковъ, старостъ, выборныхъ, сотскихъ, пятидес. и десятскихъ. 5 окт. 1772 г. П. С. З. № 13877.

[2]) „Буде же котораго изъ васъ сотскаго, пятид. и дес., помѣщики и прикащики, вѣдомства казеннаго казначеи или управители будутъ принуждать въ какую работу, или куда посылать станутъ за какими деревенскими дѣлами, чего канцелярія хотя и не уповаетъ, однако въ предосторожность чрезъ сіе объявляется и накрѣпко подтверждается, чтобы помѣщики, такожъ казначеи и управители и старосты, и выборные, доколѣ вы при семъ дѣлѣ будете, отъ возложенной на васъ по сей инструкціи должности отнюдь никуда не отлучали и на работы не посылали".

[3]) Отмѣтимъ только, что выбирались они крестьянами подъ наблюденіемъ своихъ начальниковъ и попечителей. „При окончаніи каждаго года въ началѣ декабря мѣсяца долженъ всякаго селенія управитель,

управленію не имѣютъ. Отбываніе обязанности этой всегда разсматривалось, какъ тяжкая повинность. Насъ же интересуетъ въ этой инструкціи постоянное напоминаніе при перечнѣ обязанностей сотскаго о выборныхъ и старостахъ, какъ ближайшихъ его помощниковъ, которымъ онъ неустанно подтверждаетъ ихъ полицейскія обязанности [1]). Упоминаніе это проходитъ постояннымъ припѣвомъ чрезъ всю инструкцію, что служитъ новымъ и положительнымъ доказательствомъ того, что выборныя крестьянскія власти занимали прочное положеніе въ жизни той эпохи.

Инструкція сотскому была издана почти наканунѣ полнаго преобразованія нашего губернскаго строя. Реформа не коснулась крестьянскаго самоуправленія—низшей единицей былъ уѣздъ—но затронула государственныхъ крестьянъ, которые нашли себѣ мѣсто въ стройной системѣ 1775 года. Тѣхъ, кто интересуется реформой мѣстнаго управленія при Екатеринѣ, мы отсылаемъ къ недавно вышедшему труду В Григорьева, сообщающему нѣкоторыя новыя данныя, сами же отмѣтимъ только то положеніе, которое занимаютъ государственные крестьяне въ учрежденіи о губерніяхъ Во-первыхъ, для насъ важно, что государственные крестьяне разсматриваются какъ свободное сельское населеніе и, какъ таковое, получаютъ активное участіе въ управленіи. Они имѣютъ свой собственный судъ—нижнюю и верхнюю расправы, чрезъ засѣдателей этого суда они получаютъ право участвовать и въ нѣкоторыхъ другихъ установленіяхъ — въ нижнемъ земскомъ судѣ, совѣстномъ судѣ и приказѣ общественнаго призрѣнія; наконецъ, въ случаѣ отсутствія въ уѣздѣ дворянства, они

казначей или прикащикъ стараться и выборный съ крестьяны своей сотни на мѣста ваши выборъ сдѣлать вновь другимъ изъ достаточныхъ и неподозрительныхъ людей по очереди". Отбываніе должности по очереди указываетъ на повинностный ея характеръ.

[1]) Напримѣръ: „чего ради всѣмъ обрѣтающимся въ твоей сотнѣ владѣльцамъ или прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, а въ дворцовыхъ и экономическихъ селахъ и деревняхъ управителямъ, старостамъ и выборнымъ подтверждать дабы изъ жительствъ своихъ для прошенія милостыни, тоже слѣпыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ отнюдь не выпущать, хотя бы во время хлѣбнаго недорода"...

чрезъ верхнюю расправу указываютъ кандидатовъ, въ числѣ 3, изъ коихъ назначается капитанъ-исправникъ Во-вторыхъ, еще болѣе важно для насъ то, что учрежденіе 1775 г предполагаетъ уже существующимъ самоуправленіе свободныхъ поселянъ. Это мнѣніе мы основываемъ на полномъ отсутствіи въ учрежденіи о губерніяхъ какихъ-либо указаній на это самоуправленіе—парадоксальный выводъ, который мы сейчасъ разъяснимъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже сказали, свободные поселяне получаютъ право участвовать въ мѣстномъ управленіи чрезъ своихъ засѣдателей, назначаемыхъ ими по выбору, но какъ эти выборы происходятъ—учрежденіе 1775 г. не указываетъ, оно просто ссылается на депутатскій обрядъ 1766 г. Если мы обратимся къ этому обряду, то насъ поразитъ неясность постановленій его, поскольку они касаются выборовъ отъ крестьянъ. Они опредѣляются слѣдующимъ образомъ: производятся выборы крестьянами по погостамъ „по ихъ обыкновеніямъ“, причемъ участвовать въ выборѣ можетъ всякій „дѣйствительно домъ и землю въ томъ погостѣ имѣющій“; каждый погостъ имѣетъ право выбрать погостскаго повѣреннаго, всѣ они вмѣстѣ выбираютъ изъ своей среды уѣзднаго повѣреннаго, а эти послѣдніе изъ своей же среды выбираютъ уже провинціальнаго депутата. Требованія, предъявляемыя къ повѣреннымъ, таковы: „повѣреннаго надлежитъ выбирать 1) такого, который дѣйствительно домъ и землю въ томъ погостѣ имѣетъ; 2) жену и дѣтей имѣющаго; 3) въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ не бывалаго, 4) но добраго и не зазорнаго поведенія; 5) не моложе 30 лѣтъ“. Такимъ образомъ, обрядъ опредѣляетъ активное и пассивное избирательное право и устанавливаетъ трехстепенную выборную систему—погостскіе повѣренные, уѣздные повѣренные, провинціальные депутаты, причемъ опредѣляетъ порядокъ избранія уѣздныхъ повѣренныхъ и депутатовъ и совершенно не даетъ указаній на то, откуда берутся эти погостскіе повѣренные, какъ они выбираются, каковъ формальный порядокъ выборовъ, кто ими завѣдуетъ и т. д. Г. Григорьевъ, отмѣчая, какъ характерную

черту порядка выбора депутатовъ отъ свободнаго сельскаго населенія, отсутствіе указаній на особыя крестьянскія выборныя должности, подобныя предводителямъ дворянства и городскимъ головамъ, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „очевидно не находили нужнымъ создавать выборное крестьянское управленіе“ [1]). Мы полагаемъ, что нужно сдѣлать выводъ обратный: крестьянское выборное управленіе было существующимъ фактомъ въ противоположность самоуправленію городскому и дворянскому, которое находилось im Werden; поэтому правительству надо было только опредѣлить систему выборовъ въ ея послѣдующихъ стадіяхъ, выходящихъ за предѣлы крестьянскаго міра, первоначальные же выборы можно было предоставить крестьянскимъ „обыкновеніямъ“. Правительство брало за исходный пунктъ погостскихъ повѣренныхъ, опредѣляло условія, которымъ они должны удовлетворять и тотъ порядокъ, какимъ они чрезъ посредство уѣздныхъ повѣренныхъ выбираютъ депутатовъ, не вводя, конечно, никакихъ уѣздныхъ и губернскихъ выборныхъ крестьянскихъ должностей и предоставляя надзоръ за выборами мѣстному управленію; погостскихъ же выборовъ оно совершенно не регулировало, дѣлая ихъ факультативными, ссылаясь на „обыкновенія“ и опредѣляя лишь активное избирательное право.

Все это было бы вполнѣ ясно и не вызывало бы никакихъ сомнѣній, если бы мы только знали, что такое погостъ. Обрядъ говоритъ о немъ, какъ о чемъ то всѣмъ извѣстномъ, какъ будто бы это была общественная единица, занимающая настолько прочное положеніе и имѣющая столь общее распространеніе, что на нее достаточно только сослаться, ближе не опредѣляя. А между тѣмъ погостъ, какъ общая единица [2]), совершенно неизвѣстенъ законодательству Императорскаго періода. Недоумѣніе наше разсѣивается только при болѣе близкомъ ознакомленіи съ предметомъ: оказывается, погостъ не былъ дѣйствительной единицей самоуправленія,

[1]) Op cit., стр. 116.

[2]) Погостъ повидимому имѣлъ какое то реальное значеніе въ Архангельской губ., какъ указываютъ начальныя строки цѣлаго ряда наказовъ, помѣщенныхъ въ 123 т. С. Р. И. О.

а являлся лишь формальнымъ внѣшнимъ подраздѣленіемъ, которое правительство установило, дабы не имѣть дѣла съ мелкими крестьянскими мірами. На эту мысль наводитъ, во-первыхъ, одна статья проекта сельскаго положенія Екатерины II (о которомъ рѣчь будетъ ниже), которая, очевидно, является выраженіемъ существующаго, а не долженствующаго быть порядка вещей. Послѣ ссылки на ст. 75 учрежденія о губерніяхъ, которая дозволяетъ селеніямъ выбирать засѣдателей, идетъ слѣдующее постановленіе: „каждому селу, деревнѣ, селенію или жилищу вѣдомства Директора Экономіи, въ коихъ отъ 15 до 20 дв. и выше того, дозволяется представить въ станъ по одному или по два кандидата для выбора становыхъ, а становымъ съѣхаться въ нижнюю расправу для избранія предписанныхъ по учрежденію". Здѣсь мѣсто погоста занимаетъ уже станъ, или, вѣрнѣе, погостъ названъ здѣсь станомъ, и является онъ лишь второй стадіей системы косвенныхъ выборовъ, не имѣющей никакого самостоятельнаго существованія. Въ дѣйствительности, оказывается такъ и было; порядокъ выбора въ Комиссію 1767 г. былъ большей частью не трехстепенный, а четырехстепенный, т. е. всякій разъ какъ погостъ не совпадалъ съ селеніемъ, первоначальной избирательной единицей становилось селеніе, а погостъ дѣлался лишь второй ступенью избирательной системы. „Большинство наказовъ, говоритъ Сергѣевичъ въ предисловіи къ 115-му тому Сб. Р. Имп. Общ., составлено не въ погостахъ, а въ селахъ и деревняхъ". Формальное значеніе погостской единицы иногда выражено совершенно опредѣленно: въ одномъ крестьянскомъ наказѣ прямо сказано, что уѣзднаго повѣреннаго выбирали по мірскому приговору деревенскіе повѣренные (стр. 304) [1]).

Та же практика перешла и въ учрежденіе 1775 г.: при введеніи его было предписано произвести выборы порядкомъ опредѣленнымъ разобраннымъ нами обрядомъ 1766 г, который и получилъ окончательное утвержденіе сенатскимъ

[1]) Что обрядъ выборовъ вообще исполнялся не точно, на это указываетъ Липинскій. Новыя данныя для исторіи Екатер. ком. о сочин. пр. нов. улож. Ж. М. Н. Пр 1887 г. іюнь.

указомъ 4 сент. 1781 г. [1]). Что выборы производились въ селеніяхъ и по учрежденію 1775 г. на это указываетъ, кромѣ вышеприведеннаго постановленія Екатерининскаго проекта, и тотъ фактъ, что, отсылая къ депутатскому наказу съ его погостскими выборами, учрежденіе 7 ноября вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ, что засѣдатели выбираются селеніями (Пол. о губ. ст 75). Что погостъ былъ чисто формальнымъ подраздѣленіемъ и въ учрежденіи 1775 года, этому можетъ служить лучшимъ доказательствомъ совершенно безслѣдное исчезновеніе этого термина изъ нашего законодательнаго языка. Описательное выраженіе погостъ, которое ничего не выражало, было тотчасъ же замѣнено выраженіемъ цифровымъ, стали говорить, что выборы засѣдателеи производятся выборщиками по одному отъ 500 душъ, какъ выборы дѣйствительно и производились, начиная съ перваго же примѣненія новаго учрежденія о губерніяхъ, именно съ 1775 г. [2]). Въ такихъ же выраженіяхъ перешли эти постановленія и въ сводъ законовъ [3]).

Полагаемъ, что всѣмъ вышесказаннымъ мы достаточно обосновали наше утвержденіе, что учрежденіе 1775 года предполагаетъ уже существующимъ крестьянское мірское самоуправленіе. Нужно однако сказать, что въ немъ есть и совершенно опредѣленныя на него указанія: напр., въ случаѣ нерадѣнія цѣлаго селенія, исправникъ предлагаетъ нижнему земскому суду оштрафовать старостъ, выборныхъ и сотскихъ по рублю съ человѣка (ст. 244); ст. 252 предлагаетъ исправнику ста-

---

[1]) П. С. З. № 15220.

[2]) См Высоч резолюціи на докладные пункты Генер. губерн. п. 30 „Относительно выборовъ депутатовъ или выборщиковъ изъ поселянъ для выбора ихъ засѣдателей, то ли точно наблюдаемо быть должно, что и при первомъ случаѣ, т. е. что каждыя 500 душъ больше или меньше немного отправляютъ своего депутата для выбора . . . . .“ Резолюція: „поступать по прежнему...“ 1778 г П. С. З. № 14816.

[3]) По перв своду законовъ выборы засѣдателей производятся выборщиками, по одному отъ 500 душъ, по мѣстнымъ обыкновеніямъ, всѣми домохозяевами, имѣющими домъ и землю. Ч. Ш, кн. П. разд Ш. Такимъ образомъ депутатскій обрядъ, разсчитанный на единичное примѣненіе въ 1766 году, былъ дѣйствующимъ закономъ въ серединѣ XIX вѣка.

раться, чтобы каждый приходъ, помѣщикъ, селеніе, своихъ нищихъ и убогихъ прокормили; ст. 242 предвидитъ ослушаніе цѣлаго селенія. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить бѣглое указаніе на самоуправленіе у помѣщичьихъ крестьянъ въ ст 222, изъ которой видно, что у нихъ существовали сходы съ выборными и старостами, которые имѣли право разбирать крестьянскіе провинности и проступки. Если бы у насъ не было другихъ данныхъ, то, пожалуй, можно было бы, на основаніи этой одной статьи, заключать a fortiori—какъ это дѣлаетъ г. Григорьевъ [1])—къ существованію тѣхъ же правъ и у государственныхъ крестьянъ. Но, къ счастью, мы далеко не въ столь безпомощномъ положеніи по данному вопросу, какъ это думаетъ почтенный авторъ. Отмѣтимъ здѣсь еще два акта, относящіеся къ этой эпохѣ [2]). Первый касается судебныхъ функцій міра. Онъ предписываетъ Экономіи Директорамъ чтобы они, „имѣя попеченіе о земледѣліи и хозяйствѣ въ селеніяхъ казеннаго вѣдомства, .. не мѣшались ни подъ какимъ видомъ въ судъ и расправу между поселянами, оставляя ихъ въ дѣлахъ разбираться на словахъ у людей самими же ими въ каждомъ селеніи изъ между себя избираемыхъ, а въ случаѣ неудовольствія, такожъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ судиться надлежащимъ порядкомъ въ Нижней Расправѣ“ [3]). Второй актъ касается уравнительной раскладки [4]): „казакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ казеннаго вѣдомства предоставить свободу по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ по-

---

[1]) Op. cit. 303 стр.

[2]) Можно еще указать на ук. 1796 г. (П С. З № 17423), гдѣ за подачу сказокъ крестьянъ, принадлежащихъ къ вѣдомству Директора экономіи и упомянутыхъ въ ст. 335 Учрежденія, отвѣчаютъ выборщики и другого званія старшины.

[3]) Указъ 3 октября 1779 г. П С. З № 14926. „Не меньше пристойнымъ мы признаемъ, читаемъ мы въ томъ же указѣ, чтобъ Экономіи Директоръ могъ кого-либо изъ поселянъ за что бы то ни было наказывать, ибо какъ судъ ихъ по точной силѣ принадлежитъ расправамъ, такъ и исполненіе приговоровъ ихъ есть дѣло Нижняго Земскаго Суда“.

[4]) 3 мая 1783 г. П. С. З. № 15724 Ср Ключевскій. Подушная подать. „Русск. Мысль“ 1886 г. О раскладкѣ см. еще учрежденіе 1787 г. Отд. V, ст. 2 и приложеніе г. П. С. З. № 16603.

дробную раскладку положенныхъ съ нихъ доходовъ дѣлать самимъ между собой по состоянію ихъ чрезъ выбираемыхъ ими повѣренныхъ или раскладчиковъ, мѣщанамъ подъ наблюденіемъ Магистратовъ или Ратушъ, а прочимъ подъ надзираніемъ Директора домоводства, коимъ однакоже не стѣснять собой добровольнаго ихъ хозяйственнаго расположенія, а въ случаѣ медленности, несогласія или другого затрудненія способствовать имъ въ скорѣйшемъ того исполненіи". Такимъ образомъ, распредѣленіе оклада податей предоставляется усмотрѣнію крестьянскихъ обществъ, причемъ правительство оставляетъ за собой право чисто внѣшняго формальнаго надзора, оно должно, какъ говоритъ въ другомъ, аналогичномъ мѣстѣ тотъ же указъ, „токмо наблюдать, чтобы сіи доходы бездоимочно въ казну получаемы были, не стѣсняя... въ способахъ... полагаемыхъ къ удобнѣйшему и сразмѣрному платежу.. податей". Подушный счетъ имѣетъ характеръ чисто ариѳметическій, даетъ только цифру оклада, причитающагося съ данной группы, которой уже предоставляется самой найти способы къ болѣе справедливому распредѣленію податнаго бремени; „подати полагаются по числу душъ, говоритъ указъ, единственно для удобности въ общемъ государственномъ счетѣ".

Конечно, всѣ вышеизложенныя данныя о крестьянскомъ самоуправленіи XVIII вѣка носятъ отрывочный характеръ и не могутъ дать сколько-нибудь полнаго представленія о немъ. Одно только они доказываютъ съ несомнѣнностью: крестьянское самоуправленіе существовало и занимало въ жизни того времени прочное и устойчивое положеніе. Что же касается до ближайшаго опредѣленія характера этого самоуправленія—то тутъ многое, почти все, остается неяснымъ. Жизненнымъ центромъ крестьянской общественной жизни является міръ, на оффиціальномъ языкѣ онъ именуется селеніемъ: селенія отвѣчаютъ за взносъ податей, селенія выбираютъ повѣренныхъ для избранія представителей въ Комиссію 1767 г., селенія избираютъ словесныхъ разборщиковъ, кормятъ своихъ нищихъ и убогихъ и т. д. и т. д. Когда Екатерина повелѣла приступить къ новой переписи

и пыталась придумать какой-либо лучшій способъ ея производства, то предложила, чтобы сами селенія посылали реэстръ о наличныхъ душахъ [1]). Когда было даровано дворцовымъ крестьянамъ право покупать смежныя деревни, и когда это право было распространено на крестьянъ казенныхъ, то рѣчь шла о покупкѣ отъ имени селеній [2]). Въ правилахъ о продажѣ казенныхъ имѣній съ публичнаго торга, право преимущественной покупки предоставлялось казеннымъ крестьянамъ, пріобрѣтавшимъ такія земли „къ цѣлымъ селеніямъ“ [3]). Межевая инструкція 1766 г. „утверждаетъ земли единственно къ селеніямъ“ [4]).

Часто законъ, привлекая населеніе къ несенію различныхъ обязанностей, просто говоритъ о выборныхъ, старостахъ, о представителяхъ крестьянства, не опредѣляя, органами какой единицы они являются. Какъ нужно понимать это, являлись-ли они органами міра—селенія, или была другая, болѣе обширная единица? Если таковая была, являлась-ли она чисто административнымъ дѣленіемъ или имѣла какое-нибудь общественное значеніе? Не сумѣемъ отвѣтить на эти вопросы. Принято думать, что волостная организація продолжала существовать и въ Императорскій періодъ, хотя и игнорированная властью [5]). Намъ представляется это мало вѣроятнымъ. Слишкомъ ужъ отрывочны указанія на волость, да и то, большей частью, ссылки на нее можно объяснить какъ указаніе на мѣстопребываніе поселянъ вообще, а не на опредѣленный округъ: „у нихъ въ волостяхъ“ не можетъ ли это часто означать то же, что „у нихъ въ деревнѣ“? Наконецъ, можетъ волостное дѣленіе и существовало, какъ наслѣдіе прошлаго,

[1]) Соловьевъ, V стр. 1479.

[2]) См. П. С. З. № 16619 и 16813 Любопытно, что бывали случаи, съ которыми боролось правительство, когда покупались населенные участки съ цѣлью отдачи купленныхъ крестьянъ въ рекрутство.

[3]) См. Лаппо-Данилевскій. Крестьянскій строй, стр. 147.

[4]) Тамъ же, стр. 139.

[5]) Владимірскій-Будановъ. Обз., стр. 268. Семевскій вездѣ говоритъ о волости, какъ о чемъ то само собой разумѣющемся Кизеветтеръ въ своей книгѣ „Посадская община“. М. 903 г., говоритъ о волостной администраціи, стр. 408.

но омертвѣвшее, имѣющее значеніе чисто географическое. Правда, попадаются иногда ссылки на волостныхъ головъ [1]), но они носятъ характеръ исключеній Вообще же законъ игнорируетъ какія-либо крестьянскіе округи, болѣе обширные, чѣмъ селенія, настолько послѣдовательно, что даетъ полную возможность усумниться въ ихъ существованіи. Да, наконецъ, неужели правительство стало бы выдумывать какіе то погосты, почти никому не вѣдомые, и разбивать крестьянъ на 500-ные участки, если бы существовала какая-либо подходящая территоріальная единица вродѣ волости. Очевидно, волость повсемѣстно не существовала; можно даже думать, что какъ вторая инстанція, какъ единица объединяющая селенія-міры, она за нѣкоторыми исключеніями нигдѣ не существовала [2]). Была въ тѣ времена

[1]) См, напр, П. С. З. № 16813. Очень неясныя указанія на волостныхъ головъ имѣются въ указѣ 5 марта 1774 (П. С. З. № 14133) объ устройствѣ главной дворцовой канцеляріи съ принадлежащими къ ней мѣстами. Этимъ актомъ уничтожены были управители и вмѣсто нихъ крестьяне должны были подъ присмотромъ управительскихъ конторъ избрать себѣ въ головы лучшихъ изъ міру людей, подъ именемъ старостъ и выборныхъ, которые, не отягощая міръ излишними поборами, должны были сбирать и отвозить сборы. Повидимому, это были избираемые крестьянами начальники, вродѣ тѣхъ, которые вводились у одподворцевъ, но какое отношеніе ихъ къ міру, мы не знаемъ· было ли создано административное дѣленіе, или примѣнились къ существовавшимъ организаціямъ, и каковы они были—все это неясно Съ одной стороны, рядомъ съ волостью упоминаются села и деревни, съ другой—говорится, что въ случаѣ промедленія, въ „ту волость“ пілется экзекуторъ... Была ли волость аггрегатомъ міровъ или сама имѣла общественный характеръ?

Отмѣтимъ, кстати, что этотъ же указъ устанавливалъ своего рода третейскій судъ: крестьяне въ случаѣ спора выбираютъ каждый по одному судьѣ изъ крестьянъ, которые, въ присутствіи головъ или старостъ, ссору ихъ или споръ рѣшаютъ на подобіе третейскаго суда.

[2]) Намъ представляется вѣроятнымъ такой выводъ, но категорически утверждать еще ничего нельзя. Этотъ вопросъ требуетъ выясненія. Какія то организаціи по отбыванію повинностей существовали—на нихъ ссылается докладъ Эксп. Гос. Хоз 7 авг. 1797 г (о немъ ниже). Укажемъ еще на указъ 1756 г. о сборѣ драгунскихъ лошадей съ 610 душъ по одной лошади, который говоритъ: „4 дворцовымъ и государственнымъ крестьянамъ и прочимъ, кои въ подушномъ окладѣ, лошадей ставить по станамъ, по волостямъ и по погостамъ, какъ гдѣ обычайно между собой располагаютъ, складываясь съ другими такими же“. По рекрутской

волость, но она имѣла совсѣмъ другой характеръ—это была волость-община, явленіе мѣстное и представляющее собой распространеніе общинныхъ началъ за предѣлы селенія [1]), тутъ не

повинности такія организаціи предусматриваетъ Екатеринославское положеніе 1787 г., о раздѣленіи крестьянъ на какія то дистанціи по числу душъ для содержанія дорогъ говоритъ докладъ Эксп. Гос. Хоз. 23 мая 1797 г. (П. С. З. № 17970) Были-ли это спеціальныя соединенія крестьянскихъ міровъ или независимыя отъ нихъ организаціи мы не знаемъ. Можетъ быть выраженіе „по станамъ, по волостямъ и по погостамъ“ имѣетъ лишь географическое значеніе? Обращаемъ вниманіе еще на наказы Архангельской губ. (С. Р. И. О. т 123), гдѣ волости, станы и погосты упоминаются сплошь и рядомъ. Что представляетъ изъ себя это, повидимому, мѣстное явленіе и каково отношеніе волостей, становъ и погостовъ между собой, мы незнаемъ. Эти вопросы ждутъ еще изслѣдователя.

[1]) По новоду волости-общины существуетъ цѣлая литература—труды гг. Семевскаго, Приклонскаго, Щепотьева, В В Литература эта очень интересна, но по многимъ вопросамъ возбуждаетъ рядъ сомнѣній. Во первыхъ, всѣ эти работы не даютъ никакихъ статистическихъ данныхъ; они оперируютъ съ отдѣльными конкретными фактами, бросающими интересный свѣтъ на теорію общины, и совершенно не выясняютъ степени распространенности этихъ явленій. была волость-община мѣстнымъ явленіемъ или она имѣла сколько-нибудь значительное распространеніе по всей Россіи; наконецъ, на самомъ сѣверѣ, существовала она повсемѣстно или бокъ о бокъ съ другими образованіями? Отсутствіе такихъ данныхъ ведетъ напримѣръ, къ совершенно очевидной переоцѣнкѣ значенія волости-общины въ исторіи крестьянской жизни, которой страдаетъ прекрасная статья Щепотьева „Законодательство и старинныя формы землевладѣнія на Сѣверѣ“. Сѣв. Вѣстникъ 1886 г. №2.

Такъ же мало ясна организація волости-общины. Имѣетъ она постоянный, длительный характеръ, обладаетъ опредѣленными органами и кругомъ дѣлъ или является случайнымъ, болѣе или менѣе частымъ, проявленіемъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ изъ общаго владѣнія землею? Или, можетъ быть, она лишаетъ самостоятельнаго хозяйственнаго значенія свои составныя части? Если нѣтъ, то въ какомъ отношеніи находятся волость и селеніе? Какой размѣръ такихъ волостей? Часто кажется, что волость-община смѣшивается съ административнымъ дѣленіемъ — волостью и безъ провѣрки послѣдней приписывается общественный и общинный характеръ. Напримѣръ, г. Семевскій говоритъ о мірскомъ сходѣ волости съ населеніемъ въ 15000 д., на который собираются будто бы всѣ домохозяева, рѣшаютъ свои мѣстныя дѣла и производятъ раскладку податей и повинностей—между тѣмъ какъ очень сомнительно, чтобы округъ управленія крестьянами такой величины былъ аутентичнымъ міромъ. Самъ же г. Семевскій тотчасъ же прибав-

волость обнимала нѣсколько селеній, а наоборотъ, міръ захватывалъ волость, которая въ этихъ случаяхъ была тѣмъ же міромъ, только большихъ размѣровъ. Существованіе же волости, какъ второй ступени крестьянскаго самоуправленія, повторяемъ, представляется мало вѣроятнымъ. Дѣйствительно, возможно одно изъ двухъ: или волость существовала, какъ жизненный общественный союзъ—но тогда почему правительство пред-

ляетъ, что старостъ въ такой волости было нѣсколько (Крест въ царств. Имп. Ек. II т. II стр. 104—5). Часто г. Семевскій употребляетъ терминъ волость безъ достаточныхъ къ тому основаній. Такъ погостъ, избирательный округъ 1766 г. онъ называетъ волостью· „Крестьяне каждой волости или погоста выбираютъ кого-либо изъ своей среды для избранія уѣзднаго повѣреннаго". Тамъ-же, стр. 604. Голословно отождествлять погостъ съ волостью нельзя, это нужно доказать. Въ другомъ мѣстѣ г. Семевскій, излагая указъ 17 авг. 1775 г. о недопущеніи экономическихъ крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей къ прошенію милостыни, почему то утверждаетъ, что за нищенство взимается штрафъ съ управителей, выборныхъ, старостъ и сотскихъ тѣхъ волостей, откуда родомъ виновные, а между тѣмъ въ указѣ о волости нѣтъ ни слова и, наоборотъ, прямо сказано, что надлежитъ „взыскивать съ тѣхъ селеній, откуда тѣ нищіе, съ выборныхъ, старостъ и сотскихъ по 2 рубля за каждаго пойманнаго экономическаго крестьянина" П. С. З. 14538. Тамъ-же, стр. 92. Г. Семевскій говоритъ всегда о волостномъ самоуправленіи, какъ о чемъ то само собою разумѣющемся, не опредѣляя ближе этого понятія—волость и міръ у него синонимы; а между тѣмъ тутъ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ нельзя обходить молчаніемъ. Такая спутанность въ терминахъ объясняется, отчасти, экономическимъ и историческимъ характеромъ указанныхъ работъ—ждемъ съ не терпѣніемъ 3-й томъ труда г. Семевскаго, который долженъ разъяснить многія сомнѣнія.

Относительно волостной общины должны отмѣтить еще одно возникшее у насъ сомнѣніе: изслѣдователи недостаточно разграничиваютъ аграрную политику правительства въ дѣлѣ передѣловъ, имѣвшую цѣлью уравнительное распредѣленіе земель между селеніями отъ волостного передѣла, какъ акта мірской жизни волости, ведущаго къ той же цѣли. Соотношеніе въ этомъ дѣлѣ государственной и волостной дѣятельности очень сложно, мы не беремся его здѣсь разбирать, но пробѣлъ этотъ должны отмѣтить. Волости, какъ намъ кажется, записывается въ активъ многое такое, въ чемъ ея участіе какъ общественной единицы болѣе чѣмъ сомнительно. Самъ Щепотьевъ указываетъ, что при передѣлахъ не всегда сообразовались съ существующимъ составомъ волостей (Сѣв. Вѣстн. 1886 № 2 стр. 92) — при чемъ же тогда волость-община?

почитало имѣть дѣло съ селеніями? Или правительство само объединило селенія, хотя бы и чисто формальнымъ образомъ, въ болѣе обширные союзы—но тогда почему мы ничего не знаемъ объ этомъ актѣ правительственной власти? Подобная „творческая“ дѣятельность началась позже, при Павлѣ I; XVIII вѣкъ довольствовался существующими крестьянскими организаціями и старался только какъ можно лучше ихъ использовать. Здѣсь умѣстно будетъ указать на Екатерининское учрежденіе Екатеринославскаго намѣстничества—оно беретъ въ основаніе селеніе и не знаетъ никакихъ болѣе обширныхъ единицъ.

Такимъ образомъ селеніе-міръ, вотъ единица самоуправленія свободныхъ крестьянъ XVIII в. Какими же чертами рисуютъ его собранныя нами данныя? Мы уже указывали на односторонность имѣющагося у насъ матеріала. Мы видимъ крестьянскій міръ сквозь призму правительственной психологіи, которая только одно имѣла въ виду: какъ бы лучше использовать крестьянскія организаціи для своихъ цѣлей. Государственная власть, чувствуя свою слабость, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно развитаго бюрократическаго аппарата, возлагаетъ исполнительныя обязанности на общественныя мѣстныя силы [1]); мѣропріятія, которыя оно предпринимаетъ въ этомъ направленіи, и составляютъ главный имѣющійся у насъ матеріалъ. Благодаря этому получается почти неизбѣжный оптическій обманъ: міръ является двули-

---

[1]) Странно подумать, какія разныя точки зрѣнія могутъ привести къ аналогичнымъ выводамъ: отношеніе правительства къ крестьянскому міру было близко къ тому, какое проповѣдывалъ К. С Аксаковъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ, посвященномъ критикѣ проекта административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій (Русь. 1883 г.); разница только та, что правительство, чисто внѣшнимъ образомъ соприкасаясь съ крестьянскимъ міромъ и игнорируя его существованіе, какъ жизненнаго элемента народной самодѣятельности, не могло, да въ сущности серьезно и не пыталось, охранить его отъ фактическаго вліянія уѣздныхъ властей, которыя, не будучи поставлены въ какія-либо юридическія отношенія съ міромъ, опредѣляли границы своего вмѣшательства субъективнымъ пониманіемъ своихъ обязанностей и мѣрой своихъ личныхъ, вѣдомственныхъ и сословныхъ интересовъ.

кимъ: однимъ лицомъ онъ обращенъ къ правительству; онъ собираетъ для него подати, отвѣчаетъ за исправность поступленія, выдѣляетъ изъ себя низшихъ полицейскихъ правительственныхъ агентовъ, оказываетъ всякое содѣйствіе мѣстнымъ органамъ власти, отвѣчаетъ за своихъ воровъ и пр. и пр. Но вѣдь за этой маской скрывается другое лицо, настоящее, дающее жизнь первому; вѣдь всѣ упомянутыя обязанности возложены на нѣкій жизненный общественный союзъ; не будь его, не на кого было бы и возложить ихъ. Однако, правительственныя функціи міра получаютъ, благодаря подбору матеріала, такіе уродливо-большіе размѣры, что заставляютъ какъ то забыть объ его внутренней общественной жизни, что ведетъ къ безсознательной переоцѣнкѣ вліянія правительственной власти на мірскіе порядки. Намъ кажется, что въ спорѣ объ общинѣ этотъ оптическій обманъ сыгралъ немаловажную роль.

Но что же такое представлялъ этотъ міръ въ его внутреннихъ отношеніяхъ, что скрывалось подъ этой маской административныхъ обязанностей, что составляло его общественную жизнь? Намъ кажется, лучшій отвѣтъ даетъ законодательное названіе міра — селеніе; несомнѣнно это былъ земельно-сосѣдскій союзъ. Мы не входимъ въ разсмотрѣніе того, была ли это поземельная община съ ея передѣлами; для насъ это не важно, мы предикатъ „земельно - сосѣдскій“ мыслимъ не какъ два признака, а какъ одинъ. Сосѣдство — вотъ жизненный нервъ общественной самодѣятельности на первыхъ стадіяхъ ея развитія [1]). А въ чемъ же выражаются сосѣдскія отношенія земледѣльческаго населенія? Преобладаютъ, конечно, интересы по землѣ, по сельскому хозяйству.

---

[1]) Сосѣдство можетъ выходить за предѣлы одного поселка, какъ это и было въ сѣверныхъ губерніяхъ. Вспомнимъ описанія у г-жи Ефименко, Приклонскаго. Съ другой стороны земельныя отношенія могутъ въ исключительныхъ случаяхъ распространяться на такія обширныя пространства что элементъ сосѣдства будетъ объединять крестьянъ въ отдѣльные болѣе мелкіе міры, входящіе въ составъ болѣе крупной единицы такъ должно было случаться часто въ волостяхъ-общинахъ. Опредѣлить соотношеніе этихъ міровъ на основаніи имѣющагося матеріала невозможно.

Въ какую форму они вылились, это вопросъ спеціальный, который мы и не беремся разрѣшать

Какими же функціями обросла эта первоначальная и естественная земельно сосѣдская связь? По характеру. нашихъ данныхъ мы можемъ получить указанія главнымъ образомъ только на тѣ, которыя представляли извѣстный интересъ для власти; мы можемъ знать только о тѣхъ проявленіяхъ мірской общественной жизни, которыя признавались или даже поощрялись правительствомъ. Напримѣръ, уравнительная раскладка, будучи важнымъ элементомъ общественной дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла значеніе и для власти изъ тѣхъ же фискальныхъ соображеній. То же нужно сказать относительно общественнаго призрѣнія словеснаго суда. Но, конечно, полнаго представленія о внутренней мірской жизни мы получить не можемъ — для этого необходимо сцеціальное изслѣдованіе, основанное на серьезнѣйшемъ изученіи архивныхъ матеріаловъ. Однако, и того что мы имѣемъ уже достаточно, чтобы считать окончательно опровергнутымъ мнѣніе о созданіи общественнаго крестьянскаго самоуправленія въ XVIII вѣкѣ властью правительства. Анахронизмомъ звучатъ слова Чичерина, будто „сельскія общины одолжены нынѣшними своими учрежденіями великой строительницѣ областнаго и мѣстнаго управленія въ Россіи“ [1]). Еще болѣе страннымъ покажется намъ это мнѣніе, когда мы познакомимся съ наслѣдіемъ, которое намъ оставила по этому вопросу Великая Императрица, а въ частности съ тѣми экономическими пунктами, которымъ Чичеринъ приписывалъ честь основанія внутренняго крестьянскаго управленія и съ которыми онъ самъ былъ знакомъ лишь по ссылкамъ извѣстнаго учрежденія Екатеринославскаго Намѣстничества 1787 г.

Мы говоримъ о проектѣ Екатерины II, найденномъ въ ея кабинетѣ послѣ ея смерти и хранящемся въ Государственномъ Архивѣ. Проектъ этотъ былъ напечатанъ Вешняковымъ еще въ 1877 г., [2]) но не обратилъ на себя вниманія на-

[1]) Русск. Вѣстн. 1856 г. I стр. 599.

[2]) Сб. Имп. Русск. Истор. Общ. т. XX, стр. 447—498.

шихъ ученыхъ. Достаточно сказать, что его игнорировалъ Градовскій [1]). Если не считать краткихъ и невѣрныхъ свѣдѣній о немъ, которыя имѣются въ историческомъ обзорѣ, составленномъ при созданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ [2]),—то мы нигдѣ не найдемъ даже указаній на него. Есть упоминаніе о немъ у Брикнера въ его исторіи Екатерины. [3]) Одинъ Вешняковъ предпослалъ проекту нѣсколько замѣчаній, отличающихся свойственной этому изслѣдователю серьезностью. Между прочимъ онъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что ссылки учрежденія 1787 г. на экономическіе пункты по содержанію и нумераціи совершенно тождественны съ соотвѣтствующими „пунктами“ проекта. Исходя изъ этого, Вешняковъ считаетъ возможнымъ предположить, что „экономическіе пункты“ суть начала, легшія въ основаніе проекта. Мы считаемъ возможнымъ пойти дальше и признать проектъ не чѣмъ инымъ, какъ самими экономическими пунктами.

Если при какой-либо статьѣ учрежденія 1787 г. стоитъ примѣчаніе—согласно пункту такому то отдѣленія II, и намъ, чтобы найти этотъ „пунктъ“, достаточно взять соотвѣтствующую статью отдѣленія „Б“, и если это съ неизмѣнной правильностью повторяется при всѣхъ ссылкахъ –то развѣ это не достаточное основаніе, чтобы признать тождество „пунктовъ“ съ проектомъ? [4])

[1]) Соб. соч. т. 9, стр. 126.

[2]) При составленіи новаго учрежденія объ управленіи государственными имуществами были собраны всѣ имѣющіеся проекты правительства и частныхъ лицъ. Въ ихъ числѣ былъ и сообщенный Нессельроде Екатерининскій проектъ, который и находится въ архивѣ V Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Несомнѣнно и Вешняковъ впервые познакомился съ проектомъ изъ бумагъ V Отдѣленія. Упомянутый историческій обзоръ напечатанъ Смирновымъ въ Журн. Мин Гос. Им. за 1862 г. Данныя изъ этого обзора перешли и въ оффиціальныя изданія Мин. Гос Им

[3]) Стр 637

[4]) Соотвѣтствіе нарушается только одинъ разъ: излагается статья 11-ая, а ссылка на статью 2-ю. Вѣроятно, это нужно объяснить опиской, тѣмъ болѣе, что при постоянной путаницѣ арабскихъ и римскихъ цифръ римское II могли спутать съ арабскимъ 11.

Въ чемъ же заключается этотъ проектъ?

Предположенія Екатерины Великой заключаются въ трехъ отдѣльныхъ тетрадкахъ, подъ особыми архивными номерами, съ особыми заглавіями и нумераціей статей. Принято разсматривать ихъ, какъ части одного цѣлаго; но при изученіи ихъ приходится признать, что мы имѣемъ дѣло съ двумя самостоятельными проектами, имѣющими даже мало общаго. Иначе пришлось бы предположить такое нагроможденіе всевозможныхъ должностныхъ лицъ, учрежденій, различныхъ подраздѣленій, постановленій и пр., которое допустить положительно невозможно. Вешняковъ обошелъ это затрудненіе такъ, что при изложеніи игнорировалъ вторую часть проекта, которую мы считаемъ самостоятельнымъ проектомъ; составитель же оффиціальнаго историческаго обзора государственныхъ имуществъ, который пытался выразить Екатерининскія предположенія въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ, долженъ былъ высказать удивленіе предъ сложностью управленія.

Первая тетрадка носитъ заглавіе: „О селахъ, деревняхъ, селеніяхъ и жилищахъ вѣдомства Директора Экономіи“. Это и есть знаменитые „экономическіе пункты“—всѣ ссылки Учрежденія 1787 г. по содержанію и нумераціи буквально подходятъ къ отдѣльнымъ статьямъ этого положенія. Дополненіемъ къ нему служитъ „Наставленіе для сочиненія десятинной описи земли въ селахъ, деревняхъ, селеніяхъ и жилищахъ вѣдомства Директора Экономіи“, составляющее также отдѣльную тетрадку. Третье положеніе, имѣющее совершенно самостоятельный характеръ, первоначально носило слѣдующее заглавіе: „Селъ, деревень, селеній и жилищъ вѣдомства Директора Экономіи положеніе“; но Екатерина зачеркнула его и просто написала: о „сельской управѣ“; въ ссылкахъ же въ текстѣ проектъ продолжаетъ кратко именоваться „сельскимъ положеніемъ“ [1]). Какъ видимъ, само заглавіе указываетъ на независимость послѣдняго положенія; она станетъ очевидной, когда мы познакомимся съ содержаніемъ проектовъ.

[1]) Напримѣръ „Сельская управа и сходъ да не перемѣнитъ сельскаго положенія“.

Первый проектъ является довольно полной декларацией правъ и обязанностей свободнаго сельскаго населенія, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ.

Что касается до правъ личныхъ, то поселянамъ предоставляется судиться судомъ себѣ равныхъ, въ расправахъ; запрещается лишать ихъ безъ суда добраго состоянія, жизни и имущества; относительно имущества это запрещеніе подтверждается еще въ особой статьѣ; предусматривается вознагражденіе за нанесенное поселянамъ безчестье, причемъ таксируется въ зависимости отъ оскорбленія (словомъ, письмомъ или рукой) и отъ пола и возраста оскорбленнаго. Состояніе сельское является потомственнымъ и передается женѣ. Всѣ сельскіе обитатели раздѣляются на 6 состояній, въ силу чего раздѣляется на 6 частей обительскій списокъ, который ведется въ каждомъ селеніи. Состоянія эти слѣдующія: 1) настоящіе обитатели или лица обладающіе какимъ-либо недвижимымъ имуществомъ въ данномъ селеніи; 2) статейные, объявившіе за собой движимое имущество отъ 500 руб, причемъ въ зависимости отъ объявленной суммы они дѣлятся на 3 разряда [1]); 3) ремесленные; 4) чужеродныэ и переселенцы; 5) первомѣстные поселяне, или лица прошедшія съ похвалой сельскую и расправную службу и 6) поселяне, не попавшія ни въ одну изъ вышепомянутыхъ рубрикъ. Статейныя платятъ 1 процентъ съ объявленнаго по совѣсти имущества вмѣсто подушной подати и получаютъ право откупаться отъ поставки рекрутъ и работниковъ, а также вступать въ казенные и иные подряды и откупа; статейные первыхъ двухъ разрядовъ освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія [2]). Послѣдней льготой пользуются и первомѣстные поселяне, которые, кромѣ того, освобождаются отъ наряда (ра-

---

[1]) Въ первостатейные попадаютъ лица, объявившія имущество 10 т р. и выше (!).

[2]) Историческій обзоръ государственныхъ имуществъ почему то предполагаетъ, что монополія хлѣботорговли закрѣплена за статейными—это навѣрно; напротивъ, ст. 95 говоритъ: поселянамъ не запрещается продавать земледѣльныя производства, плоды и овощи.

ботниковъ?). Всѣ обитатели вносятся въ сельскій обитательскій списокъ, который и опредѣляетъ принадлежность лица къ данному сельскому обществу; всѣ внесенные въ него несутъ на равныхъ основаніяхъ „поселянскія подати, службы и наряды, какъ личные, такъ и вещные“, „развѣ особой статьей освободятся отъ оныхъ“, и пользуются „поселянской выгодой“; не записанные въ поселянство не могутъ пользоваться поселянскими землями [1]).

Общественныя права поселянъ тоже представляютъ цѣлую хартію, съ той разницей, что они частью носятъ факультативный характеръ: селеніямъ „дозволяется“ собираться сходомъ, имѣть для того избу, „не запрещается“ имѣть снощика и составить „особливую общую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять по общему согласію“, дозволяется представлять губернатору и Эк. Директору о своихъ общественныхъ пользахъ и нуждахъ, выбирать черезъ повѣренныхъ засѣдателей расправъ и исключать изъ общества „поселянина, который опороченъ судомъ, или котораго явный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы и судимъ еще не былъ, пока оправдается“.

Этотъ оборотъ рѣчи — дозволяется, не запрещается — конечно, характеренъ. даже въ этомъ либеральномъ проектѣ велерѣчивой Императрицы-писательницы проявляется незаинтересованность правительства въ внутренней мірской жизни. Какъ только дѣло касается органовъ для власти необходимыхъ, постановленія тотчасъ же принимаютъ ясно выраженный императивный характеръ; такъ выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія уже обязательны, такъ же какъ и сходъ

---

[1]) Есть одно бѣглое указаніе на участіе въ обществѣ и лицъ другихъ сословій: „Понеже о дворянскихъ родахъ явствуетъ дворянская родословная книга, о городовыхъ обывательскихъ семьяхъ городовыя обывательскія книги и того для будь дворянинъ или дворянка, мѣщанинъ или мѣщанка въ селѣ, деревнѣ, селеніи или жилищѣ вѣдомства Директора Экономіи, дворъ или иное строеніе или мѣсто или земли того села деревни, селенія или жилища имѣетъ, то въ сельскій обывательскій списокъ внести единственно имя, прозваніе и чинъ (буде имѣетъ), за кѣмъ который нумеръ“. Прим. къ ст. 35.

для того собираемый. Должностныя лица эти слѣдующія: сельскій старшина. сельскій староста, которые избираются на 3 года, и словесные разборщики, которые избираются на 1 годъ. Впрочемъ, можно думать, что и выборъ разборщиковъ необязателенъ, такъ какъ сходъ собирается обязательно только разъ въ 3 года, въ остальное же время только „когда въ томъ нужда и надобность законамъ непротивная окажется". Право голоса на сходѣ имѣетъ поселянинъ, имѣющій дворъ и землю, женатый и имѣющій дѣтей и небывалый въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и порокахъ [1]). Такимъ образомъ всѣ статеійные, поселяне, ремесленные и чужеродцы никакого активнаго участія въ общественной жизни не принимаютъ; полноправными членами общества являются только обыватели перваго разряда, которые недаромъ называются „настоящими обитателями".

Кромѣ указанныхъ лицъ, сельское общество избираетъ чрезъ три года въ помощь старшинѣ и старостѣ депутатовъ для составленія (и продолженія) упомянутаго обительскаго списка и десятинной описи земли, представляющей подробное описаніе и перечисленіе земель и угодій даннаго общества, причемъ, повидимому, описываться были должны земли по разрядамъ по всему обществу, а не по владѣльцамъ. Староста сочинялъ списокъ и описи, а разборъ доказательствъ производился старшиной съ депутатами, причемъ недовольные могли обжаловать ихъ рѣшенія въ верхнюю расправу. Нѣкоторое участіе и наблюденіе предоставлено, повидимому, и управительскихъ дѣлъ горницѣ (ст. 18 наставленія для соч. описи). Это учрежденіе—между прочимъ, единственное общее звено съ вторымъ проектомъ, въ которомъ именно оно „установляетъ сельскую управу"—образовывается тамъ, гдѣ имѣется нижняя расправа, и состоитъ изъ управителя экономіи, надзирателя домоводства и надзирателя водъ и лѣсовъ. Компетенція и функціи ея въ проектѣ совершенно не опредѣлены: единственно, что отнесено до ея вѣдомства, это дѣла

[1]) Ст. 27 касается выборовъ, предписанныхъ учрежденіемъ о губерніяхъ.

опекунскія, о которыхъ старшина и староста должны тотчасъ-же доносить ей и по дѣламъ о коихъ они принимаютъ участіе въ ея засѣданіяхъ.

Вообще, проектъ не даетъ полнаго сельскаго положенія, онъ обрисовываетъ только контуры сельскаго общественнаго устройства, причемъ многое остается неяснымъ. отношенія старшины и старосты неопредѣленны, мы ничего не узнаемъ о сноцикѣ, о словесныхъ разборщикахъ мы можемъ заключать только по ихъ краснорѣчивому названію и т. д. Зато есть чрезвычайно громкія постановленія о юридической личности сельскаго общества [1]), о жалованной грамотѣ, въ которой будутъ перечислены дарованныя ему выгоды, о запрещеніи „дѣлать положенія, противныя законамъ или требованіе въ нарушеніе узаконеній“, о выслушиваніи на сходѣ „предлога“ генералъ-губернатора, губернатора и Директора Домоводства и „чиненіи по случаю пристойнаго отвѣта сходственно узаконеніямъ и общему добру“.

Едва-ли нужно подвергать критическому разбору приведенный проектъ Екатерины: онъ является пересказомъ постановленій, касающихся другихъ сословій, чисто внѣшнимъ и формальнымъ способомъ примѣненныхъ къ сельскимъ обывателямъ; все, что составляетъ жизнь крестьянскаго міра, не нашло себѣ мѣста въ ея писаніи и уступило его довольно стройнымъ построеніямъ, выведеннымъ изъ чистаго разума и не имѣющимъ никакихъ корней въ дѣйствительной жизни. Писательскій характеръ проекта проявляется, между прочимъ, въ плохой пригнанности отдѣльныхъ статей другъ къ другу: мы указывали, что участіе въ сходѣ предоставлено только земле- и домовладѣльцамъ, составляющимъ въ екатерининской системѣ лишь одинъ разрядъ изъ шести, такъ что пять шестыхъ построенія оказываются внѣ общественнаго устройства, всѣ пять разрядовъ не получаютъ никакого активнаго участія въ общей жизни. Апріорныя разсужденія [2])

[1]) 20. Общество сельское на судъ да не предстанетъ, но да защищается своимъ повѣреннымъ.

[2]) Мы называемъ постановленія проекта апріорными разсужденіями, оцѣнивая ихъ съ точки зрѣнія примѣненія ихъ къ сельскому населенію,

законодательницы впадаютъ въ неразрѣшимый конфликтъ съ постановленіемъ, взятымъ изъ дѣйствительной жизни, который остается незамѣченнымъ. Нужно оговориться, что впослѣдствіи дѣйствительность все-таки побѣдила и единственный законодательный актъ Екатерины носитъ уже совсѣмъ другой характеръ. Но что касается первоначальнаго проекта, то, казалось бы, трудно придумать что-либо носящее болѣе яркую печать несостоятельности Однако, если мы познакомимся съ вторымъ проектомъ, то убѣдимся въ томъ, что это все-таки возможно. въ первомъ проектѣ положенія носятъ слишкомъ общій характеръ, чтобы абсурдность ихъ сдѣлалась очевидна; во второмъ Екатерина входитъ въ подробности и въ своемъ незнаніи дѣйствительной жизни доходитъ до nec plus ultra [1]).

По этому проекту, жители селеній дѣлятся на три категоріи: хозяевъ, работниковъ (старше 15 лѣтъ) и юношей (моложе 15 лѣтъ), которыя и вносятся въ соотвѣтственныя тетради. Хозяева ежегодно выбираютъ сельскую управу, состоящую изъ управнаго старшины и двухъ старшинскихъ товарищей, которые подчиняются управительскихъ цѣлъ горницѣ и нижней расправѣ. На обязанности ихъ лежитъ стараніе о благоуспѣшномъ состояніи сельскаго прокормленія и работы, о приращеніи искусства въ земледѣліи, скотоводствѣ и иныхъ работахъ, о добромъ порядкѣ и согласіи жителей; они же разбираютъ споры и ссоры, не превосходящіе размѣромъ 20 р. „касательно земледѣлія, прокормленія и работъ“, при-

оттѣняя взглядъ законодательницы на существующее, какъ на tabula rasa, по которой можно начертать какіе угодно узоры. Если же мы захотѣли бы прослѣдить происхожденіе екатерининскихъ постановленій, то съ этой точки зрѣнія они оказались бы представителями самаго нагляднаго опыта—почти всѣ они взяты изъ Жалованной грамоты 1785 и Городового положенія 1785 Въ частности обывательскій списокъ съ его шестью разрядами и съ настоящими обитателями во главѣ не что иное какъ перефразировка соотвѣтствующихъ статей Городового положенія.

[1]) Къ сожалѣнію мы не знаемъ, который проектъ старше, но во всякомъ случаѣ оба отдѣлены небольшимъ промежуткомъ времени оба они написаны въ продолженіе 2 лѣтъ, отдѣляющихъ изданіе городового положенія отъ обнародованія учрежденія 1787 года (о которомъ ниже).

чемъ недовольные могутъ въ недѣльный срокъ обжаловать ихъ рѣшеніе предъ судомъ. Работники имѣютъ также свой органъ, работничьи управы, состоящія изъ работническаго выборнаго и двухъ повѣренныхъ, избираемыхъ ими также на годъ и находящихся подъ надзоромъ смѣнившихся членовъ сельской управы. Какъ хозяева, такъ работники имѣютъ каждые свой сходъ, свою казну и пр. Запрещается безъ разрѣшенія управы называться хозяиномъ, причемъ всякій желающій завести сельское хозяйство долженъ заявить сельской управѣ, которая призываетъ записныхъ хозяевъ для свидѣтельства имущества и дачи участка и даетъ таковой „по тому каковое имущество признано будетъ“ вмѣстѣ съ сельскимъ управнымъ дозволеніемъ на заведеніе хозяйства. Только при соблюденіи этого условія, хозяинъ получаетъ право имѣть работниковъ и юношей, надъ которыми и получаетъ „хозяйское право“, „однако съ тѣмъ, чтобы права судейское и сельской управы имъ не нарушаемы были“. Хозяинъ долженъ обходиться съ работниками и юношами кротко, точно производить плату, не бить въ пьяномъ видѣ, не окровавлять и не повреждать членовъ и т. п. Если работникъ, прослуживъ 3 года, захочетъ быть хозяиномъ, то съ одобренія своего хозяина хлопочетъ о томъ въ управѣ, куда и представляетъ работу „какъ лучше умѣетъ“; управа по освидѣтельствованіи работы чрезъ младшихъ хозяевъ выдаетъ ярлыкъ на внесеніе въ хозяйскій списокъ. Юношу хозяинъ принимаетъ по договору (при 2 свидѣтеляхъ), коимъ опредѣляется срокъ, содержаніе и работа юноши.

Далѣе подробно опредѣляются отношенія хозяевъ, работниковъ и юношей, идутъ общія положенія о работѣ: какіе часы работные, о прогулкѣ рабочихъ дней и часовъ, о пени за ночную прогулку, о запрещеніи брать работу безъ вѣдома хозяина и пр. и пр.; подробно опредѣляется порядокъ на сходѣ, пени за его нарушеніе и т. д. Входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ постановленій не имѣетъ смысла. Того, что мы привели, совершенно достаточно, чтобы составить совершенно опредѣленное понятіе о проектѣ: это не что иное, какъ нехитрая передѣлка ремесленнаго положенія для сель-

скаго населенія, передѣлка, которая ограничивается только замѣной названій и терминовъ: сельская управа—ремесленная управа, младшій хозяинъ—младшій мастеръ и т. д.

Слѣды подобной работы остались въ самой рукописи проекта, гдѣ Императрица сама проводитъ параллель между постановленіями ремесленнаго положенія и своими предположеніями объ устройствѣ поселянъ. Тутъ же помѣщены и выдержки изъ Блэкстона и Делольма, бросающія свѣтъ на тѣ источники, откуда законодательница черпала свои принципальныя положенія, столь неудачно примѣняемыя ею къ нашему исконному мірскому самоуправленію.

Къ счастью, оба проекта остались на бумагѣ [1]). Единственный законодательный памятникъ дѣятельности Екатерины въ области устройства крестьянскаго самоуправленія—учрежденіе Екатеринославскаго намѣстничества [2]), носитъ уже совсѣмъ другой характеръ Правда, оно стоитъ въ тѣсной связи съ первымъ проектомъ, съ экономическими пунктами, но

---

[1]) Семевскій упоминаетъ во II томѣ своего труда о крестьянахъ при Екатеринѣ о наставленіи дворцовымъ конторамъ 1778 г. гдѣ попадаются выраженія, тождественныя съ проектомъ: первостатейные крестьяне, жительство, управительскихъ дѣлъ (горница? Семевскій вездѣ называетъ просто „управительскихъ дѣлъ“) Тутъ же онъ употребляетъ тѣ же термины: управительскихъ дѣлъ, первостатейныя, среднестатейные и рядовые крестьяне примѣнительно къ болѣе раннему времени, именно къ 1754 г Было бы любопытно выяснить отношеніе этихъ постановленій къ проекту Екатерины.

[2]) Полное заглавіе его таково „Установленіе сельскаго порядка въ казенныхъ Екатеринославскаго намѣстничества селеніяхъ, Директору Домоводства подвѣдомственныхъ. П. С. З. № 16603. Являясь учрежденіемъ мѣстнымъ, оно, тѣмъ не менѣе, было, повидимому, впослѣдствіи введено и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ: „и сходно тому, какъ во время управленія вашего Пермской и Тобольской губерніями, имѣли вы отъ насъ дозволеніе раздѣлить и составить волости крестьянъ вѣдомства директора Экономіи сообразно нашимъ о сельскомъ устройствѣ предположеніямъ, исполнить то же и по Вологодскому и Ярославскому намѣстничеству“ П С З. № 16840. Указъ 1790 г. марта 2 на имя Кашкина. Имѣется здѣсь въ виду учрежденіе 1787 г. и экономическіе пункты, или были другія еще о сельскомъ устройствѣ предположенія мы, не знаемъ.

„пункты", взятые за образецъ, подверглись строгому выбору, все явно-абсурдное, всѣ разряды, обитательскій списокъ, десятинныя описи—все это осталось въ проектѣ, перешла въ законъ лишь та часть его, которая непосредственно касается общественнаго управленія. Согласно съ „пунктами" сельское общество выбираетъ старшину и старосту на 3 года, словесныхъ разборщиковъ на 1 годъ (новостью является сборщикъ, выбираемый тоже на 1 годъ), причемъ условія избираемости такія же, какія въ проектѣ приняты для выборовъ по учрежденію 1775 г. [1]); имѣетъ сельскую избу, казну и писаря, причемъ казну составляетъ добровольными складками; выслушиваетъ предложенія генералъ-губернатора, губернатора или Дир. Экономіи и чинитъ отвѣтъ сходственный узаконеніямъ и общему добру, представляетъ о своихъ общественныхъ пользахъ и нуждахъ. Въ отличіе отъ Эк. пунктовъ (это отличіе отмѣчено въ самомъ положеніи) одинъ изъ представителей сельской администраціи, именно главный изъ нея старшина можетъ быть избираемъ и не изъ поселянъ, а изъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ положеніе 1787 г. отбрасываетъ девять десятыхъ екатерининскаго проекта, но тѣ „пункты", которые онъ беретъ изъ него, оно подвергаетъ гораздо болѣе детальной разработкѣ, чѣмъ это дѣлаетъ проектъ. Однако, несмотря на всю свою подробность и даже многорѣчивость оно все-таки не даетъ исчерпывающей конструкціи сельскаго управленія, многое остается неяснымъ и неполнымъ.

Начнемъ съ того, что сходъ, этотъ, казалось бы, главный членъ системы, забытъ законодателемъ; не только нѣтъ указаній на его составъ, но и вообще онъ обыкновенно не упоминается и замѣняется общимъ терминомъ „сельское общество" [2]); въ вводной статьѣ, перечисляющей установленія новаго положенія, онъ также пропущенъ. Далѣе самое устройство сельскаго

---

[1]) „поелику изъ таковымъ выборныхъ людей должны иные со временемъ занимать мѣста, наполняющіяся выборами по Высочайшему учрежденію".

[2]) Сходъ упоминается мелькомъ только въ статьѣ о сельской избѣ.

управленія страдаетъ неясностью. Оно вводится не всегда полностью; въ зависимости отъ числа дворовъ, составъ сельской администраціи уменьшается [1]), органичиваясь въ селеніяхъ отъ 15 до 50 дворовъ однимъ старостой, а въ селеніяхъ, заключающихъ меньше 15 дворовъ и хуторахъ однимъ только десятскимъ, для исполненія приказаній. Только относительно послѣднихъ (меньше 15 дворовъ) сказано, что они присоединяются къ другимъ мѣстечкамъ, селеніямъ и пр. Слѣдовательно, надо вывести, что всѣ остальныя селенія, каковъ бы ни былъ составъ ихъ управленія — составляютъ вполнѣ самостоятельныя единицы и ни въ какой инстанціонной зависимости отъ другихъ не состоятъ; а между тѣмъ въ другой статьѣ разрѣшается, въ случаѣ злоупотребленія старосты тѣхъ селеній, гдѣ вся администрація имъ однимъ ограничивается, „доносить той сельской избѣ, которой сіе селеніе подчинено“—значитъ и такія селенія подчинены сосѣднимъ? Далѣе, раздѣльность и самостоятельность сельскихъ обществъ нарушается еще постановленіями о поставкѣ рекрутъ, для которой поселяне соединяются въ пятисотные участки. Организація этихъ участковъ не опредѣлена. Наконецъ, очень неясно соотношеніе выборныхъ: сельскій старшина дѣйствуетъ обще со старостами и выборными, выборные — въ присутствіи старосты, староста — обще со старшиной и т. д. Опредѣлительно выразить ихъ компетенцію невозможно: они до извѣстной степени представляютъ коллегію, первымъ членомъ которой является старшина, а другими участниками староста и выборные. Иногда къ совѣту привлекаются и не входящіе въ число

[1]) Въ селеніяхъ, въ коихъ 1000 дв. и выше, избирается одинъ сельскій старшина и на каждые 500 дв. по 1 старостѣ, 2 выборныхъ или сельскихъ разборщика и 1 сборщику; въ селеніяхъ отъ 500—1000 дв.— 1 старшина, 1 староста, 3 выборныхъ и 1 сборщикъ, въ селахъ и деревняхъ отъ 200—500 дв.—1 старшина, 1 староста, 2 выборныхъ и 1 сборщикъ, въ селеніяхъ отъ 50—200 дв 1 с. старшина, 1 староста, 1 выборный и 1 сборщикъ; въ селеніяхъ отъ 15—50 дв.—1 староста; въ селеніяхъ менѣе 15 дв. и хуторахъ—одинъ десятскій для исполненія приказаній Мы видимъ, что единицей является селеніе, и никакихъ высшихъ территоріальныхъ союзовъ учрежденіе 1787 г. не знаетъ.

должностныхъ лицъ, именно, если замѣченный въ злоупотребленіяхъ поселянинъ не исправится по внушенію сельскаго старшины и другихъ членовъ сельской администраціи, то у него отнимается должность и передается другому, „по общему всѣхъ сельскихъ чиноначальниковъ и почетнѣйшихъ въ обществѣ сельскомъ поселянъ согласію“.

Отношеніе сельскихъ выборныхъ „чиноначальниковъ“ къ высшему начальству, а также къ ихъ избирателямъ не выражено въ сколько-нибудь точныхъ юридическихъ опредѣленіяхъ и носитъ скорѣе патріархальный характеръ. Что касается до отношеній къ высшимъ, то Директору Экономіи предписывается „особливо наблюдать, чтобы всѣ должности свои отправляли съ непоколебимой ревностью и усерднымъ одни другимъ вспомоществованіемъ“; что же касается до „подчиненныхъ имъ поселянъ“, то, будучи ими почитаемы, они все же должны „приводить ихъ въ послушаніе и къ исполненію порядка съ вѣжливостью“, опасаясь въ случаѣ злоупотребленій не только „неминуемаго взысканія“, но и „отъ всего общества неудовольствія“. Здѣсь, хотя и въ неясной формѣ, выражена связь и зависимость сельскихъ должностныхъ лицъ отъ избравшихъ ихъ обществъ. Это выгодно отличаетъ положеніе 1787 года отъ другихъ аналогичныхъ законодательныхъ постановленій: оно является единственнымъ памятникомъ въ исторіи крестьянскаго самоуправленія, гдѣ, хотя бы такой незначительной черточкой, была выражена идейная сущность самоуправленія.

Перейдемъ теперь къ изложенію компетенціи сельскаго управленія. Первое лицо въ обществѣ—старшина; на него возложено посредничество между властью и населеніемъ, а также обязанности полиціи благосостоянія и безопасности: ему поручено обнародывать узаконенія и „все, что до исполненія оныхъ, тожъ до благочинія, пользъ, безопасности, спокойствія и добраго хозяйства относится, поселянъ толковать, вразумлять и научать“, жителей отвращать отъ худыхъ толковъ и препровождать въ Нижній земскій судъ и уѣздному стряпчему; склонять поселянъ отдавать дѣтей въ сельскую церковную школу; защищать поселянъ отъ обидъ и требовать защиты

отъ Нижняго земскаго суда и земскаго исправника; доставлять продовольствіе войску и, кому слѣдуютъ, подводы; принимать мѣры и доносить о падежахъ, болѣзняхъ и пр., ловить злоумышленниковъ и доставлять въ Нижній Земскій судъ; слѣдить за соблюденіемъ противопожарныхъ мѣръ, за чистотой улицъ и воды; онъ же обязанъ, вообще со старостами и выборными, исполнять законныя повелѣнія судебныхъ мѣстъ и начальствъ. Такимъ образомъ, старшина является главнымъ представителемъ сельскаго населенія: къ нему обращается власть въ своихъ отношеніяхъ съ населеніемъ, онъ является оффиціальнымъ его защитникомъ, на него же возложено попеченіе о благоустройствѣ и исполненіи мѣръ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Если должность старшины разсчитана, главнымъ образомъ, на сношенія съ внѣшнимъ міромъ, то обязанности старосты носятъ, наоборотъ, болѣе домашній, хозяйственный характеръ, онѣ требуютъ „непорочнаго поведенія, искусства и рачения въ домостроительствѣ, земледѣліи и скотоводствѣ и соболѣзнованія къ бѣднымъ“. Онъ наблюдаетъ за хозяйствомъ своихъ односельчанъ, смотритъ за тѣмъ, чтобы межи селенія не были запаханы сосѣдями, совѣтуетъ не раздроблять своихъ земель, удерживаетъ отъ побѣговъ, старается, чтобъ не было шатающихся по міру, чтобы поселяне были ласковы и т. п. Онъ же вмѣстѣ съ выборными производитъ раскладку податей; въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ выборныхъ не полагается онъ производитъ раскладку съ тѣми, кого жители на сей случай сами назначатъ или „всѣмъ собравшимся обществомъ“. Должность его считается наиболѣе трудной; въ силу того, что онъ „болѣе другихъ озабоченъ и отягощенъ“, разрѣшается, по общему согласію сельскаго старшины, старосты и выборныхъ, поручить отдѣльныя его обязанности выборнымъ, подъ его наблюденіемъ, какъ то: „иному изъ нихъ оброчныя статьи, не на откупѣ состоящія, другому общественные магазины, третьему попеченіе о внутреннихъ сельскихъ упражненіяхъ и пр.“. Кромѣ этихъ случайныхъ обязанностей, а также участія въ раскладкѣ, на выборныхъ лежитъ еще разбирательство въ маловажныхъ спорахъ, при чемъ и тутъ въ случаѣ несогласія приглашается сельскій старшина

и староста (они же замѣняютъ выборныхъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ ихъ не полагается); кромѣ того, недовольные могутъ выбрать посредниковъ изъ поселянъ или обратиться въ нижнюю расправу—судъ имѣетъ характеръ инстанціи примирительной. Если мы упомянемъ еще сборщика податей и исполнительные органы—сотскихъ и десятскихъ, „коихъ употребляютъ въ сельскія надобности помѣсячно и недѣльно, дабы тѣмъ, не всѣхъ въ одно время удалить отъ хозяйскихъ упражненій“—то нашъ перечень сельской администраціи и ихъ функцій будетъ полонъ. Мы видимъ, что положеніе излагаетъ компетенцію должностныхъ лицъ отдѣльно, но совершенно не выдерживаетъ системы, ссылаясь на общее согласіе, на помощь и содѣйствіе другихъ, замѣняетъ одни органы другими и т. д. Раздѣльность властей остается чисто словесной и выборные составляютъ, на самомъ дѣлѣ, единое коллегіальное цѣлое, со старшиной во главѣ, который „за точнымъ исполненіемъ всѣхъ предупомянутыхъ должностей имѣетъ надзираніе“. Однако слитность общественныхъ должностей имѣетъ мѣсто только въ отношеніяхъ внутреннихъ—извнѣ общество представляется старшиной и только имъ однимъ.

Отмѣченную нами неудачу попытки распредѣлить обязанности сельскаго управленія между отдѣльными его органами мы не поставимъ въ упрекъ положенію; болѣе того, мы скажемъ, что не стоило предпринимать самой попытки: на той стадіи развитія, къ какой относится положеніе 1787 г., во время отсутствія системы самоуправленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, охватывающей населеніе въ полномъ составѣ, въ эпоху господства приказнаго начала, единственная возможность дать массѣ населенія участіе въ общественной жизни—это политика невмѣшательства правительства въ уже существующія ея формы, т. к. всякая попытка дать ей формальное опредѣленіе въ законѣ въ лучшемъ случаѣ останется мертвой буквой, если же поведетъ за собой вмѣшательство властей, то окончательно задушитъ всякую общественную самодѣятельность. Laisser faire вотъ лозунгъ, который долженъ опредѣлять въ данномъ случаѣ поведеніе власти. Мѣстныя силы слишкомъ слабы, чтобы опираться на формаль-

ный законъ, имъ одно только можетъ дать достаточную устойчивость—это издавна идущія общественныя связи, крѣпкія своимъ исконнымъ фактическимъ существованіемъ соціальныя отношенія. Сущее мыслится какъ долженствующее быть, и въ самомъ существованіи своемъ черпаетъ свои силы; всякое нововведеніе обречено на гибель. Болѣе того, всякая реформа самоуправленія идущая сверху, будь даже она теоретически безупречна, если только власть захочетъ ее дѣйствительно примѣнить, похоронитъ существующую общественную жизнь. Дѣло въ томъ, что проведеніе реформъ въ жизнь поведетъ за собой соприкосновеніе съ бюрократическими представителями власти, которымъ слабыя мѣстныя силы не смогутъ оказать достаточнаго сопротивленія. Слишкомъ уже не равны противники. Нужно современное развитіе мѣстнаго самоуправленія, чтобы отношенія между представителями общества и правительства, вылившись въ опредѣленныя юридическія формы, служили на пользу обѣимъ сторонамъ. „Желѣзный млатъ дробя стекло куетъ булатъ“. Если и теперь было бы затруднительно сказать, „куютъ“ или „дробятъ“ наши мѣстныя силы столкновенія съ центральной властью, то относительно того времени сомнѣній возникнуть не можетъ: въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какъ затрещатъ хрупкія общественныя связи подъ напоромъ бюрократическаго вмѣшательства.

Поэтому, мы не поставимъ въ большой упрекъ составительницѣ положенія ни ея многорѣчивости [1]), ни неясности юридической конструкціи, ни малой разработанности деталей, ни забвенія схода—все это надо простить за то, что она не погубила мірской жизни. Конечно, при той неопредѣленности отношеній между директорами и сельскими выборными, на которую мы указывали, возможно было и угнетеніе міра, но это, не являлось необходимымъ слѣдствіемъ примѣненія положенія. Екатерина, тщательно ознакомившись съ существующимъ законодательствомъ о крестьянахъ отказалась отъ своихъ первоначальныхъ фантастическихъ предположеній и въ сво-

[1]) Положеніе занимаетъ многія страницы. Мы привели только его юридическій скелетъ.

емъ положеніи 1787 г. достигла, сравнительно очень благопріятныхъ результатовъ: 1) она опредѣлила представителя крестьянскаго міра для внѣшнихъ отношеній, причемъ не создала, подобно своимъ преемникамъ, новыхъ формальныхъ подраздѣленій, а взяла за основаніе существующую единицу—селеніе; 2) она констатировала фактъ внутреннеї общественной жизни селеній, выразивъ его при этомъ въ столь общихъ чертахъ, что не являлось лишнихъ поводовъ къ вмѣшательству властей предержащихъ въ самую организацію мірской жизни; 3) она констатировала общественную жизнь, какъ таковую, а не исключительно подъ угломъ зрѣнія узкаго фискализма, благодаря чему всѣ попечительныя обязанности крестьяскихъ властеї получаютъ въ меньшеї степени тотъ аракчеевскій характеръ, который они пріобрѣтаютъ впослѣдствіи, а носятъ нѣсколько патріархальный оттѣнокъ, выражая, главнымъ образомъ, соціальныя пожеланія правительства. Такимъ образомъ положеніе 1787 создавало нѣкотоую возможность общественной жизни при благопріятномъ, конечно, отношеніи мѣстныхъ представителеї власти. Насколько эта возможность осуществлялись въ дѣйствительности, мы не знаемъ. Но она была—и это уже много. Этимъ Положеніе 1787 г., несмотря на всѣ свои недостатки, выгодно отличается отъ послѣдующихъ мѣропріятій, которыя будутъ неуклонно разрушать міръ и сдѣлаютъ невозможнымъ нормальное отправленіе его фукцій.

Глава II.

Екатеринѣ II не удалось повсемѣстно провести въ жизнь свои соображенія объ устройствѣ свободныхъ поселянъ; устройство ихъ въ полномъ составѣ осталось въ наслѣдство ея преемникамъ, которые, дѣйствительно, часто возвращались къ этому вопросу. Первая попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ Павлу I, а такъ какъ остальныя не выходили изъ области проектовъ, то данное этимъ государемъ устройство просуществовало до реформы Киселева и послужило основнымъ матеріаломъ при созданіи перваго свода законовъ.

Мы разумѣемъ высочайше утвержденный докладъ экспедиціи государственнаго хозяйства [1]) о раздѣлѣ казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія отъ 7 августа 1797 г. [2]). Это законоположеніе стоитъ въ тѣсной генеалогической зависимости отъ положенія 1787 г.[3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отъ него отличается. Имъ начинается новая эра въ исторіи нашего крестьянскаго самоуправленія, характерной чертой которой является все болѣе и болѣе глубокое проникновеніе правительственной регламентаціи въ самое сердце мірской жизни.

Правда, правительство продолжаетъ мало интересоваться внутренней жизнью міра, но теперь оно перестаетъ съ нимъ считаться. Если раньше оно примѣнялось къ уже существующему строю крестьянской общественной жизни, стараясь только лучше его использовать въ нужномъ для него направленіи, то теперь оно начинаетъ творить и создавать нужные ему органы на крестьянскій счетъ, кроить мірскую жизнь по образцамъ, диктуемымъ удобствомъ управленія Докладъ 7 августа и является первымъ „созидающимъ“ актомъ. Онъ вводитъ новое территоріальное дѣленіе — волость [4]),

---

[1]) Объ этой экспедиціи см. статью Вешнякова въ „Русской Старинѣ“. 1901 г, № 10 и 11 и 1902 г., № 7 и 8.

[2]) П. С З. № 18082 Мы оставляемъ въ сторонѣ законъ 5 апрѣля 1797 г., давшій устройство удѣльнымъ крестьянамъ и послужившій образцомъ для разбираемаго нами доклада 7 августа.

[3]) Хотя Вешняковъ въ упомянутой статьѣ и утверждаетъ, что при составленіи доклада было признано невозможнымъ воспользоваться Екатеринославскимъ положеніемъ, какъ неутвержденнымъ Высочайшей властью (?), однако, связь этихъ двухъ актовъ, сомнѣнію не подлежитъ

[4]) Что мы имѣемъ дѣло съ нововведеніемъ, указываетъ самый способъ выраженія закона 1797 г. Вотъ какъ онъ начинается „Вашему Величеству угодно было Высочайше повелѣть, чтобы при сочиненіи вѣдомостей казеннымъ имѣніямъ, не различать селеній по званіямъ, но писать цѣлыми волостями, . Но дабы и на будущее время утвердить сіе постановленіе Экспедиція всеподданнѣйше представляетъ слѣдующее положеніе..“. Границы волостей измѣнялись и впослѣдствіи, отнюдь не являясь чѣмъ то твердо установленнымъ. Такъ, въ 1822 г. Симбирская палата „сдѣлала вновь распредѣленіе казенныхъ волостей“. См. 1828 г. П. С. З. № 1759.

обнимающую нѣсколько мірскихъ обществъ, единицу, какъ мы указывали, неизвѣстную XVIII вѣку. Онъ впервые вводитъ въ наше законодательство понятіе о крестьянскихъ выборныхъ начальникахъ, созданныхъ съ единой и исключительной цѣлью: служить видамъ правительства—установленіе, оказавшее на крестьянское самоуправленіе самое губительное дѣйствіе и подавляющее его до самаго послѣдняго времени.

Докладъ 7 августа дѣлитъ казенныхъ крестьянъ на волости, размѣромъ не больше 3000 душъ [1]); во главѣ волости поставлено волостное правленіе, состоящее изъ волостныхъ головы и писаря, избираемыхъ на 2 года „обществомъ изъ всѣхъ селъ и деревень, къ той волости принадлежащихъ“ и изъ старосты того селенія, въ коемъ волостное правленіе имѣетъ мѣстопребываніе. Въ каждомъ селеніи или деревнѣ полагается „по одному сельскому или деревенскому или другого наименованія по обычаю той губерніи или народа старшинѣ, и при всякихъ десяти дворахъ по одному десятскому“. Старшины избираются селеніями на 1 годъ, десятскіе отбываютъ свои обязанности по очереди, помѣсячно. Голову, писаря и „сельскихъ и деревенскихъ выборныхъ или другого названія смотрителей“ выбирать велѣно „изъ крестьянъ добрыхъ поведеніемъ, примѣрныхъ въ хозяйствѣ, а паче въ земледѣліи и скотоводствѣ искусныхъ, дабы собой другимъ подавали примѣръ“. Головамъ полагается жалованье 20 р., писарямъ—15, выборнымъ—10 р. въ годъ; кромѣ того они освобождаются лично отъ нарядовъ и работъ, „но не исключаются изъ денежнаго платежа казенныхъ по-

---

[1]) Опредѣленное число душъ не назначается по разнообразію мѣстныхъ условій, ставится только высшій предѣлъ—3 т. д.; конкретное же установленіе размѣровъ предоставляется гражданскимъ губернаторамъ и Казеннымъ палатамъ, съ тѣмъ, чтобы только не были разбиваемы пятисотные участки. „на кои по разнымъ узаконеніямъ разнаго званія поселяне казенныхъ вѣдомствъ раздѣлены для разныхъ повинностей и раздаваемыхъ на обывательское содержаніе полковыхъ подъемныхъ и артиллерійскихъ лошадей“. Что это за пятисотные участки, мы не знаемъ. Вспомнимъ пятисотные рекрутскіе участки, упоминаемые положеніемъ 1787 г. и ук. 1756 г. о драгунскихъ лошадяхъ.

датей". Десятскіе никакого жалованія не получаютъ и никакими льготами не пользуются.

Обязанности должностныхъ крестьянскихъ лицъ неисчислимы и всеобъемлющи; волостной голова въ волости, а выборные въ своихъ селеніяхъ обязаны обнародывать узаконенія и „оныя прочитывать .. при церквахъ и на случающихся сходкахъ"; толковать, вразумлять и поучать, что до добронравія и пользы поселянъ относится; вразумлять о долгѣ посѣщенія службъ и хожденія къ исповѣди; блюсти о благочиніи гражданскомъ, о предотвращеніи болѣзней, скотскихъ падежей и пожаровъ, объ употребленіи указныхъ мѣръ и вѣсовъ; „пещись о всемъ сельскомъ хозяйствѣ вообще и обывателей пріучать", чтобы въ расположеніи домовъ былъ должный порядокъ, чтобы земель своихъ не оставляли безъ употребленія, чтобы сѣяли „по свойству земли сходственныя сѣмена", чтобы размножали разные „надобные фрукты и произрастенія" и особливо земляныя яблоки, чтобы имѣли на случай неурожая „двойныя сѣмена"; наблюдать за тѣмъ, чтобы было достаточно воды и чтобы она была здоровая; слѣдить за тѣмъ, чтобы были въ каждомъ селеніи нужные для тушенія огня инструменты „и всѣхъ поселянъ по дворамъ расписать, кому съ чѣмъ идти на пожаръ, подъ штрафомъ одного рубля"; сыскивать и ловить подозрительныхъ людей; „прилежно наблюдать и отвѣтствовать", чтобы дороги и мосты были въ исправности; „наблюдать, чтобы всѣ поселяне съ сосѣдями ласково и дружески, а съ переѣзжающими вѣжливо и гостеприимно обходились"; „употреблять старанія, дабы жители, провождая время въ трудолюбіи, нигдѣ и никогда нищенскимъ образомъ милостыни не просили", неработоспособныхъ отдавать родственникамъ, а для неимѣющихъ родства „попеченіемъ волостного правленія" построить богадѣльни, „гдѣ и снабдевать ихъ теплотой, прокормленіемъ и нужной одеждой отъ мірской на то складки"; „дѣлать по своимъ мѣстамъ примѣчанія... и представлять куда слѣдуетъ"; стараться о размноженіи рукодѣлій и фабрикъ. Далѣе, подъ наблюденіемъ головы выборные должны „недреманнымъ около бдѣть" о неприкосновенности недвижимыхъ имуществъ, принадлежа-

щихъ селеніямъ, и о цѣлости межъ. Подъ его же наблюденіемъ находятся и учреждаемые въ каждой волости запасные хлѣбные магазины, къ которымъ опредѣляется въ качествѣ смотрителей спеціально для этого выбранные отъ міра старосты „испытанные въ вѣрности и добромъ поведеніи“. Кромѣ того на одномъ Волостномъ Головѣ, безъ содѣйствія выборныхъ, лежатъ еще слѣдующія обязанности: онъ взыскиваетъ всѣ окладные и неокладные сборы и вноситъ ихъ въ казначейство; въ маловажныхъ ссорахъ и искахъ поселянъ между собой чинитъ расправу и примиряетъ, предоставляя имъ въ случаѣ недовольства обращаться въ общіе суды [1]); имѣетъ надъ вдовами и сиротами опеку, также, какъ и надъ лѣнивыми и нерадивыми, вслѣдствіе чего долженъ „лично ежемѣсячно во всѣхъ частяхъ ихъ хозяйство осматривать и наблюдать во всемъ, что поселянскую пользу составить можетъ“.

Мы составили этотъ длинный и подробный перечень обязанностей крестьянской администраціи, чтобы дать понятіе о томъ духѣ гувернементализма, которымъ онъ проникнутъ. Аракчеевская постройка, какъ справедливо называютъ учрежденіе Киселева, была заложена уже тогда, когда Киселевъ былъ ребенкомъ, и прочнымъ фундаментомъ для нея послужилъ изложенный нами докладъ экспедиціи государственнаго хозяйства.

На крестьянскую администрацію было возложено громадное бремя самыхъ разнообразныхъ обязанностей; для проведенія ихъ въ жизнь они были снабжены очень обширными полномочіями и очень внушительныхъ размѣровъ властью. Во-первыхъ, нужно отмѣтить, что волостное управленіе получило устройство централизованное: „Волостной голова, яко старшій надъ всей волостью, надсматриваетъ и наблюдаетъ за сельскими и деревенскими выборными, старостами или другихъ званій смотрителями и десятскими, чтобы каждый изъ нихъ исправлялъ на него возложенное и тщательно исполнялъ свою должность“. Далѣе, отношенія вы-

[1]) Расправы отмѣнены Павломъ въ 1796 г Засѣдатели отъ поселянъ остались, а при Александрѣ I были допущены и въ общіе суды.

борныхъ лицъ къ поселянамъ носятъ характеръ совершенно начальническій, — недаромъ они часто называются смотрителями, читая соотвѣтствующія статьи, можно совершенно забыть о той связи съ населеніемъ, которую должно было бы внести выборное начало. „Волостной Голова, писарь и сельскіе выборные, бывъ отъ всѣхъ прочихъ поселянъ отличаемы и почитаемы, обязаны взаимно пользѣ поселянъ всякими образы способствовать и всякаго въ этомъ предоберегать и предостерегать, и въ отправленіи должности строго, но съ порядкомъ взыскивать, а безъ того снисходительно и дружески съ ними обходиться, всякія просьбы терпѣливо принимать и на всѣ ихъ нужды внимать, прямыми у нихъ ходатаями быть и къ взяткамъ отнюдь не касаться, поколику они какъ за упущеніе своихъ должностей, такъ и за удрученіе своихъ подчиненныхъ, подвержены будутъ равному взысканію и по закону истязанію“. Какъ видимъ головы, писаря и выборные являются грозными, но милостивыми начальниками надъ подчиненными имъ избирателями. Для того, чтобы держать ихъ въ должномъ почтеніи, они снабжены весьма внушительной властью: „въ случаѣ ослушанія или коснувшійся обидѣть словомъ, первому рубль, а другимъ всѣмъ по полтинѣ пени платить; въ случаѣ же кто дерзнетъ рукой, взыскивать съ него тройную денежную плату, и отсылать на время въ тюрьму или употреблять на разныя работы“. Если нѣсколько странными кажутся намъ эти постановленія, опредѣляющія отношенія выборныхъ къ отдѣльнымъ избирателямъ, то какимъ громкимъ диссонирующимъ аккордомъ должна прозвучать слѣдующая статья, опредѣляющая положеніе распорядительнаго мірского органа, которая могла бы съ успѣхомъ служить эпиграфомъ къ сборнику распоряженій правительства по устройству крестьянскаго управленія за весь разсматриваемый нами періодъ XIX вѣка: „Въ каждомъ селеніи по сдѣланной отъ волостного головы или выборнаго чрезъ десятскихъ повѣсткѣ, должны жители по одному съ каждаго двора, или сколько приказано будетъ, при всякомъ случаѣ немедленно поспѣшать, а тамъ будучи во всякой

тишинѣ, что имъ приказано будетъ внимать и въ точности исполнять подъ штрафомъ за неповиновеніе или небытіе по призыву на сходъ 50 копеекъ, а за безчинство и шумъ противъ того вчетверо". Жалкимъ, послѣ чтенія этой статьи, представляется право и обязанность поселянъ учитывать головъ во взимаемыхъ ими сборахъ и подписывать чрезъ священника въ тетради прихода и расхода, что „міромъ тѣ расходы считаны". Впрочемъ это чувствовалъ и самъ законодатель—онъ предоставилъ міру право искать при учетѣ защиты противъ выбраннаго имъ лица у... земскаго исправника. Это послѣдняя черточка служитъ прекраснымъ свидѣтельствомъ всей ненормальности создавшагося положенія, той пропасти, которая несомнѣнно должна была образоваться между выборными и избирателями.

Любопытно отмѣтить, что по содержанію актъ 7 августа 1797 г. очень мало отличается отъ учрежденія 1787 г., матеріальное право осталось то же, почти всѣ статьи доклада находятся въ прямой генеалогической связи съ соотвѣтствующими постановленіями Екатерининскаго положенія [1])—и все-таки между этими двумя актами, отдѣленными только однимъ десятилѣтіемъ, громадная разница, важность которой трудно переоцѣнить. Первый актъ исходитъ изъ существующаго порядка вещей, изъ той двуликости міра, о которой мы говорили, какъ о характерной чертѣ XVIII вѣка, и пытается только дать его административному лицу нѣкоторую болѣе опредѣленную организацію, отнюдь не разрывая его органической связи съ дѣйствительной, жизненной стороной крестьянской общественной жизни, съ міромъ въ собственномъ смыслѣ; поэтому напыщенное и велерѣчивое описаніе неисчислимыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на крестьянскія органы и включающія между прочимъ и тѣ попечительныя функціи, которыя имѣются въ докладѣ 1797 г. является, по существу, довольно безобиднымъ фразерствомъ. Конечно, постановленія 1787 года открываютъ возможность, при не-

[1]) Генеалогическую связь можно прослѣдить и дальше, нисходя къ источникамъ, по которымъ составлено положеніе 1787 г.

удачномъ подборѣ Директоровъ Экономіи и старшинъ, губительнаго вмѣшательства въ мірскую жизнь, но они не дѣлаютъ этого своимъ необходимымъ результатомъ. Напротивъ, примѣненіе закона 1797 неизбѣжно ведетъ за собой гибель и развалъ міра, онъ грубо разсѣкаетъ тѣ органическія связи, которыя скрѣпляютъ выборныхъ съ крестьянскимъ обществомъ, изъ органовъ міра дѣлаетъ ихъ смотрителями и начальниками, за защитой отъ которыхъ нужно обращаться къ земскимъ исправникамъ.

Крестьянскіе выборные превращаются въ низшихъ агентовъ власти, дѣлаются тѣмъ, чѣмъ раньше были одни сотскіе съ товарищами и въ ихъ рукахъ попечительныя функціи дѣлаются уже опаснымъ орудіемъ эксплоатаціи, тѣмъ болѣе ужасной, что она исходитъ отъ своихъ же односельчанъ: вѣдь, нельзя себѣ представить худшаго примѣненія власти, чѣмъ то, которое сдѣлаютъ лица, получившія случайно власть надъ людьми своего же круга. Конечно, міроѣды были и до положенія 1797 г. [1]), но съ его изданіемъ они сдѣлались государственнымъ установленіемъ; власть искусственно воспитала это ядовитое явленіе русской жизни, составляющее язву крестьянства. Власть заботилась только объ одномъ — создать себѣ низшіе исполнительные органы на крестьянскій счетъ, которые служили бы посредниками въ ея немногосложныхъ отношеніяхъ съ крестьянскимъ свободнымъ населеніемъ. Ту роль, которую играли относительно крѣпостныхъ крестьянъ помѣщики, должны были относительно казенныхъ исполнять подъ руководствомъ земской полиціи крестьянскіе выборные [2]). Какъ эта близорукая политика отразится на крестьянской обыденной жизни—

[1]) См. напр. Соловьевъ VI стр. 1021.

[2]) Иногда эта аналогія получаетъ прямое выраженіе: Билеты на краткій срокъ выдаются Волостн. Правленіями, наравнѣ съ помѣщиками, Городск. Думами и Удѣльными приказами 1827. П. С. З. № 1593. См. еще указъ 20 іюля 1809 г. (П. С. З. № 23748), который предписалъ переписать нищихъ, къ какимъ волостямъ и помѣщикамъ они принадлежатъ, и препроводить къ своимъ помѣщикамъ и волостнымъ правленіямъ (ср. ст. 252, учр. о губ. и предписаніе 12 янв. 1801 г. (П. С. З. № 19715), чтобы казенныя селенія своихъ нищихъ содержали). Вара-

этимъ правительство не интересовалось. Характерно, что въ актѣ 1797 г. только одна статья касается мірской жизни, именно статья защищающая мірскую раскладку отъ вмѣшательства Волостныхъ головъ (но не выборныхъ „смотрителей“) [1]). Въ другихъ статьяхъ иногда имѣются ссылки на мірское согласіе какъ по отдѣльнымъ селеніямъ, такъ и по всей волости, но, конечно, это „согласіе“ осталось на бумагѣ Хуже того, мы увидимъ, что политика правительства привела не только къ безучастью схода въ отправленіи административныхъ обязанностей, но и къ полной его внутренней деморализаціи, достигающей почти невѣроятныхъ предѣловъ.

Послѣдующія мѣропріятія не внесли ничего существенно новаго въ крестьянское управленіе, вводя въ него только поправки, дополняя и развивая начала, установленныя закономъ 1797 г. Поэтому мы оставимъ хронологическій порядокъ изложенія и попробуемъ дать картину функціонированія положенія 1797 г., излагая попутно вводимыя въ него дополненія. Но предварительно для большей ясности изложенія мы дадимъ краткія указанія на высшіе органы мѣстнаго управленія казенныхъ крестьянъ.

Управленіе казенными крестьянами не было сосредоточено въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ, какъ это было впослѣдствіи, послѣ реформы Киселева; хозяйственное управленіе было отдѣлено отъ финансово-полицейскаго. Первое было поручено казеннымъ палатамъ, или, вѣрнѣе, одному изъ ея отдѣленій; второе земскому уѣздному суду, подъ надзоромъ губернскаго правленія. По учрежденію о губерніяхъ непосредственное отношеніе къ казеннымъ крестьянамъ имѣла Экспедиція

диновъ. Ист. М В Д. ч. II, кн. 2-ая, стр. 344 сл. Гуляевъ. Права и обязанности градской и земской полицій. Москва. 1824 г. ч. I, стр. 93—4. См еще ук. 23 мая 1825 г П. С. З. № 30356.

[1]) „Какъ разныя казенныя селенія, приписанныя въ одну волость не могутъ имѣть равное количество земли и угодій, но бываетъ у однихъ много, а у другихъ мало земли· то всякое селеніе, владѣя ему принадлежащими, дѣлаетъ свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тягламъ и въ оную волостные головы вмѣшиваться не должны, п. ч. раскладка дѣлается не по мірскому приговору всей волости, но по каждому селенію особенно“.

Директора домоводства, которая собирала свѣдѣнія о различныхъ категоріяхъ свободныхъ поселянъ (словомъ, о всѣхъ кои судомъ вѣдомы въ Нижней и Верхней Расправахъ), надзирала за оброчными статьями, хлѣбными запасными магазинами, составляла подробныя описанія казенныхъ селеній; въ случаѣ надобности Директоръ самолично обозрѣвалъ казенныя селенія и оброчныя статьи [1]). Впослѣдствіи, эта Экспедиція, получившая названіе хозяйственнаго отдѣленія [2]), пріобрѣла новыя полномочія, и, къ концу разсматриваемаго нами періода, въ компетенцію ея входили слѣдующіе предметы по завѣдыванію казенными крестьянами: дѣла по производству ревизій, по перечисленію изъ сословія, составленіе рекрутскихъ участковъ и наблюденіе за рекрутскимъ дѣломъ, надзоръ за правильностью общественныхъ приговоровъ объ отдачѣ въ рекруты, надѣленіе казенныхъ крестьянъ землей, уравненіе или разверстка земель между ними, разсмотрѣніе условій заключаемыхъ именемъ цѣлой волости или селенія съ посторонними лицами, продовольствіе крестьянъ во время неурожаевъ, завѣдываніе казенными оброчными статьями и наблюденіе за мірскими, защита крестьянъ отъ всякихъ запрещенныхъ сборовъ, дѣла о земскихъ и волостныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ, о тяжбахъ казенныхъ крестьянъ, наблюденіе за сельскими запасными хлѣбными магазинами, утвержденіе головъ, писарей и выборныхъ [3]). Такимъ образомъ, по буквѣ закона обязанности казенныхъ палатъ были очень обширны и отвѣтственны, но въ этомъ именно и лежалъ залогъ ихъ неосуществимости и непосильности для личнаго состава хозяйственныхъ отдѣленій. Дѣйствительная жизнь показала неисполнимость задачъ, возложенныхъ на Палаты [4]), и фиктивность ихъ надзора за кресть-

---

[1]) Наставленіе для производства дѣлъ въ казенной палатѣ. П. С З. № 15141.

[2]) Директоръ сталъ называться совѣтникомъ хозяйственной части.

[3]) Инструкція казеннымъ палатамъ 29 сент 1831 г. П С. З. № 4833.

[4]) Балугьянскій говорилъ, что управленіе казенное въ селахъ столь недостаточно, что можно съ справедливостью утверждать его нѣтъ. Сб. Р. И. О. т. 90, стр. 262. См. еще стр. 222.

янскимъ управленіемъ, причемъ главной причиной оказалось отсутствіе подчиненныхъ имъ мѣстныхъ органовъ. Хотя общее присутствіе и могло посылать на мѣста совѣтника, а земскій судъ обязанъ былъ содѣйствовать Казеннымъ палатамъ [1]), но первый способъ могъ быть употребляемъ только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. земская же полиція была непосредственно подчинена губернскимъ административнымъ властямъ и, конечно, была весьма плохимъ исполнителемъ приказаній Палаты. Къ тому же земскіе суды и сами обладали обширными полномочіями по завѣдыванію казенными крестьянами и вполнѣ естественно, что, не находясь ни въ какой зависимости отъ палатъ, они, какъ ближайшее начальство, получили въ крестьянской жизни гораздо большее значеніе, чѣмъ сравнительно далекія палаты. Въ компетенцію земской полиціи входило: взиманіе сборовъ и недоимокъ, побужденіе казенныхъ поселянъ къ своевременному возобновленію выборовъ въ зависящія отъ нихъ должности, охраненіе безопасности, исправленіе путей сообщенія, наблюденіе за чистотой въ селеніяхъ, наблюденіе за производствомъ строеній по установленнымъ правиламъ, охраненіе отъ пожаровъ и наводненій, распорядокъ нужныхъ для сего заведеній и мѣры пособія, охраненіе отъ эпидеміи, разборъ приносимыхъ въ установленный срокъ жалобъ на приговоры мірскихъ обществъ, наблюденіе за переселеніями и пр. Кромѣ того, крестьяне при учетѣ головъ могутъ обращаться за помощью къ земскому исправнику, къ нему же обращаются Волостныя головы въ случаѣ захвата земель и угодій казенныхъ поселянъ; ему же доставляются головой подозрительные люди. Далѣе, маловажныя полицейскія вины и способы воздержанія отъ оныхъ принадлежатъ непосредствен-

[1]) Земскіе суды по всѣмъ предметамъ ихъ вѣдомства состоятъ въ непосредственной зависимости отъ губернскихъ правленій, по хозяйственнымъ же распоряженіямъ, до казенныхъ поселянъ относящимся, они подчиняются Каз. Пал. 1-й сводъ законовъ т. II, ст. 754. Такъ какъ Земскіе суды оказались подчиненными и Каз. Палатамъ и Губ Правленіямъ, то между ними возникали пререканія, оканчивающіяся не въ пользу Палатъ. См. напр. ук. 1828 г. П С. З. № 1759.

ному дѣйствію полиціи. Наконецъ, земскій судъ чинитъ расправу по дѣламъ о кражѣ, мошенничествѣ и всякомъ обманѣ до 5 рублей и разбираетъ споры казенныхъ крестьянъ разныхъ селеній объ общественныхъ земляхъ, если дѣло не кончается примиреніемъ въ Волостныхъ правленіяхъ.

Что же удивительнаго, что исправники пріобрѣли совершенно исключительное вліяніе на сельскую администрацію? Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ записка, внесенная Императоромъ Александромъ I въ 1809 году въ комитетъ министровъ, и которую, конечно, трудно заподозрить въ пристрастіи. „Главное начало неустройства и притѣсненій поселянъ происходитъ отъ дѣйствія земскихъ судовъ... Все... нынѣ правится... по единому произволу земскаго исправника, который назначаетъ и отрѣшаетъ всѣхъ по своему усмотрѣнію. Хотя же для обряду и дѣлаются мірскіе выборы, но порядочные люди отъ нихъ отклоняются, зная, что староста есть только орудіе самовластія и притѣсненія Исправника и всегда долженъ быть виноватъ или предъ нимъ или предъ міромъ“ [1]). А вотъ какой отзывъ даетъ лучшій знатокъ нашего государственнаго строя Сперанскій: „сей родъ людей (т. е. казенные крестьяне) бѣднѣетъ и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ..... Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики съ тою токмо разницей, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но взамѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству не про-

---

[1]) Журналы Комитета Министровъ т. I 1802—1810. Спб. 1888, стр. 251. Записка Александра I касается многихъ вопросовъ; указанныя строки относятся къ учрежденію волостныхъ правленій, которыя Александръ думалъ установить въ противовѣсъ земскимъ судамъ Имъ поручалась часть экономическая, т. е. всѣ казенные и земскіе сборы, и часть судная, т. е. деревенскій судъ и расправа, и нѣкоторыя обязанности полицейскія. Правленія эти должны были получить приличную степень власти и только чрезъ нихъ должны были „имѣть къ крестьянамъ прикосновеніе“ земскіе суды. Какъ конкретно устанавливаются эти правленія и чѣмъ они должны были быть лучше существующихъ—неизвѣстно.

чатъ“ [1]). Лаппо-Данилевскій думаетъ, что краски сгущены въ этомъ отзывѣ Сперанскаго, что „крестьянскія учрежденія нѣсколько обезпечивали государственныхъ крестьянъ отъ произвола казенныхъ чиновниковъ“ [2]). Мы не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ почтенный ученый пришелъ къ этому заключенію [3]), мы же думаемъ, что въ дѣйствительности было пожалуй хуже, чѣмъ думалъ Сперанскій, что едва-ли крестьяне часто находили „способы къ управѣ [4])“. Дѣло въ томъ, что власть земской полиціи

---

[1]) Арх. истор. и горид. свѣд Калачева кн. III, стр. 13—14.

[2]) Крестьянскій строй, стр. 152—3.

[3]) Соображеніе, что казенные крестьяне были нѣсколько защищены отъ злоупотребленій администраціи своими общественными установленіями, было конечно учтено Сперанскимъ при его приговорѣ, т. к. было ему прекрасно извѣстно. Вотъ что онъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: „здѣсь нѣтъ нужды изображать, сколь волостное правленіе наше слабо и ничтожно. Одно только примѣчаніе, кажется, будетъ неизлишнимъ. Извѣстно, что вообще злоупотребленіе власти меньше дѣйствуетъ на цѣлыя общества и сословія, нежели на частныя лица. Отъ сего первоначально и возникли городскія, а потомъ и сельскія общества. Если бы земскій чиновникъ менѣе имѣлъ дѣлъ съ лицомъ и болѣе съ мірскими обществами, т. е. если мірскія сіи общества были лучше образованы и имѣли бы свое собственное и твердое управленіе, то нѣтъ сомнѣнія, что симъ однимъ пресѣкся бы главный поводъ къ притѣсненіямъ и жалобамъ, нынѣ столь вопіющимъ“. Мат собр. для ком. о преобр. губ. и уѣздн учр. Отд. адм. ч II, отдѣленіе 1-ое, § 3. Введеніе къ проекту губерн. учр. Этого введенія нѣтъ въ 90-мъ томѣ С. Р. И. О. Очень любобытна эта парафраза знаменитыхъ словъ гр Ростовцева, относящаяся къ 1826 г.

[4]) Что земская полиція была въ ужасномъ состояніи, на это мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній отъ столповъ современной администраціи Въ 1814 г. Кочубей указывалъ на повсемѣстность ея злоупотребленій (Сб. Р. И. О. т. 90, стр. 16). Жестокіе отзывы Балашова, Воронцова и Сперанскаго приведены Анучинымъ въ его историческомъ обзорѣ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи съ учрежденія о губ. 1775 г. до послѣдняго времени. Спб. 1872 стр. 114, прим. У Вардинова въ его исторіи Мин. Вн. Дѣлъ можно прочесть записку Закревскаго, описывающую жалкое въ матеріальномъ и потому низкое въ нравственномъ отношеніи положеніе полиціи (ч. III кн. 1-ая, стр. 360 слѣд.). Критику земской полиціи заключаетъ также отчетъ Кочубея по министерству внутреннихъ дѣлъ 1807 г. Сб. мат. извлеч. изъ Арх.

коренилась въ ея функціяхъ по взиманію сборовъ и недоимокъ, а это былъ такой фундаментъ, прочность котораго позволяла полиціи распространять свою власть до предѣловъ возможнаго. Мы сейчасъ конкретно себѣ это представимъ, когда разберемъ положеніе выборнаго крестьянскаго управленія въ податномъ дѣлѣ, но предварительно дадимъ общую характеристику политики правительства на основаніи отзывовъ, принадлежащихъ его же представителямъ, которая дастъ намъ понятіе о силѣ фискальныхъ мотивовъ, лежащихъ въ ея основаніи.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ отчетъ комиссіи Деллингсгаузена и Бѣгичева, составленный по даннымъ ревизіи, произведенной предъ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ [1]): „При разсмотрѣніи положенія казенныхъ поселянъ и способовъ управленія ими, къ сожалѣнію, должно вывести заключеніе, что дѣятельныя мѣры употреблялись только тогда, когда надобно было взыскать подати и недоимку, дѣлать нарядъ къ исправленію повинностей, производить слѣдствія, поймать корчемниковъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ хозяйство требовало лучшаго надзора, ихъ положеніе — пособія или поддержки, а нравственность добраго руководства, тогда управленіе было въ бездѣйствіи и благосостояніе крестьянъ

С. Е. И. В. Канц. Вып. I, отд. II, стр. 182—3. Сенаторскія ревизіи, даже тѣ, которыя остаются довольны городской полиціей (донесеніе Куракина объ осмотрѣ Курской губ, тамъ-же, в. VIII, стр. 155) въ одинъ голосъ бранятъ земскую полицію. Кромѣ данныхъ, имѣющихся въ этомъ VIII вып. можно указать на записку Ключарева, который говоритъ. „нынѣ хорошіе дворяне всячески уклоняются отъ выборовъ въ исправники, зная, что должны платить ежегодно подати секретарямъ, совѣтникамъ правленія и губернаторамъ, присвояя чрезъ то право обирать гдѣ можно и гдѣ случай дозволитъ... По симъ началамъ... домогаются получить мѣста исправниковъ люди алчные, безстыдные и не имѣющіе никакого понятія о достоинствѣ и чести. Тамъ-же. в. VII, стр. 261.

[1]) Арх. V отд. Собств. Е. В. Канц. Киселевъ остался недоволенъ этимъ отчетомъ и назначилъ вновь комиссію для составленія новаго. Этимъ вторымъ отчетомъ намъ къ сожалѣнію не пришлось воспользоваться, такъ какъ его въ дѣлахъ V отд. не оказалось.

предоставлено собственному произволу". А вотъ что писалъ Киселевъ, давая оцѣнку положенію казенныхъ крестьянъ до его реформы: „Такимъ образомъ сборщики (онъ разумѣетъ сборщика податей, сборщика хлѣба и сборщика рекрутъ) образовывали всю сельскую администрацію 8-ми милліоннаго народа. Не должно послѣ сего удивляться повсемѣстнымъ злоупотребленіямъ и поборамъ въ казенныхъ селеніяхъ, когда крестьяне, переходя отъ одного сборщика къ другому, не имѣютъ въ цѣломъ составѣ сельскаго управленія никого, кто бы по праву и обязанности могъ оградить его отъ неправильнаго и безотчетнаго требованія сборщиковъ" [1]). Наиболѣе яркое выраженіе получила фискальная политика правительства въ самомъ фактѣ передачи казенныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе Министерства Финансовъ, состоявшейся въ 1810 г. [2]). Высшее правительство было даже склонно ставить близорукую политику власти въ вину узкимъ взглядамъ Министерства Финансовъ. Когда въ Комитетѣ 6 декабря 1826 года обсуждался проектъ устройства казенныхъ поселянъ, то Канкрина тщательно устраняли [3]), причемъ мотивы были выражены совершенно ясно. Вотъ что мы читаемъ въ журналахъ Комитета: Начертаніе плана для сего управленія надлежало бы поручить особой комиссіи, составя оную изъ опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ людей, съ тѣмъ, чтобы сія комиссія была совершенно независима отъ М-ва Финансовъ, ибо Комитетъ полагаетъ,

---

[1]) Этотъ отзывъ взятъ изъ Изложенія главныхъ основаній преобразованія управленія государственными крестьянами и имуществами. Архивъ V отдѣленія С. Е. В. Канцеляріи № 330 т. IV.

Отсюда онъ перешелъ во многія оффиціальныя изданія министерства, въ трудъ Заблоцкаго-Десятовскаго и, между прочимъ, въ статью Энциклопедическаго словаря Крестьяне (стр. 694).

[2]) Въ 1803 г. Экспедиція Государственнаго хозяйства, бывшая при Павлѣ подъ начальствомъ генералъ-прокурора, перешла въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1810 г. казенные крестьяне вошли въ вѣдомство Департамента Государственныхъ Имуществъ Министерства Финансовъ.

[3]) Вообще существованіе комитета 6 декабря не было открыто Министру Финансовъ. См. журн. 9 дек. 1828 г.

что при многочисленныхъ занятіяхъ обременяющихъ Министра Финансовъ, какъ то и самъ онъ признаетъ, нельзя ожидать успѣха отъ комиссіи въ непосредственномъ завѣдываніи его состоящей, если бы даже и можно было потерять изъ вида то неудобство, многими опытами доказанное, что министры финансовъ нерѣдко и, вѣроятно, по роду обыкновенныхъ своихъ занятій, почти невольнымъ и непримѣтнымъ для себя образомъ, увлекались предпочтительно къ мгновеннымъ прибылямъ казначейства, вмѣсто видовъ, кои открывая новые источники доходовъ или усовершая существующіе, впослѣдствіи доставляютъ истинныя государству выгоды“ [1]). Повидимому взгляды высшаго правительства хотя и носили тотъ же фискальный характеръ, но были полетомъ выше. Впрочемъ, вплоть до начала дѣятельности Киселева, они на мѣропріятія власти никакого вліянія не оказывали.

Такой систематически и принципіально приводимый sweating system конечно оказывалъ самое развращающее вліяніе на сельское управленіе. Не только выжимались изъ крестьянъ соки, но это дѣлалось чрезъ ими же избранныхъ представителей, что вносило непоправимый разладъ въ ихъ общественную жизнь. Мало того, самое общественное ихъ устройство было расширено и дополнено въ цѣляхъ административнаго удобства, т. е. главнымъ образомъ для удобнѣйшаго выколачиванія податей и надзора за исправленіемъ повинностей; крестьянскіе выборные были вырваны съ корнемъ изъ атмосферы мірской жизни и поставлены въ прямую и чрезвычайную тѣсную зависимость отъ земской полиціи. Это послѣднее обстоятельство нанесло окончательный ударъ крестьянскому самоуправленію, которое обратилось въ организованную эксплоатацію крестьянъ какъ земской полиціей,

---

[1]) Засѣданіе 28 сент. 1827 г. Сборн. Р. И. О., т. 74.

Аналогичный отзывъ Государя приводитъ Заблоцкій-Десятовскій. Призывая себѣ Киселева въ помощники по устройству государственныхъ крестьянъ, Государь говоритъ: „я давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія, но министръ финансовъ отъ упрямства или неумѣнья находитъ это невозможнымъ. Киселевъ и его время, т. II, стр. 11.

такъ и, подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ, самими крестьянскими выборными начальниками. Типичнымъ выраженіемъ этого двоякаго выжиманія соковъ служитъ свидѣтельство ревизоровъ Саратовской губерніи о томъ, что „въ каждомъ селеніи имѣются доселѣ тетради мірскихъ и дворянскихъ расходовъ: въ первыхъ записывается то, что пропито міроѣдами, въ послѣднихъ, что употреблено на подарки“ [1]). Правительство не могло не видѣть развала крестьянскаго самоуправленія, а такъ какъ міръ былъ нуженъ ему, какъ податной союзъ, отвѣчающій за исправность платежей, то оно пыталось иногда придти къ нему на помощь, но совершенно негодными средствами. Убивая крестьянское самоуправленіе своимъ постояннымъ и грубымъ вмѣшательствомъ, оно хочетъ поднять его тѣми же приказными мѣропріятіями, пытается уничтожить безпорядки все большей правительственной регламентаціей, причемъ попадаетъ въ трагикомическое противорѣчіе. Напримѣръ, совершенно вѣрно опредѣляя причины этого развала, заключающейся въ безконтрольномъ и произвольномъ распоряженіи чиновъ земской полиціи и ихъ помощниковъ—головъ и писарей, убившемъ общественную иниціативу, оно пытается воскресить ее своимъ законодательнымъ словомъ, а надзоръ за соблюденіемъ, направленныхъ къ этой цѣли, мѣръ возлагаетъ..... на ту же земскую полицію. Мы сейчасъ, при изложеніи положенія податного дѣла у казенныхъ крестьянъ, на примѣрѣ увидимъ эти подчасъ забавныя, но столь тяжко отзывавшіяся на плечахъ населенія противорѣчія.

По закону 1797 г. сборъ податей лежитъ на волостномъ головѣ. Помощь ему оказываютъ сельскіе выборные (на это нѣтъ указаній въ законѣ 1797 г.), а ближайшій надзоръ за ними имѣетъ земскій судъ. Послѣдній располагаетъ довольно внушительными мѣрами побужденія, установленными закономъ 1811 г. [2]), который подтверждаетъ извѣстный намъ указъ 1769 объ от-

[1]) Арх. V отд. № 324.

[2]) П. С. З. № 24633. Этотъ законъ подтверждался 23 февр. 1816 г. (П. С. З. № 26157) и 7 ноября 1818 г. (П. С. З. № 27572). См. еще П. С. З. №№ 28778 и 28816 и 29501, п. 4.

вѣтственности селеній государственныхъ крестьянъ въ платежѣ государственныхъ податей. По этому закону за невзносъ податей отвѣчаютъ какъ сами неплательщики, такъ и ихъ выборные Въ случаѣ задержки во взиманіи сборовъ на мѣста являются засѣдатели нижняго суда и понуждаютъ Волостныхъ головъ, старшинъ и выборныхъ; если въ 3 дня недоимка не внесена—выборные и виновные неплательщики отсылаются въ рабочій домъ [1]). Продажа въ уплату недоимки имущества съ публичнаго торга запрещена; вмѣсто этого Волостной голова, старшины и выборные по мірскимъ приговорамъ употребляютъ неплательщиковъ на работы въ самомъ селеніи или отсылаютъ въ рабочій домъ—и то и другое въ случаѣ, если недоимка произошла по нерадѣнію или распутству. Какъ видимъ, земской полиціи по отношенію къ выборнымъ и плательщикамъ, а выборнымъ по отношенію къ послѣднимъ открывается широкое поле дѣйствія. Можно было бы думать, что нѣкоторымъ ограниченіемъ для выборныхъ служатъ упомянутые въ законѣ мірскіе приговоры, но значеніе ихъ выяснится для насъ на другомъ примѣрѣ. По закону 1797 г. Волостной голова записываетъ всѣ сборы въ тетради, которыя провѣряются міромъ, такъ что дѣятельность головы ставится подъ контроль поселянъ, причемъ имъ предоставлено искать помощи у Исправника. Выше мы a priori отмѣчали фиктивность контроля общества надъ головой, сильнаго своей властью и, главное, свой близостью къ земской полиціи. Теперь обратимся къ фактамъ.

Уже въ 1798 г. издается указъ объ огражденіи экономическихъ крестьянъ отъ притѣсненій [2]). Въ февралѣ 1805 г. [3]) губерн-

---

[1]) По указу 28 апр. 1828 г. (П. С. З. № 2001) наказаніе обращалось на выборныхъ и старостъ лишь въ томъ случаѣ, если они оказывались виновны въ нерадѣніи по взиманію податей или попущеніи оказавшейся недоимки; если же волостное правленіе удостовѣритъ, что всѣ отъ нихъ зависящія мѣры приняты, то въ рабочій домъ отправляются лишь сами неплательщики

[2]) П. С. З № 18352.

[3]) П. С. З. № 21611.

скіе прокуроры и уѣздные стряпчіе получаютъ право осматривать волостныя правленія и доносить начальникамъ губерній. 4 октября 1805 г. [1]) земскимъ исправникамъ подтверждается, чтобы они свидѣтельствовали почасту волостныя книги; губернаторамъ предписывается при осмотрахъ губерній „поставить между главными предметами наблюденія“ осмотръ волостныхъ книгъ и развѣдывать о мірскихъ складкахъ и расходахъ; въ случаѣ неправильныхъ поборовъ велѣно мірскихъ головъ, урядниковъ и земскихъ исправниковъ отрѣшать отъ должности и отдавать подъ судъ. Въ 1807 г. гр. Кочубей въ своихъ „предположеніяхъ по разнымъ частямъ къ мин. вн. д. принадлежащимъ“, приложеннымъ къ его отчету по министерству, говоритъ слѣдующее: „Въ сей части (сельскомъ управленіи) кроется множество злоупотребленій. Между ними, не распространяясь о другихъ, можно привести въ примѣръ злоупотребленіе въ выборѣ волостныхъ начальниковъ и старостъ, часто неспособныхъ, расточительныхъ и покупающихъ мѣста сіи изъ корысти, и злоупотребленія въ волостныхъ расходахъ, коихъ число немаловажно, и конмъ ни счету ни конца найти не можно“ [2]). Въ 1809 г. цитированная выше записка Александра I [3]) говоритъ слѣдующее: „Сверхъ распредѣленія земскихъ работъ и денежныхъ сборовъ, есть во всѣхъ почти казенныхъ селеніяхъ особенные мірскіе сборы, подъ именемъ общественныхъ. Видимый предлогъ ихъ есть содержаніе при судахъ сотскихъ и разсыльщиковъ, починка и постройка общественныхъ зданій, какъ то: магазиновъ и тому подобнаго; а истинный предметъ: пріемъ, угощеніе и подарки земскимъ чиновникамъ. Расходы сіи не подчинены никакому правилу и никѣмъ не ревизуются, а составляютъ въ тягость народу по всему государству многія сотни тысячъ. Были дѣла, когда тетради таковыхъ мірскихъ расхо-

---

[1]) П. С. З. № 21934.

[2]) Сб. ист. матер., извлеченныхъ изъ архива Собств. Его Имп. Вел. Канц. Вып. I, отд. II, стр. 185.

[3]) Журн. Ком. мин. т. I, стр. 251.

довъ являлись наружу и тутъ открывались великія злоупотребленія. Открывалось, что старосты, опредѣляемые судами, больше еще расточали на себя, нежели на содержаніе судовъ".

Въ 1817 г.[1]) было распространено на остальныя губерніи распоряженіе Московскаго генералъ-губернатора объ истребленіи незаконныхъ съ крестьянъ сборовъ. Причины незаконныхъ сборовъ генералъ губернаторъ видитъ въ неисполненіи постановленій закона 7 августа 1797 г., вмѣсто чего происходитъ слѣдующее „Волостной голова, будучи избираемъ изъ зажиточныхъ и значущихъ въ обществѣ крестьянъ, снискавъ себѣ покровительство членовъ земскаго суда и угождая зажиточнымъ же, имѣющимъ въ обществѣ голосъ крестьянамъ, съ поддержкой тѣхъ и другихъ, остаются въ своемъ званіи нѣсколько лѣтъ, подъ видомъ что общество ими довольно и перемѣны не желаетъ; и вмѣсто того, чтобы ежегодно давать отчетъ въ собираемыхъ ими деньгахъ, общество не имѣетъ онаго отъ нихъ и требовать; земскіе же исправники, подъ видомъ, что имъ не велѣно въ сіи общественныя дѣла вмѣшиваться, къ тому ихъ не побуждаютъ: отъ сего бываетъ, что Волостные головы остаются по нѣсколько лѣтъ несчитанными, и общество не прежде приступаетъ къ повѣркѣ ихъ счетовъ, когда возникшія отъ нихъ жалобы достигнутъ до высшаго начальства губерніи, и оно приметъ мѣры къ ихъ удаленію; тогда уже общества насчитываютъ на головъ немалотысячныя суммы, которыхъ и взыскать съ нихъ бываетъ невозможно". Для уничтоженія этихъ злоупотребленій предлагаются слѣдующія мѣры, изумительныя по своей противорѣчивости и наивности: подтвердить исправникамъ, чтобы выборы были безъ малѣйшаго ихъ участія, наблюдать, чтобы выборы и учетъ происходили безъ вліянія членовъ земскаго суда и самыхъ головъ, и, рядомъ съ этимъ, предписать исправникамъ понуждать общества къ новому избранію по истеченію положенныхъ 2 лѣтъ; тѣ же исправники должны послѣ выбора или учета довести объ этомъ до свѣдѣнія губернскаго правленія съ подробнымъ

[1]) П. С. З. № 28819.

объясненіемъ, всѣ ли довольны, не поступило ли отъ кого противорѣчія, и по какимъ причинамъ. Такимъ образомъ, земскій судъ долженъ самъ наблюдать за исполненіемъ своихъ обязанностей и доносить о своемъ поведеніи начальству! Кромѣ того, предписано тотчасъ же произвести учетъ и особенно подтвердить крестьянамъ, сколь важно для нихъ учитывать Волостныхъ головъ, и для того чтобы повлять на нихъ въ этомъ направленіи, указать имъ, что если они во-время учитывать не будутъ, то впредь лишатся права жаловаться [1]) Для того же, чтобы крестьяне знали узаконенія, велѣно сдѣлать выписку изъ положенія 1797 г. и разослать ее во всѣ Волостныя правленія для чтенія въ церквахъ въ праздничные дни и наклейки на стѣнахъ правленій.

Этимъ же закономъ опредѣленъ и составъ схода для выбора и учета должностныхъ лицъ. Законъ 1797, говоря о сходахъ и приговорахъ отдѣльныхъ селеній и всей волости, ближе не опредѣляетъ этихъ понятій. Если сходъ отдѣльныхъ селеній былъ явленіемъ обычнымъ, на которое можно было только сослаться, что волостной сходъ является нововведеніемъ, которое слѣдовало въ законѣ опредѣлить. Какъ выбирается голова, какъ выражается „мірское всей волости согласіе“, какой сходъ учитываетъ голову — сельскій или волостной — все это совершенно неизвѣстно. Это еще было бы ничего, законъ 1797 могъ многое не предусмотрѣть, что впослѣдствіи могло быть восполнено; замѣчательно то, что на нѣкоторые вопросы мы не имѣемъ отвѣта, несмотря на 40-лѣтнее функціонированіе положенія 1797 г. Такъ, мы не знаемъ, какъ составлялся волостной сходъ. Можетъ быть онъ существовалъ только на

[1]) Это постановленіе послужило матеріаломъ для составленія одной статьи свода законовъ, также замѣчательной по своей противорѣчивости: «Общество ни подъ какими предлогами не можетъ уволить голову отъ ежегоднаго отчета; если же крестьяне за всѣми понужденіями земскаго суда, въ опредѣленное время голову не сосчитаютъ, то впослѣдствіи лишаются права утруждать начальство жалобами на излишніе поборы или на растрату общественныхъ на тотъ годъ денегъ» ст. 1088 т. II.— Совершенно очевидно, что это постановленіе послужило головамъ лишь на пользу.

бумагѣ? Это весьма вѣроятно, разъ его раньше не существовало—но кто же учитывалъ Волостного голову, кто, наконецъ, выбиралъ его? Что касается перваго вопроса, то законъ 1797, какъ мы уже замѣтили, не рѣшаетъ его. Разбираемый нами законъ 1817 г., опредѣляя составъ схода для выбора и учета, тоже опредѣленно не говоритъ, называя его только „мірской сходкой", и мы можемъ заключить, что имѣется въ виду сходъ сельскій лишь потому, что постановленія 1817 года не являются самостоятельными, а только распространяютъ на дѣла выборовъ и учета другой законъ 1805 г., несомнѣнно касающійся сельскаго схода. Такимъ образомъ можно думать, что учетъ и выборы происходятъ на сельскихъ сходахъ, но если это понятно для учета и выборовъ старшинъ, то какъ же себѣ представить выборъ головъ? Вѣдь волость нормально состоитъ изъ многихъ селеній. Первый Сводъ законовъ понимаетъ законы о сходахъ также какъ и мы, т. е. относитъ ихъ постановленія къ сходамъ сельскимъ, и не знаетъ схода волостного. Относительно выборовъ головъ въ немъ находится слѣдующая статья: „Волостной голова избирается сельскимъ обществомъ изъ поселянъ добрыхъ поведеніемъ... по правиламъ изложеннымъ въ уставѣ „о Выборахъ". Свое незнаніе составитель свода прикрылъ общимъ терминомъ, ничего не выражающимъ, взятымъ изъ закона 1797 года. Если мы обратимся къ уставу о выборахъ, то узнаемъ оттуда, что должности волостныхъ головъ, писарей и сельскихъ старостъ замѣщаются по выбору обществъ, что голова выбирается на мірскомъ сходѣ, причемъ выборы происходятъ по мѣстнымъ обычаямъ. Постановленія о мірскомъ сходѣ взяты изъ того же закона 1805 года, который говоритъ о сходахъ сельскихъ, а между тѣмъ ст. 1133 говоритъ относительно сельскихъ должностныхъ лицъ, что они „избираются изъ среды поселянъ особо каждымъ селеніемъ или деревней". Значитъ, волостной голова a contrario выбирался не сельскимъ сходомъ, что впрочемъ совершенно очевидно, такъ какъ въ волости нормально нѣсколько селеній. Но вѣдь постановленія о сходахъ относятся къ сходамъ сельскимъ, а о волостныхъ сходахъ нѣтъ упоминаній въ учрежденіи о волостномъ

управленіи. Мы видимъ, что здѣсь масса противорѣчій, разрѣшить которыхъ нѣтъ возможности: это не удалось даже искусному составителю свода законовъ. Приходится признать что „мірской сходъ“ выбирающій голову составляется также, какъ и сельскій, хотя это физически невозможно; постановленія, годныя для селенія, немыслимо распространить на округъ, заключающій нѣсколько тысячъ душъ и расположенныя на многихъ верстахъ [1]). Это для насъ сдѣлается яснымъ, когда мы познакомимся съ закономъ 1805 г. [2]) Законъ этотъ, который регулированіемъ схода пытается уничтожить злоупотребленія при отдачѣ въ содержаніе мірскихъ оброчныхъ статей и дачи довѣренностей на хожденіе по дѣламъ цѣлаго селенія, заключается въ слѣдующемъ: мірскія сходки составляются изъ домохозяевъ или, за ихъ отсутствіемъ, изъ взрослыхъ сыновей ихъ ближайшихъ родственниковъ или вообще членовъ семьи; на сходѣ обязаны присутствовать $^2/_3$ хозяевъ; постановленія дѣлаются большинствомъ $^2/_3$ голосовъ; предметъ сходки объявляется за недѣлю въ церквахъ въ праздничные и воскресные дни, приговоры объявляются въ первый праздничный день, послѣ чего можно въ теченіе 4 недѣль жаловаться земскому суду: „по истеченіи сего срока всякое мірское положеніе, будучи не противно общимъ государственнымъ постановленіямъ, остается во всей своей силѣ и никакое мѣсто не имѣетъ права болѣе принимать на оное жалобы и входить въ разсмотрѣніе“; сельскіе старосты и выборные обязуются явить всѣ приговоры въ Волостномъ правленіи „не для разсматриванія онаго и сужденія о немъ, но единственно для приложенія печати:“ Постановленія эти, пока мы относимъ ихъ къ селеніямъ, обречены на то, чтобы остаться мертвой буквой. Мірскіе сходы существуютъ издавна и отъ правительства требуется только, чтобы оно оставило ихъ въ покоѣ. Если же правительство само своими мѣропріятіями внесло въ нихъ разладъ, то формальное регулированіе ихъ не вернетъ имъ жизнь; напротивъ ухудшитъ ихъ положеніе

[1]) По свидѣтельству Кпселева волость тянулась иногда на 50 и 100 верстъ.

[2]) П. С. З. № 21744.

создавъ новый поводъ къ вмѣшательству полиціи во внутреннія дѣла. Но совершенно безсмысленными являются эти постановленія, отнесенныя къ волости. Чтобы конкретно представить себѣ эту безсмысленность, укажемъ на сепаратный законъ 1824 г., опредѣляющій волостные выборы въ Вятской губерніи [1]): съ каждыхъ 100 душъ міромъ назначается 5 поселянъ, эти послѣдніе выбираютъ 12 человѣкъ, которые въ присутствіи поселянъ уже баллотируютъ изъ себя одного, который и дѣлается головой. Мы видимъ, что тутъ для волостныхъ выборовъ принята трехстепенная система, а въ остальной Россіи предложено созывать со всѣхъ концовъ волости двѣ трети всѣхъ хозяевъ. Правда, Вятская губернія по своей обширности (хотя и не одна она—въ Оренбургской губ. 63 вол.) выдѣляется изъ другихъ губерній, но и повсемѣстно волости достигали крупныхъ размѣровъ, превышая часто и трехтысячную норму, установленную закономъ [2]). Можно привести другой примѣръ—опытное положеніе, введенное въ Псковской и Петербургской губерніяхъ, въ 1826 г. Оно также должно было обратить вниманіе на ненормальность волостныхъ выборовъ и впервые ввело ту двустепенную систему, которая существуетъ и донынѣ. Но это положеніе не получило распространенія и волостные сходы такъ и остались неурегулированными.

Этотъ эпизодъ можетъ служить блестящей иллюстраціи тому отношенію правительства къ крестьянскому самоуправленію, которое мы выше характеризовали. Правительство привыкло имѣть дѣло съ крестьянскими мірами,

---

[1]) П. С. З. № 30117.

[2]) Въ проектѣ учрежденія губ. Калужскаго (Сб. Р. И. О. т. 90, стр. 254, приведены слѣдующія данныя:

	Число госуд. кр.	Число вол.	Приходится кр. на 1 вол.
Полтавская губ.	225 533	30	7.517
Воронежск. г.	363 264	103	3 526
Вятская г.	459.516	240	1.914
Пермск. г.	89.629	70	1 280
Пензенская г.	132.798	42	3.161
Симб. г.	187.932	59	3.185

но ему становится неудобно обращаться съ такими мелкими единицами — и вотъ оно создаетъ новую, большую единицу. Но оно не обращаетъ вниманія на то что новыя единицы не имѣютъ общественнаго характера и является бюрократическимъ созданіемъ, оно относится къ нему также какъ относилось раньше къ мірскимъ обществамъ, и возлагаетъ на несуществующее „волостное общество“ обязанности, имѣвшія раньше свои смыслъ, но совершенно непримѣнимыя къ новому административному дѣленію. Выборы головы производятся этимъ волостнымъ обществомъ; разъ это такъ, то и учетъ головы производится имъ же, такъ какъ онъ поставленъ рядомъ съ выборами въ законѣ 1817 г., а сводъ 1832 г. прямо говоритъ, что учетъ головы производится на основаніи тѣхъ же правилъ, какъ и его выборъ. Получило это „общество“ и другія права; вѣдь, будучи „обществомъ“, оно могло постановлять приговоры, дѣлать складки и пр. Но такъ какъ оно существовало только на бумагѣ, то всѣ эти приговоры и складки были только однимъ сплошнымъ рядомъ злоупотребленій. Позволю себѣ въ видѣ примѣра привести одинъ указъ 1808 г.[1]). Указъ этотъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Волостные головы, старосты и писчики употребляютъ во зло присвоенную имъ власть и изъ потворства къ богатымъ дѣлаютъ мірскіе приговоры объ отдачѣ въ рекруты неочередныхъ бѣдныхъ поселянъ, взводя на нихъ разные пороки, которымъ они непричастны. Чтобы этого больше не было, указъ предписываетъ: впредь всѣ мірскіе приговоры объ отдачѣ въ рекруты или на поселеніе крестьянъ распутнаго поведенія должны быть чинимы въ Волостныхъ правленіяхъ подъ присягой не менѣе 24 человѣкъ изъ подписавшихъ приговоръ въ присутствіи Волостного головы и старостъ ближайшихъ селеній, причемъ головы и писчики къ присягѣ не допускаются.

Только принявъ въ соображеніе все вышесказанное, мы вполнѣ поймемъ послѣднее постановленіе закона 1817 г., отъ котораго мы такъ уклонились въ сторону. Вотъ какъ кон-

---

[1]) П. С. З. № 22982.

чаетъ московскій генералъ-губернаторъ свое „отношеніе“: „Сверхъ того, дабы и самые общественные сборы, подъ названіемъ общественныхъ добровольныхъ складокъ бываемые, приведены были въ извѣстность и въ возможную ограниченность и уравненіе, предложилъ я Губернскому правленію нынѣ же потребовать отъ всѣхъ исправниковъ подробнѣйшихъ донесеній: на какіе именно предметы дѣлаются въ каждомъ волостномъ обществѣ складки и сколько оныхъ съ каждой души въ годъ гдѣ собирается, и по полученіи всѣхъ свѣдѣній, сообразивъ оныя съ настоящей надобностью и нуждами общества, опредѣлить: какую складку съ крестьянъ на общественные расходы полагать можно достаточною, выше которой головы не смѣли бы уже и предлагать обществу, не получивъ особаго разрѣшенія начальства“.

Совершенно естественно, что законъ 1817 г. оказался совершенно безплоднымъ. Однако, правительство продолжало свою безнадежную борьбу съ злоупотребленіями головъ и исправниковъ. Уже въ слѣдующемъ 1818 г.[1]) сенатъ публикуетъ указъ о пресѣченіи злоупотребленій въ денежныхъ сборахъ по казеннымъ волостямъ, которымъ распространяетъ повсемѣстно мѣры, принятыя ревизовавшимъ Тверскую губернію сенаторомъ и кавалеромъ Ключаревымъ. Сенаторъ доноситъ, что Тверская Казенная Палата, на основаніи закона 1797 г. распорядилась отослать въ Волостныя правленія по 3 книги за шнуромъ и печатью, одну для записыванія мірскихъ приговоровъ на сборъ денегъ по всей волости составляемыхъ, другую—для подушной и оброчной подати, а третью для записыванія остальныхъ сборовъ: по рекрутской повинности, на содержаніе волостныхъ конторъ, жалованье головамъ и писарямъ и проч. Ключаревъ находитъ эти мѣры недостаточными, ввиду того, что рекрутская повинность, содержаніе конторъ и прочія необходимыя мірскія надобности, не имѣющія опредѣленности, всегда могутъ доставлять корыстнымъ удобный случай пользоваться выгодами, если въ отвращеніе сего не будутъ постановлены

[1]) П. С. З. № 27395.

строгія правила Онъ, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) чтобы мірскіе приговоры о сборѣ денегъ были обязательно письменные, а не словесные, какъ это постоянно бываетъ; 2) чтобъ обществамъ было внушено ни подъ какимъ видомъ не считать головъ по черновымъ тетрадямъ, каковыхъ вообще существовать не должно, а чтобы всѣ расходы обязательно вносились въ книги, данныя Палатами и возвращались туда же на обревизованіе; 3) чтобы въ мірскихъ о денежныхъ сборахъ приговорахъ не только опредѣлялась сумма сбора, но непремѣнно и предметъ, на который онъ назначается, причемъ приговоры надлежитъ тотчасъ же вносить въ соотвѣтствующую книгу, „не отлагая такихъ записокъ до другого дня, дабы иногда не могли сокрыть какого-либо приговора для утайки вмѣстѣ съ тѣмъ и собранныхъ по нему общественныхъ денегъ“. Дѣйствіе этого указа было распространено на всю Россію, но, конечно, онъ потерпѣлъ ту же участь, какъ и другіе. Уже 7 мая 1823 г.[1]) сенату предоставлено по случаю безпорядковъ въ разныхъ волостяхъ, состоящихъ въ излишнихъ издержкахъ и неимѣніи расходныхъ книгъ, предписать кому слѣдуетъ, чтобы обращалось точное вниманіе на охраненіе сельскихъ обществъ отъ произвольныхъ и непозволительныхъ расходовъ, причемъ ставились въ примѣръ правила, примѣняемыя въ удѣльныхъ имѣніяхъ, а въ 1827 г.[2]) мы имѣемъ совершенно аналогичный, опубликованный сенатомъ по ревизіи Курской губерніи княземъ Долгорукимъ. Ревизующій сенаторъ нашелъ различныя, давно знакомыя намъ злоупотребленія: земская полиція производила незаконные поборы, давала неправильныя дозволенія на пользованіе обывательскими подводами и лошадьми, исправники произвольно назначали головъ и писарей, сборщики растрачивали мірскія общественныя суммы, собранныя для взноса податей[3]). Для искорененія этихъ злоупотребленій

[1]) П. С. З. № 29454

[2]) П. С. З. № 1113.

[3]) Согласно только-что вышедшей исторіи Сената, эти злоупотребленія были еще хуже: уѣздные чиновники не только взимали незакон-

сенаторъ предлагаетъ испытанное средство: онъ считаетъ нужнымъ составить краткія правила для поселянъ, указывающія ихъ обязанности[1]) и имѣть ихъ на стѣнахъ Волостныхъ и сельскихъ управленій. Чрезвычайно характеренъ этотъ способъ борьбы—правительство какъ будто считаетъ, что единственной причиной злоупотребленіи земской полиціи и ея ближайшихъ помощниковъ — головъ, это попустительство со стороны подвѣдомственнаго имъ населенія, недостаточное знаніе и сознаніе поселянами своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей; стоитъ только оповѣстить ихъ, разъяснить и внушить хотя бы черезъ тѣхъ же чиновъ земской полиціи и головъ, на которыхъ они даже жаловаться не смѣютъ — и все будетъ великолѣпно. Конечно, такой взглядъ является умываніемъ рукъ центральной власти[2]), расшатавшей общественную жизнь поселянъ и не имѣющей въ своихъ рукахъ средствъ къ обузданію своихъ низшихъ агентовъ. Она создала ихъ чисто искусственнымъ путемъ на крестьянскій счетъ, формально связала съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, свела его такимъ образомъ почти на нѣтъ—и теперь пеняетъ на его безпомощность, на его неумѣніе справиться со своими—будто-бы—органами. Такой же

ные поборы, по нѣсколько рублей съ души, они еще истязали крестьянъ, ставили ихъ ранней весной въ воду, зимой заставляли голыми ходить по снѣгу или запирали въ нетопленую избу, лѣтомъ же сѣкли крапивой. Знакомый намъ сенаторъ Ключаревъ также говоритъ о тираническихъ поступкахъ уѣздныхъ чиновниковъ. Ист. Прав. Сен. за 200 лѣтъ. Спб. 1911 г., т Ш, стр. 646—7.

[1]) Хотя правила эти должны были излагать существующія узаконенія, но они заключали въ себѣ много новаго, почему и послужили матеріаломъ при составленіи Свода Законовъ, двѣ статьи котораго извлечены полностью изъ этихъ правилъ: 1079. Въ случаѣ вынужденія сборовъ противозаконныхъ со стороны земской полиціи, Вол. гол. обязывается немедленно доносить о томъ Каз. Пал. 1081. Вол. гол. не допускаетъ ни волостныхъ писарей, ни самихъ крестьянъ входить въ распоряженіе по волости или сборъ денегъ (ч. II).

[2]) См. еще Всеподданнѣйшую записку сенатора Ключарева о лучшемъ устройствѣ въ губерніяхъ управленія, его критику администраціи и сельскаго управленія и предлагаемыя имъ мѣры улучшенія. Сб. ист. мат, извлеченныхъ изъ арх. С. Е. И. В. Канц., в. VII, стр. 257 сл.

взглядъ отразился и въ сводѣ законовъ ст. 1090: Въ случаѣ недочета или недостатка, крестьяне сами доправляютъ подлежащее съ Вол. Гол., въ чемъ могутъ просить вспоможенія отъ Зем. Полиціи. Развалъ мірской жизни былъ настолько полный, что бороться съ нимъ правительство могло бы только окончательно разорвавъ со своей старой политикой, наивные же палліативы, которые мы приводили, конечно, были обречены на полную неудачу. Злоупотребленія не только не прекращались, а напротивъ шли crescendo, и ревизія, произведенная предъ реформой Киселева, дала самую уничтожающую критику существующаго порядка. Данныя этой ревизіи могутъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того разгрома, который внесла политика правительства въ мірскую жизнь[1]). Мы и приведемъ ихъ теперь, дѣлая иногда комментаріи къ нимъ изъ законодательнаго матеріала.

Общая картина, вырисовывающаяся изъ отдѣльныхъ отче-

---

[1]) Мы можемъ дополнить картину еще нѣкоторыми отзывами высшихъ членовъ администраціи. „Казенные крестьяне находятся безъ необходимаго имъ покровительства, безъ распорядку и часто притѣснены, то отъ Волостныхъ головъ, то отъ чиновъ земской полиціи вышнихъ и нижнихъ, то отъ сосѣднихъ помѣщиковъ". Обозрѣніе частей гражд. упр. .. г.-а. Балашова. Мат. собр. для Высоч. учрежд. ком. о преобразованіи губ и уѣздн. упр. Отд адм. ч. I, отдѣленіе 1-ое, § 1, стр. 134—5. „Волостныя правленія, учрежденныя въ 1797 г., не принесли никакой существенной пользы и донынѣ. Они не облегчили дѣйствія земской полиціи и не улучшили состоянія поселянъ, а токмо увеличили тягость повинностей сихъ послѣднихъ. Волостныя головы, вмѣсто огражденія выгодъ поселянъ, сами производятъ съ нихъ тайные поборы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не слѣдитъ ихъ земская полиція или гдѣ падѣются на потворство оной. Бывъ неграмотными производителями дѣлъ, они рѣдко могутъ быть уличены въ злоупотребленіяхъ, ибо нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ о ихъ дѣйствіяхъ. Обязанности, на волостныя правленія возложенныя, или вовсе ими не исполняются, по неудобности оныя исполнить, или исполняются токмо на бумагѣ для вида. Тамъ же, § 7, стр. 88–89. Замѣчанія графа Закревскаго на проектъ губ. учр.... Съ какимъ трудомъ добывались свѣдѣнія о поборахъ и злоупотребленіяхъ, свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшее донесеніе П. Обрескова объ осмотрѣ имъ Пермской губ. Сб. ист. мат. извл. изъ арх. С. Е. И. В. Канц., в. VIII, стр. 167 сл.

товъ по губерніямъ [1]), получается прямо ужасающая: вопіющія злоупотребленія полиціи и выборныхъ, всевозможные незаконные поборы, постоянныя растраты, общее лихоимство, повальное пьянство и безнравственность, полная деморализація схода, доходящая положительно до эпическихъ предѣловъ—вотъ отдѣльныя черты этой картины. Если мы перейдемъ къ болѣе подробному ея описанію, то первое, на что мы должны обратить вниманіе—это совершенно исключительное вліяніе въ волостномъ правленіи писаря, о значеніи котораго мы и не подозрѣвали бы, будь у насъ подъ руками одно только Полное Собраніе Законовъ. Правда, по положенію 1797 года писарь входитъ въ составъ начальства, которое крестьяне должны уважать и почитать, правда, что попадаются отдѣльныя указанія на писарскія злоупотребленія, что существуютъ законодательные акты, указывающіе на то, что вопросъ о писаряхъ очень занималъ наше правительство [2]). Но все это не даетъ даже отдаленнаго представленія

[1]) Въ архивѣ V отдѣленія не оказалось свода, составленнаго по приказанію Киселева изъ отчетовъ ревизоровъ. Поэтому намъ пришлось познакомиться съ ними въ оригиналѣ — въ тѣхъ выпискахъ, которыя были сдѣланы изъ отчетовъ, при составленіи свода Арх V отд № 324.

[2]) Въ 1824 г (П. С. З. № 30117) на основаніи данныхъ сенаторской ревизіи Вятской губерніи, было предписано, чтобы писаря опредѣлялись обществомъ непремѣнно изъ грамотныхъ крестьянъ своей же волости. „Сверхъ того сколько для приведенія головъ и писарей въ приличное уваженіе отъ крестьянъ, столько и для поощренія ихъ самихъ къ добропорядочному поведенію и ревности въ исполненіи ихъ обязанностей“ назначено имъ жалованье по 400 р. и велѣно награждать медалями за 3 двухлѣтія сряду безпорочной службы. Тогда же это постановленіе было распространено на остальныя губерніи (П С З. № 30177) и строго запрещено опредѣлять въ должности волостныхъ писарей людей иныхъ состояній· писаря должны были опредѣляться изъ грамотныхъ крестьянъ своей волости, въ крайнемъ же случаѣ изъ грамотныхъ крестьянъ ближайшихъ волостей. Въ 1826 г. министръ финансовъ входитъ въ комитетъ министровъ съ проектомъ дозволенія казеннымъ палатамъ съ утвержденія начальниковъ губерній опредѣлять въ писаря по казеннымъ волостямъ постороннихъ людей въ томъ случаѣ, когда въ самой волости и въ ближайшихъ къ ней волостяхъ не будетъ грамотныхъ и способныхъ къ занятію этой должности. Комитетъ соглашался съ министромъ финансовъ, но государь принялъ сторону министра юстиціи, который

о внушительности этой фигуры въ крестьянскомъ управленіи Оказывается писарь, большей частью, самая вліятельная фигура въ правленіи: онъ завѣдуетъ всѣмъ въ волости, бьетъ голову, отнимаетъ у него волостную печать. распоряжается, какъ въ вотчинномъ помѣстьи [1]). Писаря совершенно игнорируютъ приговоры и даже сами ихъ составляютъ [2]); назначаются они земскими исправниками, такъ что баллотировка является одной проформой [3]), головъ же и старшинъ держатъ въ полномъ повиновеніи [4]), крестьянъ притѣсняютъ и бьютъ, взимаютъ незаконные поборы, отдаютъ не въ оче-

---

указывалъ на волю покойнаго императора, чтобы въ казенныхъ волостяхъ не занимали никакихъ должностей люди другихъ состояній (П. С. З. № 1251). Однако журналомъ комитета министровъ 30 ноября 1826 г., утвержденнымъ 11 декабря (П. С. З. № 1740), было разрѣшено сдѣлать исключеніе для Таврической губерніи, гдѣ, такимъ образомъ, волостные писаря могли быть и изъ постороннихъ, но съ обязательнымъ заключеніемъ формальныхъ условій между ними и мірскими обществами. Въ 1827 г. (П. С. З. № 1251) мин. финансовъ „принимая въ уваженіе, что казенные поселяне вообще упражняясь болѣе въ землепашествѣ и другихъ промыслахъ, свойственныхъ ихъ состоянію, не обращаютъ вниманія на образованіе себя для дѣлъ письменныхъ, неимѣніе же способныхъ писарей не только повлечетъ безпорядки и упущенія по внутреннему въ Волостныхъ правленіяхъ производству дѣлъ и отчетности, но причинитъ остановку и въ тѣхъ мѣрахъ, къ коимъ управленіе поселянъ относится“—проситъ дозволенія распространить правила для Таврической губерніи на всю Россію. Комитетъ опять согласился, но государь положилъ резолюцію: „Согласенъ въ тѣхъ только губерніяхъ, гдѣ есть татары, чуваши и черемисы и то въ однихъ ихъ волостяхъ“.

Въ 1828 г. былъ изданъ указъ, дозволявшій поселянамъ избирать въ сельскія должности чиновниковъ и дворянъ (П. С. З. № 2409). Возникъ вопросъ, распространяется ли онъ на писарскую должность. Сенатъ въ 1829 г. разъяснилъ, что упомянутое постановленіе имѣетъ въ виду по смыслу закона только засѣдателей приказа общ. призрѣнія и совѣстнаго, уѣзднаго и земскаго судовъ, головы же и другія сельскія должности должны заполняться изъ среды поселянъ, а писаря у грамотныхъ людей той же волости или, за неимѣніемъ способныхъ, изъ ближайшихъ волостей

[1]) Оренб. губ.

[2]) Минск. губ.

[3]) Казанск. губ.

[4]) Пермск. губ.

редь въ рекруты, самолично сдаютъ мірскія оброчныя статьи и т. д. Положеніе головъ совершенно унизительное, они „употребляются только для посылокъ и за малѣйшее сопротивленіе терпятъ отъ писарей брань и даже побои“ [1]). Это, конечно, заставляло приличныхъ крестьянъ по возможности избѣгать выборныхъ должностей, тѣмъ болѣе, что писаря, будучи иногда единственными грамотными людьми во всей волости, дѣлая растраты и всевозможныя злоупотребленія, могли всегда свалить вину на выборныхъ и головъ. Такимъ образомъ волостное правленіе, которое въ наше время свелось къ двоевластію старшины и писаря, въ тѣ времена имѣло на практикѣ еще болѣе простой составъ: всѣмъ вѣдалъ одинъ писарь и „во многихъ мѣстахъ мірскіе сходы и производство дѣлъ происходило въ домахъ писарей“ [2]).

---

[1]) Казанск. губ.

[2]) Отчетъ, составленный комиссіей Деллингаузена и Бѣгичева. Т. к. онъ нигдѣ не напечатанъ, то я позволю себѣ привести выдержку изъ него, касающуюся волостныхъ писарей. „Вол. писаря имѣли власть больше нежели головы, пользовались волостной печатью и распоряжались въ волостяхъ, какъ въ вотчинахъ, безъ ревизій и отчеговъ и безъ всякихъ слѣдствій, обирали крестьянъ всѣми домогательствами Головы и старшины были большей частью безграмотные, и даже найдены такія волости, въ которыхъ одинъ писарь зналъ грамоту, слѣдовательно онъ только одинъ могъ бы обнаружить на бумагѣ притѣсненія земской полиціи и палаты, но частью пользуясь благосклонностью исправниковъ, а частью по наклонности къ пьянству и по собственнымъ злоупотребленіямъ попускали крестьянъ терпѣть несправедливости. Сами же крестьяне, будучи оставлены палатой безъ должной защиты, на притѣсненіе писарей были безотвѣтны. Въ иныхъ мѣстахъ писаря были и сборщиками, а какъ они имѣли много власти, то удерживали долго деньги и были причиной растраты общественныхъ суммъ, какъ напр, въ Оренбургской губ., въ Нижненельской волости оказалась недостача въ 18 тысячъ рублей При чемъ крестьяне увѣряли, что пополненіе пропажъ часто падало на жителей, а писарь безнаказно польвовался деньгами Большая часть дурныхъ писарей были на время ревизіи смѣняемы, но при всемъ томъ ихъ было еще много. Недостатокъ грамотныхъ людей служитъ препятствіемъ исправить сей безпорядокъ по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени Сіи злоупотребленія и безпорядки, какъ бы по наслѣдству переходящіе отъ одного волостного пи-

Волостные писаря вносятъ новую черту въ картину волостныхъ безпорядковъ, извѣстную намъ изъ предыдущаго изложенія. Остальныя данныя подтверждаютъ то, что намъ уже извѣстно: головы и выборные назначаются и увольняются исправниками, Палаты утверждаютъ, не входя въ разсмотрѣніе, всюду злоупотребленія, поборы, лихоимство, въ которомъ полиція конкурируетъ съ головами Въ Астраханской губерніи исправникамъ и засѣдателямъ во время проѣзда подносили отъ 50 до 100 руб. [1]). Это „полюдье“ XIX в. иногда замѣнялось организованной данью. Жители одной волости Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи показали, что съ нихъ собирается по распоряженію земской полиціи по 5, 10 и 20 копеекъ, по сколько въ годъ, они припомнить не могутъ [2]). Головы не отставали отъ полиціи, пользуясь подъ ея покровительствомъ полной безнаказностью: такъ въ Ярославской губерніи крестьяне неоднократно представляли приговоры о необходимости смѣнить голову,—но сей приговоръ отъ нихъ принятъ не былъ и голова понынѣ остается въ своей должности. Лихоимство ихъ принимало также совершенно организованныя формы: Ростовскаго уѣзда крестьяне объявили, что за увольненіе отъ Волостныхъ правленій для полученія паспорта Голова и писарь требуютъ по 46 коп. съ каждаго человѣка [3]), Пошехонскаго уѣзда крестьяне объявили о существующемъ у нихъ сборѣ съ одиночекъ, т. е. съ семействъ, имѣющихъ одного работника; при назначеніи сихъ одиночекъ по распоряженію Волостныхъ правленій къ исправленію мірскихъ обязанностей и отзыву ихъ о невозможности принять на себя должность, потому что земля ихъ останется необработанной, полагается

саря къ другому и влекущіе за собой рано или поздно отвѣтственность, заставляли каждаго благонамѣреннаго и честнаго крестьянина уклоняться отъ выбора въ общественныя должности и особливо въ головы“.

[1]) Астр. губ.

[2]) Яросл. губ.

[3]) Тѣ же крестьяне объявили, что при полученіи паспорта, они кромѣ законныхъ 5 руб. асс. платятъ уѣздному казначею 69 к по курсу, за описаніе примѣтъ 23 коп , за мѣру 4 коп., за печать 4 коп.

на нихъ ежегодный денежный сборъ по слѣдующему раздѣленію: крестьянинъ 40 лѣтъ съ сыновьями 14, 15 и 16 лѣтъ платитъ 9 рублей; старый крестьянинъ съ 30-лѣтнимъ сыномъ и малолѣтнимъ внукомъ—8 р. 50 к., старый или несовершеннолѣтній—2 р. 50 к [1]). Такимъ образомъ выборный отъ крестьянъ голова, на котораго избиратели безуспѣшно жалуются земской полиціи, за опредѣленную плату разрѣшаетъ крестьянамъ откупаться отъ низшихъ выборныхъ должностей. Незавидно было должно быть положеніе этихъ органовъ свободнаго крестьянскаго населенія! Недаромъ ревизоры въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что ни одинъ порядочный крестьянинъ не идетъ въ мірскія должности [2]), въ силу чего старосты во многихъ селеніяхъ выбирались поочереди [3]). Одинъ только отчетъ болѣе благосклонно отзывается о волостныхъ головахъ и старшинахъ, признавая ихъ людьми благонадежными, но зато, по его словамъ, „они, будучи избираемы изъ бѣдныхъ крестьянъ, не имѣютъ никакого вліянія на управленіе и состоятъ въ зависимости у зажиточныхъ крестьянъ и въ полномъ повиновеніи у волостныхъ писарей“ [4]).

Подобной деградаціи выборныхъ соотвѣтствовала и полная деморализація избирательнаго органа—схода. Мы уже указывали, что волостного общества, а значитъ схода въ дѣйствительности не существовало, а былъ только установленный закономъ поводъ къ постояннымъ злоупотребленіямъ. Ревизоры никогда не упоминаютъ волостного схода, называя его мірскимъ или сельскимъ—что легко объясняется отсутствіемъ специальной организаціи, иногда же констатируютъ прямо, что никакого общества нѣтъ, что о всемъ совѣщаются и все рѣшаютъ одни волостные начальники и книга мірскихъ приговоровъ остается бѣлой [5]).

[1]) Тамъ же

[2]) Анучинъ (op. cit., стр. 175) утверждаетъ, что крестьяне, чтобы лишиться права быть избранными въ общественныя должности, уклонялись въ расколъ.

[3]) Черниг. губ.

[4]) Перм. губ

[5]) Орояб. губ.

Обыкновенно же приговоры составлялись хотя бы для того, чтобы покрывать общественнымъ именемъ волостное начальство, но сходъ составлялся совершенно случайно и являлъ собой полный безпорядокъ, который, повидимому, долженъ былъ превосходить безпорядокъ сходовъ сельскихъ. Для того же, чтобы дать понятіе объ этихъ послѣднихъ, мы приведемъ нѣсколько характерныхъ бытовыхъ описаній, взятыхъ изъ донесеній ревизоровъ. Первое касается Вятской губерніи: „Общественные выборы поселянъ въ должности мірского ихъ управленія, состоя подъ руководствомъ Волостныхъ головъ и писарей, незнающихъ порядка или закоснѣлыхъ въ разныхъ порокахъ, сопровождаются всегда пьянствомъ, ссорами и другими свойственными невѣжеству безпорядками; отъ этого лучшіе и честные домохозяева не являются на мірскіе сходы, а если и приходятъ, то остаются равнодушными зрителями безпорядковъ и только стараются, чтобы на нихъ не палъ выборъ. Главную роль при семъ случаѣ играютъ такъ называемые каштаны или міроѣды, люди дурныхъ самыхъ свойствъ, ненавидимые крестьянами, но опасные для нихъ, потому что могутъ дѣлать имъ разнаго рода непріятности, пользуясь особеннымъ довѣріемъ и дружбой волостныхъ начальниковъ. Чего не захотятъ каштаны, то и отвергаетъ и міръ изъ боязни подать противный голосъ, и наоборотъ и чему склонятъ голосъ каштаны, съ тѣмъ соглашается; такимъ образомъ совершается избраніе во всѣ мірскія должности, кромѣ Вол. головы и писаря, которые вездѣ почти выбираются по указанію земскихъ исправниковъ съ соблюденіемъ только формы избранія ихъ міромъ, отъ имени коего, но часто противъ всякой воли, составляется мірской приговоръ, представляемый на утвержденіе Казенной Палаты. Удаленіе или отрѣшеніе головъ и писарей зависитъ также наиболѣе отъ исправниковъ, которые хотя и представляютъ о томъ палатѣ, но, не выждавъ ея разрѣшенія, допускаютъ къ отправленію должностей другихъ людей ими избранныхъ“. Другое описаніе относится къ Владимірской губерніи: „Выборы крестьянъ начинаются пирами: одни угощаютъ крестьянъ чтобы быть избранными; другіе чтобы быть уволенными; въ семъ случаѣ всегда въ числѣ первыхъ находятся крестьяне пове-

денія ненадежнаго, а среди вторыхъ.... лица, трудящіяся и соблюдающія выгоды, блага свои. Если первыхъ нѣтъ, то выборы ложатся на послѣднихъ и большей частію на бѣдныхъ, одинокихъ или тихихъ нравомъ; приносится лукошко картофелю и баллотировка начинается"; при этомъ часто случаются злоупотребленія, берутъ по нѣсколько картофелинъ и т. д. „Вообще на выборахъ шумъ, крикъ, брань, упреки, а иногда драки.... Многіе крестьяне въ похвальбу себѣ говорятъ: я, сударь, человѣкъ тихій на выборахъ и на сходахъ никогда не бывалъ". Часто крестьяне не идутъ на сходъ, передаютъ голоса старостамъ, а потомъ иногда отпираются, отчего происходятъ недоразумѣнія. Обыкновенно на сходахъ происходитъ частое и повальное пьянство. А вотъ что пишутъ ревизоры Пензенской губерніи: „Въ казенныхъ селеніяхъ такъ называемые старики, составляющіе мірской сходъ, большей частью люди дурной нравственности и предаются пьянству, управляя самовластно дѣлами общества". Для примѣра приводится фактъ, какъ старики заложили за 1369 р. общественные луга и какъ Вол. правленіе содержало подъ стражей въ желѣзахъ своихъ соперниковъ болѣе 3 мѣсяцевъ не доводя до свѣдѣнія земскаго суда.

Эти данныя относятся, главнымъ образомъ, къ избирательной дѣятельности сходовъ. Мы можемъ привести аналогичныя, т. е. столь же ужасающія и относительно отправленія ими судебныхъ функцій, но такъ какъ мы этого вопроса еще не касались, то намъ придется сдѣлать небольшое отступленіе. Мы знаемъ, что закономъ 1797 г. было предоставлено въ маловажныхъ между поселянами искахъ и ссорахъ расправу чинить головамъ. Въ развитіе этого постановленія [1]) въ 1812 г. [2]) было повелѣно, чтобы „по всѣмъ дѣламъ, гдѣ кража или преступленіе не будетъ превосходить 5 рублей, предоставлено было чинить расправу головамъ на мірской сходкѣ и виновные по ихъ приговору были бы наказаны домашнимъ образомъ, или

---

[1]) Почему то въ зак. 1812 г. оно приписано указу Прав. Сен. отъ 24 авг. 1797 г.

[2]) П. С. З. № 25142. Журн. Ком. Мин. т. II, Спб. 891. стр. 317–318.

легкимъ полицейскимъ исправленіемъ". Въ 1817 г. [1]) было разъяснено, что „маловажными преступленіями, подлежащими разбирательству и расправѣ, по силѣ Высочайшаго указа 1812 г. мая 12 дня, Волостныхъ головъ на мірской сходкѣ, считаться должны тѣ, послѣдствіемъ коихъ причинится вредъ обществу или частному лицу, непревосходящій 5 рублей; а потому къ числу маловажныхъ преступленій принадлежатъ обманы разнаго рода, предметъ коихъ не превышаетъ 5 рублей; легкіе побои или оскорбленія въ дракѣ или ссорѣ однимъ другому причиненныя, пьянство, своевольство, непослушаніе, нарушеніе благочинія и кратковременная своевольная отлучка изъ селеній. А какъ въ упомянутомъ Высочайшемъ указѣ изъяснено, что виновные въ маловажныхъ преступленіяхъ должны быть наказываемы по мірскому приговору домашнимъ образомъ или легкимъ полицейскимъ исправленіемъ: то мѣру наказанія за упомянутыя преступленія опредѣлить должно качество самого преступленія, или степень вреда, причиненнаго онымъ кому либо". Здѣсь опять проявляется игнорированіе правительствомъ различія между волостью и сельскимъ обществомъ. Волостной голова чинитъ расправу на мірскомъ сходѣ. Какой же это сходъ: волостной или сельскій? Сводъ законовъ, который не знаетъ волостного схода рѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ, что относитъ судебныя функціи къ компетенціи волостного правленія и сельскаго схода. Получается безсмыслица: причемъ же тогда голова на сходѣ отдѣльнаго селенія, которое имѣетъ своего старшину. Все это послѣдствія того основного противорѣчія, которое мы выше выяснили. На практикѣ происходило слѣдующее: или дѣла рѣшалъ старшина на сходѣ, по древнему обычаю [2]), или, согласно закону, Волостной голова. Относительно послѣдняго способа мы приве-

---

[1]) П. С. З. № 26960.

[2]) См. Ж. М. Г. XVIII, стр. 301 сл. „О домашнемъ судѣ между государственными крестьянами". Данныя этой статьи, какъ и всѣ оффиціальныя и оффиціозныя изданія, имѣющія отношеніе къ М. Г. И., излагаютъ матеріалы, собранные по приказанію Киселева и б. ч. не представляютъ ничего новаго по сравненію съ обстоятельной запиской Киселева, на которую мы уже указывали: Изложеніе главныхъ основаній...

демъ отзывъ Киселева [1]) „Волостнымъ правленіямъ предоставлено разбирать дѣла по спорамъ и о маловажныхъ проступкахъ, но въ первомъ случаѣ приговоры его не имѣютъ никакой обязательной силы, и потому разборы Вол пр. суть одинъ безполезный обрядъ, нисколько не освобождающій крестьянъ отъ разбора въ общихъ судебныхъ мѣстахъ; а въ послѣднемъ, т. е. по дѣламъ о проступкахъ—законъ предоставляетъ рѣшеніе ихъ Вол. головамъ на мірскомъ сходѣ, не опредѣляя степень участія сего послѣдняго. Отсюда наказанія назначаются иногда по приговору Вол. Гол. и тогда сельскій сходъ замѣняетъ мѣсто простого свидѣтеля, котораго присутствіе не столько полезно, сколько вредно, отвлекая крестьянъ отъ ихъ обычныхъ занятій; когда же власть суда присвояется мірскому сходу, не обузданному никакимъ надзоромъ со стороны начальства, тогда являлись приговоры столь же беззаконные, сколь безнравственные". Необузданность схода простирается до того, приводитъ въ примѣръ Киселевъ, что собранія крестьянъ начинаютъ и оканчиваютъ свое дѣло пьянствомъ насчетъ общественныхъ суммъ, или же, собравшись близъ питейнаго дома, рѣшаютъ спорныя дѣла между крестьянами, оканчивая приговоръ своей покупкой вина на счетъ виновнаго. И Киселевъ не преувеличивалъ—головы и міроѣды довели міръ до глубокаго паденія, вѣдь, напримѣръ, сплошь и рядомъ сходы созывались по сдѣлкѣ головъ или старшины съ винопродавцемъ для привлеченія народа къ питейному дому [2]).

Результатомъ бывали приговоры, поистинѣ, невѣроятные. Вотъ, напримѣръ, приговоръ крестьянъ Курской губерніи Фатежскаго уѣзда села Степанова по случаю кражи нѣсколькихъ деревьевъ лѣснымъ сторожемъ Зубковымъ, приведенный въ трудѣ Калашникова [3]): „въ наказаніе Зубкова за худое

[1]) Этотъ отзывъ взятъ изъ только-что названной записки.

[2]) Забл.-Дес. II, стр. 43

[3]) Историческое обозрѣніе устройства государственныхъ крестьянъ и имуществъ И. Т. Калашникова т. I прим. 70. Это обширный трудъ, представляющій безхитростный и лишенный всякой научной цѣнности пересказъ матеріаловъ М-ва. Онъ имѣетъ значеніе, какъ сборникъ фактическихъ свѣдѣній, но въ значительной мѣрѣ потерялъ его послѣ изданія историческаго обозрѣнія 1887 г.

поведеніе и воровство взять у него лошадь, лучшую корову и четырехъ овецъ и которые есть у него дубы, продать и деньги всѣмъ міромъ пропить, безъ всякихъ поворотовъ“ [1]).

Вообще безправіе и безпорядокъ былъ велики. „Два названія, укоренившіяся въ оффиціальномъ нашемъ языкѣ по управленію крестьянами: міроѣды и темн. расходъ, объясняютъ лучше всего тогдашнее состояніе поселянъ. Міроѣды истощали всѣ средства крестьянъ по корыстнымъ видамъ. Темные расходы должны были покрывать всѣ незаконныя дѣйствія поселянъ. Мѣра этихъ темныхъ расходовъ и нити ихъ покрыты были неизвѣстностью“ [2])

Упадокъ крестьянскаго самоуправленія былъ столь великъ, что всѣ мѣропріятія правительства, клонящіяся къ ограниченію его функцій, выходящихъ за предѣлы его специфическихъ земельно-сосѣдскихъ отношеній, можно только привѣтствовать. Всякое суженіе его компетенціи сокращало поле возможныхъ злоупотребленій—и только. Къ сожалѣнію, это не помогало; какъ мы сейчасъ увидимъ, на практикѣ все оставалось по прежнему, но теоретически нашъ невѣроятный выводъ остается правильнымъ: по причинамъ, которыя намъ ясны изъ предыдущаго изложенія, всякое урѣзываніе общественныхъ правъ крестьянъ являлось для нихъ чуть ли не благомъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить мірское самообложеніе. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что оно является необходимымъ признакомъ самоуправленія,—но вспомнимъ картину мірской жизни, которая вырисовывается изъ приведенныхъ намъ данныхъ, и мы a priori скажемъ, что при данныхъ условіяхъ оно явится только однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и всепроникающихъ способовъ эксплоатаціи.

Правительство обратило вниманіе на эти поборы и вступило въ энергичную борьбу съ ними, тѣмъ болѣе, что общественные сборы, интересуя мѣстныя власти, собирались

---

[1]) Изъ донесенія чиновниковъ, ревизовавшихъ Курскую губ.

[2]) Обзоръ дѣят. мин. гос им. по завѣдыв гос кр. и южными поселянами съ 1838 по 1861 г., представленное Гос. Имп. въ 1867 г. Спб. 1867 г. стр. 13.

раньше сборовъ казенныхъ и въ ущербъ имъ. Разобранный нами выше законъ 1817 года открываетъ кампанію противъ мірскихъ сборовъ.

Московскій генералъ-губернаторъ предлагаетъ „по полученіи всѣхъ свѣдѣній, сообразивъ оныя съ настоящею надобностью и нуждами общественными, опредѣлить: какую складку съ крестьянъ на общественные расходы полагать можно достаточною, выше которой Головы не смѣли бы уже и предлагать Обществамъ, не получивъ особаго разрѣшенія отъ начальства". Такимъ образомъ здѣсь предлагается нормировать общественные сборы, ввести такъ сказать фиксацію мірского самообложенія. Однако, правительство пошло дальше. Въ 1824 г. [1]) было комитетомъ министровъ распространено на всю Россію предложенное сенаторами-ревизорами для Вятской губерніи запрещеніе мірскихъ складокъ, которое мотивировалось ими слѣдующимъ образомъ. „Такъ какъ существующее по волостямъ обыкновеніе дѣлать добровольныя складки, даетъ поводъ къ противозаконнымъ съ каз. крестьянъ поборамъ, то постановить, чтобы кромѣ государственныхъ податей и земскихъ повинностей, достаточныхъ для содержанія всего законами опредѣленнаго, не было допускаемо по волостямъ никакихъ сборовъ, подъ видомъ добровольныхъ складокъ, кромѣ установленныхъ расходовъ по рекрутскимъ наборамъ. Приговоры на означенную повинность должны вноситься на разсмотрѣніе Казенной Палаты". Комитетъ министровъ не былъ такъ категориченъ: онъ запретилъ не всѣ сборы, а лишь тѣ, которые не являются „установленными или дозволенными съ разрѣшенія высшаго правительства". Другими словами, крестьяне имѣли право облагать себя только тѣми сборами, которые были обязательны для отправленія какихъ-либо повинностей. Въ правилахъ, установленныхъ кн. Долгорукимъ для Курской губерніи и распространенныхъ на всю Россію, опредѣленно сказано, что „сверхъ платежа казенныхъ податей могутъ еще существовать слѣдующіе сборы: 1) на установленные при рекрутскихъ наборахъ расходы; 2) на

[1]) П. С. З. № 30177.

платежъ за переселившихся въ другія губерніи крестьянъ подушныхъ и 3) за выбывшія смертію и по другимъ причинамъ души". Правительство съ такой опаской относилось къ мірскимъ сборамъ, что запрещало даже крестьянамъ отправлять натуральныя повинности наймомъ, для чего нужны были мірскія складки, мотивируя это тѣмъ, что крестьянамъ отбывать повинности лично гораздо удобнѣе. Въ 1825 г. М-ръ Финансовъ указывалъ Сенату на бывшія узаконенія [1]) относительно запрещенія всякихъ налоговъ, дѣлаемыхъ подъ видомъ добровольныхъ складовъ, кромѣ государственныхъ податей, земскихъ повинностей смѣтами опредѣленныхъ и сборовъ по отправленію рекрутской повинности, и ссылался на указъ 1808 г. февраля 18, запрещавшій исправленіе повинностей отъ волостей подрядомъ. Министръ полагалъ, что допущеніе сборовъ для замѣны деньгами личныхъ повинностей противно этимъ узаконеніямъ и, кромѣ того, совершенно излишне; если же и бываютъ случаи, когда нельзя обойтись совершенно безъ денежнаго сбора, напримѣръ, при постройкѣ столбовъ и мостовъ и пр., то тутъ губернское начальство, должно, приведя въ извѣстность количество расходовъ, составить особую смѣту и раскладку и представить М-ву Финансовъ для представленія въ Государственный совѣтъ; „но до дальнѣйшаго разрѣшенія и доколѣ высшимъ Правительствомъ не будетъ признана видимая польза крестьянъ въ замѣнѣ нѣкоторыхъ личныхъ повинностей денежными, никакіе сборы на подряды, добровольныя складки или другіе налоги, закономъ либо смѣтой земскихъ повинностей не опредѣленные, не должны быть допускаемы ни подъ какимъ видомъ". Это мнѣніе м-ва финансовъ и послужило основаніемъ указа 30 ноября 1825 г. [2]).

Однако, всѣ эти запрещенія мало къ чему приводили и мірскіе сборы, или, вѣрнѣе, поборы, составлявшіе, по выраженію ревизоровъ, „язву поражающую сельскія общества" [3]),

[1]) Кромѣ извѣстнаго намъ ук. 1824 г., М. Ф. ссылается еще на ук. 19 м. 1825 г. П. С. З. № 30351.

[2]) П. С. З. № 30595.

[3]) Рязанская губ.

продолжали сбираться попрежнему, съ той только разницей, что содержались въ нѣкоторой тайнѣ, что лишало ревизоровъ возможности опредѣлить хотя бы съ нѣкоторой точностью ихъ размѣры.

Глава III.

Взгляды Киселева представляютъ довольно пеструю амальгаму, мысли его иногда смутны, рѣчь высокопарна, уяснить его взглядъ не всегда возможно. Тамъ, гдѣ онъ дѣлаетъ замѣтки для себя, искренно хочетъ составить себѣ о чемъ-нибудь понятіе—оно не всегда достаточно отчетливо; тамъ же, гдѣ онъ пишетъ для другихъ, иногда слишкомъ явно проглядываетъ желаніе внушить читателю во что бы то ни стало желаемое представленіе о вещахъ. Корфъ называетъ его „мастеромъ своего дѣла или, лучше сказать, обдѣлывать свои дѣла“ и заподазриваетъ даже истинность приводимыхъ имъ данныхъ [1]). Послѣднее предположеніе мы не беремся провѣрить, можемъ только указать, что часто оптимизмъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ не вполнѣ согласовался съ имѣвшимися въ министерствѣ данными, что же касается до „мастерства“ Киселева, то оно внѣ сомнѣнія: сплошь и рядомъ закругленныя фразы о благодѣтельномъ попечительствѣ прикрывали самую непосредственную эксплоатацію крестьянъ, которая получала болѣе опредѣленныя очертанія въ циркулярахъ, предназначенныхъ для своихъ же чиновниковъ. Впрочемъ и въ послѣднемъ случаѣ конкретныя указанія утопали въ потокѣ великолѣпныхъ и гуманныхъ фразъ. Гдѣ кончается искреннее желаніе оказать пользу, хотя бы и негодными средствами, гдѣ начинается фраза—конечно, опредѣлить невозможно. Намъ важно отмѣтить это чтобы впослѣдствіи точнѣе опредѣлять удѣльный вѣсъ его мнѣній и предположеній.

Основной догматъ Киселева—это вѣра во всемогущество правительственной власти. Онъ убѣжденный представи-

[1]) Рѣчь идетъ о всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842.

тель просвѣщеннаго абсолютизма, твердо вѣрящій въ свое назначеніе вести къ благу свою многомилліонную паству; недаромъ онъ сравнивалъ себя съ Петромъ Великимъ! [1]). Убѣжденія его получили отчетливое выраженіе въ его собственноручныхъ замѣткахъ на одну записку Сперанскаго, гдѣ онѣ особенно оттѣняются благодаря контрасту со свѣтлыми мыслями Сперанскаго [2]) Записка заключаетъ въ себѣ критику на проектъ комитета князя Куракина объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ. Сперанскій указываетъ на сложность предполагаемаго управленія въ ущербъ порядку, въ коемъ по его мнѣнію и заключается вся сила управленія—Киселевъ радостно соглашается и сгущаетъ краски; по его убѣжденію „сей порядокъ управленія есть дѣйствительная необходимость настоящаго времени". Сперанскій, однако, въ одномъ порядкѣ не видитъ панацеи противъ всѣхъ золъ: „бѣдности и малоземелью, говоритъ онъ, никакое мѣстное управленіе пособить не можетъ". „Напротивъ, восклицаетъ Киселевъ, посредственное даже управленіе тому и другому пособитъ—ибо бѣдность происходитъ отъ корыстолюбія настоящихъ властей и беззащитности крестьянъ противъ поборовъ. Противозаконіе породило въ нихъ лѣнь и безправіе, и потому защищеніе и надзоръ суть необходимы и измѣнятъ настоящее положеніе крестьянъ въ хозяйственное и нравственное состояніе" [3]).

Итакъ, причина всѣхъ неустройствъ крестьянской жизни ясна Киселеву. это недостатокъ управленія. Онъ составлялъ до сего времени одну изъ важнѣйшихъ причинъ, пре-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій op. cit II, 156.

[2]) Когда Государь призвалъ Киселева, онъ рекомендовалъ ему обратиться къ Сперанскому, что тотъ дѣйствительно и сдѣлалъ; мы знаемъ, что онъ имѣлъ съ нимъ долгія бесѣды, представлялъ ему записки, штудировалъ и во многомъ соглашался съ его мыслями, но, какъ видно изъ вышеприведеннаго отрывка, между ними разница была столь велика, что мысли великаго государственнаго мужа въ интерпретаціи Киселева становились неузнаваемы. Могучаго ума Сперанскаго оказалось недостачно, чтобы перевоспитать Киселева.

[3]) Архивъ V отдѣленія. Дѣло о составленіи проекта по преобразованію управленія государственныхъ имуществъ. Т. II. № 330.

пятствующихъ благоустройству Государственныхъ Имуществъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что устройство хозяйственное и способъ уравненія податей есть дѣло не менѣе важное, но оно должно быть послѣдствіемъ достаточно устроенной администраціи“ [1]). До сихъ поръ этого не понимали, предлагали устроить крестьянъ на подобіе городского сословія, учредить семейственное пользованіе, организовать переселенія „но устройство управленія считали, кажется, дѣломъ второстепеннымъ“. А между тѣмъ, вся суть въ этомъ, въ запискѣ, представленной Сперанскому еще въ 1836 г, Киселевъ причину оскудѣнія государственныхъ крестьянъ видитъ въ отсутствіи, во-первыхъ, покровительства и, во-вторыхъ, наблюденія; отъ недостатка покровительства крестьяне обременены незаконными поборами и личными повинностями; отъ недостатка наблюденія развратъ и пьянство уничтожаютъ въ самомъ источникѣ основаніе сельскаго благосостоянія“ [2]).

Такое пониманіе причины крестьянскихъ неустройствъ совершенно ясно опредѣляетъ цѣли реформы: нужно управлять, чтобы путемъ постояннаго попеченія вести кре-

---

[1]) Изложеніе главныхъ основаній преобразованія управленія Гос. кр. и имущ.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. Op. cit. II стр 124. Ту же мысль Киселевъ высказывалъ и въ другихъ случаяхъ. Въ одной собственноручной запискѣ онъ признаетъ два главныхъ предмета преобразованія: организацію управленія и податной системы; но вторая задача разрѣшима только послѣ и на основаніи первой.

Вѣра въ силу управленія выразилась еще очень характерно въ его замѣткахъ по поводу замѣчаній Петербургскаго губернатора на положеніе 1826 г., внесенныхъ въ комитетъ кн. Куракина. „Новое управленіе, говоритъ губернаторъ, какъ образуемое на мѣрахъ побужденія казенныхъ крестьянъ къ лучшему устройству хозяйства, не успѣетъ подвинуть его ни на одинъ шагъ. Ибо къ сему доводитъ одна добрая воля, возбуждаемая нуждой, поощряемая пользой, облегчаемая примѣромъ. Приставники только пріумножатъ свои выгоды насчетъ крестьянъ“. „Если-бы это дѣйствительно такъ было, восклицаетъ возмущенный Киселевъ, то не нужно ни губернаторовъ, ни начальства, которые во всякомъ управленіи почитаемы быть могутъ приставниками для умноженія злоупотребленій—по мнѣ они нужны, но подъ надзоромъ твердо основанномъ“. Дѣло о составленіи проектовъ. т. II № 330.

стьянъ къ благосостоянію. Задача поставлена грандіозная: „водвореніе законности, попечительство, постоянное и терпѣливое назиданіе, поощреніе и руководство 20 милліоновъ сельскаго населенія“, такъ онъ опредѣлилъ ее самъ въ своемъ послѣднемъ циркулярѣ по министерству [1]). Онъ хотѣлъ не болѣе не менѣе, какъ перевоспитать эти 20 милліоновъ· „для настоящаго законность, для будущаго воспитаніе составляютъ основаніе всего преобразованія“, говоритъ онъ въ другомъ циркулярѣ [2]).

Какъ мы видимъ, программа Киселева не носитъ чисто фискальнаго характера и этимъ отличается отъ политики его предшественника по завѣдыванію государственными крестьянами—Канкрина. Правда, правила 1826 года, введенныя въ Петербургской и Псковской губерніяхъ, послужили образцомъ при выработкѣ новаго устройства государственныхъ крестьянъ, такъ что первоначально Киселевъ даже свою задачу опредѣлялъ лишь исправленіемъ и распространеніемъ этихъ правилъ на всю Россію, но тѣмъ не менѣе разница между этими двумя опытами значительна. Оба проникнуты гувернементализмомъ, но задачи, которыя они себѣ ставили, различны. Канкринъ стоялъ на точкѣ зрѣнія чистаго фискализма; примѣромъ себѣ онъ взялъ управленіе удѣльными крестьянами, а цѣлью—болѣе успѣшное выколачиваніе податей. По словамъ Комитета кн. Куракина, правила его „удерживаютъ казенныхъ крестьянъ въ положеніи крестьянъ помѣщичьихъ, въ зависимости неограниченной, безъ всякой къ нимъ довѣренности въ разныхъ отношеніяхъ, въ совершенной ничтожности въ обязательствахъ личныхъ и въ одномъ безмолвномъ исправленіи податей и повинностей“. Если впослѣдствіи положеніе государственныхъ крестьянъ подъ попечительствомъ Министерства Государственныхъ имуществъ мало чѣмъ отличалось отъ этой грустной картины, то исходный пунктъ былъ все же иной. Надо отдать Киселеву справедливость: его гувернементализмъ былъ маркой

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій Op. cit. II. 124.

[2]) Тамъ же, IV, стр. 172.

выше: онъ хотѣлъ достичь благосостоянія своихъ подданныхъ и скептически смотрѣлъ на политику выжиманія соковъ. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ слѣдующую замѣтку Киселева, сдѣлавшую бы честь всякому государственному мужу: „Въ Россіи нельзя и, скажу болѣе, не должно въ настоящемъ ребяческомъ ея положеніи стремиться къ возвышенію до послѣдней возможности государственныхъ доходовъ; государственная жизнь развивается и должна развиваться медленно и съ нею только умножаются капиталы, безъ которыхъ промышленности быть не можетъ... Усиливать подати и сборы можно, но отбирать у бѣднаго послѣднее—значитъ произносить приговоръ всякому будущему преуспѣянію, и я дозволю себѣ думать и скажу, что каждый сверхъ мѣры исторгнутый рубль удаляетъ на годъ экономическое развитіе силъ государства“ [1]).

Правда, эти глубокія мысли прекрасно уживались съ совершенно противоположными, когда, напримѣръ, по поводу недоимокъ, говорилось, что неурожаи уже не имѣетъ такого значенія, какъ раньше, а вся тайна успѣшнаго взысканія сборовъ заключается въ безпрестанномъ надзорѣ [2]) (прошу вдуматься въ софистичность и округлость этой безжалостной фразы!), или когда циркулярно подтверждалось, что единственная и главная цѣль всѣхъ государственныхъ крестьянъ—это взносъ податей, или когда предлагалось, также циркулярно, недопускать крестьянъ тратить ничего, кромѣ самаго необходимаго, такъ какъ всѣ излишки предназначены на уплату податей, или когда указывалась вся важность воспитательнаго значенія неупустительнаго взысканія недоимокъ ..... но объ этомъ мы болѣе подробно узнаемъ послѣ, теперь-же должны констатировать, что словесная программа Киселева была гораздо шире, чѣмъ у его предшественниковъ. Всѣ указанныя противорѣчія могли уживаться въ мысляхъ (или бумагахъ?) Министра Гос. Им., но принципіально признать фискальную политику Министра Финансовъ онъ

[1]) Op. cit. II, стр. 77.

[2]) Дѣло о собраніи свѣдѣній для составленія 10-ти-лѣтняго отчета по Министерству Государственныхъ Имуществъ. № 427.

не могъ. Прочтите, напримѣръ, слѣдующія слова о попечительствѣ надъ государственными крестьянами, взятыя нами изъ отчета о 10-лѣтнемъ существованіи Министерства, и вы увидите, какихъ высокихъ сферъ достигала бюрократическая мысль Киселева: „Разсматривая нравственное состояніе сельскаго класса, говоритъ отчетъ, не трудно убѣдиться, что крестьяне наши, при добрыхъ расположеніяхъ природнаго характера, находятся еще въ періодѣ младенчества, требующаго со стороны правительства ближайшаго наблюденія и попечительства отъ самыхъ высшихъ предметовъ гражданскаго благоустройства, до послѣднихъ потребностей гражданскаго ихъ быта. Мѣра сія необходима не только въ виду государственной пользы, какой должно ожидать отъ улучшенія благосостоянія важнѣйшей части народонаселенія, но и въ высшихъ политическихъ соображеніяхъ. Въ государствахъ, гдѣ правительство благовременно озаботилось нравственнымъ воспитаніемъ народа и постоянно его вело сообразно своимъ намѣреніямъ, тамъ возмужалъ онъ въ духѣ религіи, нравственности и покорности предустановленной власти. Напротивъ, въ государствахъ, гдѣ народъ былъ предоставленъ въ дѣлѣ воспитанія собственному произволу, тамъ образованіе его, не имѣя опредѣленнаго направленія, распространялось совокупно съ заблужденіями, доколѣ не возникли поколѣнія, служащія свѣту примѣромъ нравственнаго упадка“ [1]).

Итакъ, цѣль Киселевской реформы—вывести сельское населеніе изъ его младенческаго состоянія; средства—попечительное управленіе. Посмотримъ же, какія конкретныя формы приняло это управленіе, каковъ тотъ аппаратъ, при помощи котораго должно было производиться перевоспитанье 20 милліоннаго народа.

Реформа Киселева не была реформой въ собственномъ смыслѣ этого слова, новаго, творческаго въ ней не было ничего. Весь грандіозный механизмъ управленія государствен-

---

[1]) Дѣло о собраніи свѣдѣній для составленія 10-ти-лѣтняго отчета по М. Г. И. № 427.

ными крестьянами есть не что иное, какъ результатъ собиранія отдѣльныхъ частей, имѣвшихся въ распоряженіи Киселева. Онѣ были только разбросаны въ обширныхъ и малоизслѣдованныхъ кладовыхъ законодательнаго матеріала какъ legis latae, такъ и legis ferendae, и задача Киселева заключалась только въ томъ, чтобы спаять въ одно цѣлое все, что онъ нашелъ тамъ пригоднаго, идеей попечительнаго управленія, что онъ и сдѣлалъ, хотя и не всегда искусно. Впрочемъ, и духъ попечительства, этотъ esprit, проникающій твореніе Киселева, эта faculté maitresse его міросозерцанія—и та было завѣщана ему чуть не вѣками; правда, попечительство носило тогда слишкомъ очевидный словесный характеръ, но тѣмъ не менѣе, если мы вспомнимъ нѣкоторыя статьи доклада 7 августа 1797 г. и Екатеринскаго положенія 1787 г. и ихъ источники, то прослѣдимъ генеалогію Положенія 38 г. вплоть до наставленій экономическимъ правленіямъ. Ничего принципіально новаго и въ этомъ отношеніи реформа 1838 г. не представляла—чтобы конкретно это себѣ представить достаточно познакомиться съ нѣкоторыми постановленіями 12 т. Свода законовъ [1]), къ которому мы читателя и отсылаемъ. Что же касается до положенія 1838 года по существу, до его матеріальнаго содержанія, то можно было бы подъ каждой статьей, какъ въ Сводѣ Законовъ, указать ея источники, причемъ аналогія была бы совершенно полной, такъ какъ проекты правительства были мало использованы Киселевымъ и онъ оперировалъ почти исключительно положительнымъ законодательнымъ матеріаломъ, главнымъ образомъ двумя послѣдними актами [2]): правилами 26 года и 33 года [3]).

[1]) Сводъ постановленій о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ. См. напр ст. 96 и сл.

[2]) Мы не разсматриваемъ этихъ актовъ, именно опытнаго положенія, введеннаго въ Пет. и Псковск. губ. 1826 г., и правилъ о взиманіи сборовъ 28 ноября 1833 г., т. к. первый касается только 2 губ. и даже полностью не вошелъ въ П. С. З., гдѣ имѣются только общія основанія (№ 590); подробности должны были быть выработаны инструкціей мин. фин. которой нѣтъ въ П. С. З., но которая принята во вниманіе при составленіи свода (ч. III кн. II ст. 1140 сл. Уставъ о выборахъ).

Переходя къ конкретному описанію механизма управленія крестьянами, мы должны предварительно отмѣтить тѣ точки зрѣнія, которыя должны освѣтить изложеніе этой стороны положенія 1838 г. Положеніе это является характернымъ представителемъ той стадіи развитія государственности, которую нѣмцы удачно называютъ эпохой Polizeistaat'a и которая характеризуется гипертрофіей функцій управленія со стороны государства, тѣмъ, что нѣмцы назвали терминомъ „Vielregiererei" [1]). При этомъ нужно имѣть въ виду, что эта „Vielregiererei" проявляется двояко, какъ экстенсивно, такъ и интенсивно: съ одной стороны законы дѣлаются мелочными и казуистичными, хотятъ обнять всѣ оттѣнки того жизненнаго явленія, которое они регулируютъ, берутъ за отправный пунктъ не родовые и видовые, а индивидуальные признаки; съ другой стороны государство все болѣе и болѣе проникаетъ въ глубь, захватываетъ все болѣе интимныя стороны индивидуальной жизни.

Правила же 33-го года, по отзыву Комитета губернаторовъ, разсматривавшаго проектъ Киселева и ревизоровъ, не были въ дѣйствительности введены въ дѣйствіе

[2]) Тутъ можно отмѣтить одинъ забавный эпизодъ. Кисслевъ подвергалъ жестокой критикѣ политику Канкрина, высказывая при этомъ иногда глубоко вѣрный взглядъ, но несмотря на это по существу проводилъ въ жизнь его предначертанія, положивъ въ основаніе своей реформы правила 26 и 33 годовъ. Это не помѣшало Канкрину высказать по поводу реформы Киселева нѣсколько мыслей, не менѣе глубокихъ и вѣрныхъ. Въ своемъ письмѣ къ Киселеву, съ надписью „особенно секретно", заключающемъ замѣчанія на уставъ хозяйственный, Канкринъ между прочимъ пишетъ слѣдующее: „.... на казенныхъ крестьянъ новое, такъ сказать опекунское управленіе на первый разъ сдѣлаетъ сильное впечатлѣніе, и привыкши, какъ вольные люди, располагать сами своими занятіями и промыслами произвольно, а частью и вреднымъ образомъ, всякій и самый благодѣтельный надзоръ сначала покажется имъ тягостнымъ; земли же считаютъ они своей собственностью. Отъ сего чрезъ введеніе новаго порядка они впадутъ въ нѣкоторое уныніе...". Дѣло о составл. проектовъ по образованію управл. гос. им. т. VIII, № 330.

[1]) См. Гессенъ. Лекціи по полицейскому праву. Введеніе. Классическое описаніе юридической природы полицейскаго государства у O. Mayer'a. Deutsches Verwaltungsrecht. B. I

Эта „Vielregiererei“ характеризуетъ политику государственной власти, но никоимъ образомъ не опредѣляетъ ни этой власти по существу, ни структуры органовъ ея управленія. Polizeistaat'омъ можетъ быть и абсолютная монархія и республика. Съ другой стороны можно себѣ его представить устроеннымъ на началахъ централизаціи и децентрализаціи, самоуправленія и бюрократизма. Но, конечно, въ исторической перспективѣ нормальной комбинаціей является проведеніе политики полицейскаго государства абсолютной монархіей чрезъ централизованно устроенную бюрократію. Насъ эта комбинація только и интересуетъ, т. к. частнымъ ея случаемъ является положеніе 1838 г. Тутъ намъ важно отмѣтить слѣдующее: полицейское государство берется за грандіозную задачу и хочетъ исполнить ее бюрократическими средствами, проявляя въ этомъ величайшую самонадѣянность. Оно не только берется за неисполнимыя задачи, но оно кромѣ того беретъ на себя отвѣтственность за всѣхъ ихъ исполнителей, оставляя за собой исключительное право контроля надъ ними. Характеръ правительственныхъ задачъ даетъ такую силу отдѣльнымъ представителямъ центральной власти, что этой послѣдней, для того чтобы полицейское государство не превратилось въ агломератъ самостоятельныхъ сатрапій, приходится до послѣдней степени стягивать узы бюрократическаго подчиненія, доводитъ централизацію до крайнихъ предѣловъ. Т. о. у организатора полицейскаго государства на бюрократическихъ началахъ возникаютъ двѣ проблемы: внутренняя — устройство механизма управленія на началахъ наиболѣе прочной спайки отдѣльныхъ ея частей въ одно централизованное цѣлое, обезпечивающее наиболѣе полное соотвѣтствіе между распорядительными дѣйствіями сверху и исполнительными дѣйствіями низшихъ органовъ; и внѣшняя—конкретное опредѣленіе тѣхъ задачъ, исполненію которыхъ служитъ весь механизмъ управленія.

Такъ какъ насъ не интересуетъ положеніе 1838 г. in corpore, а только устройство крестьянъ, то мы и будемъ разсматривать его съ этой специфической точки зрѣнія, имѣя въ виду

только аппаратъ управленія крестьянами, опуская описаніе устройства центральныхъ учрежденій и ихъ отношеніе къ высшему губернскому мѣсту — Палатамъ Государственныхъ Имуществъ, отношеніе установленій новаго министерства къ общему губернскому управленію и всѣ подробности, имѣющія чисто вѣдомственный характеръ.

Всѣ учрежденія по управленію государственными крестьянами составляютъ очень строго выдержанную іерархію, установленную на послѣдовательно проведенныхъ началахъ бюрократическаго подчиненія. Во главѣ губернскаго управленія стоитъ Палата, которая имѣетъ высшій надзоръ и руководительство.

Въ ея вѣдѣніи состоитъ весь личный составъ, къ назначенію и удаленію котораго она имѣетъ болѣе или менѣе прямое отношеніе, частью самостоятельно назначая или утверждая, частью представляя къ назначенію. Она наблюдаетъ, чтобы „всѣ чиновники ея вѣдомства и люди составляющіе волостное и сельское управленіе“ исполняли свои обязанности неукоснительно, для чего независимо отъ общаго наблюденія по ходу дѣлъ и отчетности производитъ ежегодно ревизіи общую и частную (1104) [1]). Если при ревизіи обнаружено упущеніе или злоупотребленіе, то управляющій лично на мѣстѣ отстраняетъ виновныхъ отъ должности, возстанавливаетъ порядокъ и пр., другіе же чиновники принявъ мѣры къ устраненію безпорядковъ, доносятъ Палатѣ (1107). Палата замѣченныхъ въ упущеніи и медленности „возбуждаетъ къ большей дѣятельности“, оказывающихъ мало способностей увольняетъ, а изобличенныхъ въ злоупотребленіяхъ удаляетъ отъ должности и предаетъ суду чрезъ губернское управленіе (1108). Всѣ неисчислимыя обязанности громадной арміи подвѣдомственныхъ ей „чиновниковъ и людей составляющихъ волостное и сельское управленіе“ поставлены подъ ея контроль; при каждой рубрикѣ, на которыя дѣлятся предметы ея вѣдомства, постояннымъ припѣвомъ является статья, по которой „Пал. Гос. Им.

[1]) Нумерація статей вездѣ, гдѣ не указано источниковъ, приведена согласно т. II Свода Законовъ 1842 г.

наблюдаетъ, чтобы въ подвѣдомственныхъ ей округахъ исполняемы были всѣ правила... и чтобы окружные начальники и зависящія отъ нихъ мѣста и лица соблюдали въ точности обязанности, возложенныя на нихъ въ семъ отношеніи Учрежденіями Окружныхъ, Волостныхъ и Сельскихъ управленій".

Наблюдая за многочисленнымъ начальствомъ, Палаты имѣютъ обширныя полномочія, непосредственно относящіяся къ населенію. Она наблюдаетъ, чтобы законы и предписанія начальства исполняемы были со стороны крестьянъ неукоснительно, чтобы, въ случаѣ медленнаго и неточнаго исполненія ихъ, виновные подвергаемы были исправительному наказанію по приговору Сельскихъ Расправъ, а за явное упорство и ослушаніе предаваемы уголовному суду (1127). Въ случаѣ неповиновенія властямъ и закону, Палата принимаетъ мѣры къ обузданію непослушныхъ при содѣйствіи начальниковъ губерній. Если гдѣ усматривается безнравственность, то Палата посылаетъ особаго чиновника для уничтоженія самой причины разврата или принятія мѣръ предупредительныхъ по отношенію къ отдѣльнымъ крестьянамъ, которыя суть слѣдующія. 1) увѣщаніе чрезъ приходскаго священника; 2) исправительное наказаніе чрезъ Сельскую Расправу; 3) учрежденіе опеки надъ людьми изобличенными въ пьянствѣ и мотовствѣ; 4) предоставленіе обществу сдѣлать постановленіе объ отдачѣ виновнаго въ рекруты или о переселеніи въ другія мѣста (1146). Далѣе Палата принимаетъ законныя мѣры къ уменьшенію между крестьянами несправедливыхъ тяжбъ и исковъ для нихъ разорительныхъ, причемъ имѣетъ право удалить изъ казенныхъ селеній людей другихъ состояній, побуждающихъ къ таковымъ тяжбамъ, крестьянъ же, которые неоднократно замѣчены будутъ въ утрудженіи начальства неосновательными просьбами и жалобами, отсылать въ Сельскую Расправу для взысканія на основаніи сельскаго судебнаго устава (1331—2). На обязанности Палатъ лежитъ защита и ходатайство за казенныхъ поселянъ; она ограждаетъ права сельскихъ обществъ и крестьянъ отъ всякихъ незаконныхъ дѣйствій и отъ вмѣшатель-

ства земской полиціи (1129—30), оказываетъ законное содѣйствіе и покровительство всякой просьбѣ сельскихъ обществъ и крестьянъ (1131), ограждаетъ отъ всякихъ незаконныхъ и произвольныхъ денежныхъ сборовъ. Она же разбираетъ споры и тяжбы о казенныхъ земляхъ между селеніями одного сельскаго общества и между сельскими обществами (1313) и имѣетъ попеченіе чрезъ окружныхъ начальниковъ и стряпчихъ о дѣлахъ по завладѣнію частными лицами казенныхъ имуществъ (1316 сл.). Въ отношеніи тяжебныхъ дѣлъ государственныхъ крестьянъ, производящихся въ судебныхъ мѣстахъ, обязанности Палаты ограничивается ходатайствомъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи этихъ дѣлъ (1330). По уголовнымъ дѣламъ Палата только наблюдаетъ, чтобы стряпчій и окружные начальники не менѣе одного раза посѣщали городскія тюрьмы, слѣдя за тѣмъ, чтобы крестьяне не были напрасно отлучаемы отъ домовъ своихъ и чтобы тѣ только содержались подъ стражей, которые, бывъ обвиняемы въ тяжкихъ преступленіяхъ по закону, не могутъ быть отданы на поручительство (1133).

Вторымъ звеномъ іерархіи являются Окружные начальники съ ихъ помощниками по хозяйственной части [1]). Подобно Палатамъ, они являются руководителями и надзирателями за органами имъ подвѣдомственными, они такъ же наблюдаютъ за исполненіемъ обязанностей ихъ, ревизуютъ, удаляютъ отъ должностей и пр. Къ населенію они поставлены ближе, чѣмъ Палаты, они также слѣдятъ за исполненіемъ законовъ и предписаній и т. д., но какъ власть болѣе осязаемая, имѣютъ, конечно, большее значеніе, чѣмъ Палаты. Они также принимаютъ мѣры противъ безнравственности, предостерегаютъ отъ напрасныхъ тяжбъ, защищаютъ поселянъ, оказываютъ всякое содѣйствіе и пр., но трактуются положеніемъ въ иныхъ выраженіяхъ: Окружной начальникъ—это попечитель, почти отецъ поселянъ. Онъ долженъ выслушивать терпѣливо и съ особой внимательностью всѣ жалобы, приносимыя ему

[1]) Эти помощники на практикѣ образовали нѣчто въ родѣ новой инстанціи.

государственными крестьянами, не затруднять имъ къ себѣ доступъ, не отсылать обиженныхъ къ другимъ мѣстамъ и начальствамъ, подъ предлогомъ непринадлежности жалобы до разсмотрѣнія Окружного начальника; но если жалобы сіи дѣйствительно не относятся къ предметамъ его вѣдомства, то онъ обязанъ объяснить просителю, къ кому онъ долженъ обратиться для полученія удовлетворенія (2944). Онъ „возбуждаетъ благонравіе и трудолюбіе поселянъ похвалами и поощреніями, но въ отношеніи лѣнивыхъ строго наблюдаетъ, дабы волостные и сельскіе начальники, по обязанности возложенной на нихъ въ учрежденіи волостного и сельскаго управленій, неослабно смотрѣли за ихъ поведеніемъ и отвращеніемъ праздности, пьянства, всякаго соблазна и разврата (2960), печется объ искорененіи пьянства (2966), нищенства (2971), наблюдаетъ, „чтобы земляные участки крестьянъ не оставались въ запустѣніи, но тщательно обрабатывались и чтобы сельскія работы производились благовременно“, а также, чтобы самыя неудобныя земли постепенно были расчищены и удобрены (3074). Наконецъ, онъ является непремѣннымъ попечителемъ всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ опеки и недостигшихъ совершеннолѣтія.

Слѣдующей инстанціей служитъ волостное правленіе, состоящее изъ головы и двухъ засѣдателей, одного по хозяйственной, другого по полицейской части [1]). При правленіи состоитъ писарь, помощники его, число которыхъ опредѣляется министерствомъ, и кандидаты въ сельскіе писаря изъ крестьянскихъ дѣтей, окончившихъ училище и подготовившихся къ дѣлопроизводству въ канцеляріи Окружного начальника—что составляетъ цѣлую канцелярію. Правленіе дѣйствуетъ коллегіально, голова является только старшимъ членомъ, имѣющимъ главный надзоръ за дѣлами: онъ заботится объ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на правленіе, предлагаетъ ему о нужныхъ распоряженіяхъ

[1]) Въ 1845 году Министерству предоставлено назначать въ волостныя нравленія по одному засѣдателю и опредѣлять другого лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это по особому положенію дѣла окажется необходимымъ

и печется о приведеніи ихъ въ исполненіе. Впрочемъ, едвали коллегіальность дѣйствительно соблюдалась: голова былъ слишкомъ высоко поставленъ, являясь начальникомъ волости, которому и засѣдатели обязаны были оказывать „должное почтеніе и повиновеніе, выслушивать и принимать съ уваженіемъ всѣего законныя приказанія и немедленно оныя исполнять“ (4695), наравнѣ съ сельскими начальниками.

Что касается до послѣднихъ, то власть правленія надъ ними была весьма велика: оно надзираетъ за исполненіемъ ихъ обязанностей, разсматриваетъ правильность ихъ распоряженій и дѣйствій, производитъ осмотръ и повѣрку разныхъ частей сельскаго управленія, обращаетъ каждаго въ кругъ его обязанностей, исправляетъ упущенія и неустройства, дѣлаетъ съ нихъ взысканія или представляетъ объ этомъ окружному начальству, прекращаетъ и преслѣдуетъ злоупотребленія, побуждаетъ и напоминаетъ объ исправнѣйшемъ отправленіи должностей. Волостной голова взыскиваетъ строго исполненіе сельскимъ начальствомъ ихъ обязанностей и должностей, распоряжается чрезъ нихъ и, въ крайнемъ случаѣ, дѣлаетъ самоличныя распоряженія. Во время личнаго осмотра голова дѣлаетъ ревизію всѣмъ предметамъ сельскаго устройства и управленія, исправляетъ упущенія, даетъ нужныя наставленія, прекращаетъ притѣсненія и злоупотребленія.

Руководя подвѣдомственными мѣстами и лицами, само правленіе подчиняется высшему начальству: по всѣмъ предметамъ вѣдомства управленія, какъ государственными крестьянами, такъ и казенными пустопорожними землями и казенными оброчными статьями оно является исполнителемъ предначертаній окружныхъ начальниковъ, руководимыхъ Палатой, чтобы самому въ свою очередь воздѣйствовать въ желательномъ направленіи на сельское управленіе—эту исполнительную, рабочую часть всего механизма. Оно подчиняется окружному начальству „получаетъ отъ него предписанія и представляетъ ему рапорты“ (4375), само же „посылаетъ приказы сельскимъ старшинамъ ему подчиненнымъ“ (4378).

Такъ какъ Волостное правленіе стоитъ еще ближе къ населенію, то его попечительныя обязанности еще болѣе детальпрованы. Волостному головѣ принадлежатъ въ особенности „дѣла по попечительству надъ государственными крестьянами, какъ то совѣты, внушенія и поощренія къ трудолюбивой и честной жизни, къ лучшему устройству хозяйства, принятіе законныхъ мѣръ въ отношеніи нерадивыхъ, лѣнивыхъ и распутныхъ, ходатайство объ оказаніи пособій крестьянамъ, потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, защита ихъ отъ притѣсненій и незаконныхъ поборовъ, всемѣрное содѣйствіе общественнымъ и частнымъ пользамъ крестьянъ и представленіе чрезъ Волостное Правленіе Окружному начальнику замѣчаній, клонящихся къ улучшенію крестьянскаго быта, и объ отвращеніи всякихъ отъ крестьянъ стѣсненій“ (4645). По крайней мѣрѣ 2 раза въ годъ Голова лично осматрѣваетъ подвѣдомственную ему волость. „При чемъ онъ обозрѣваетъ положеніе и хозяйство крестьянъ и всѣ части сельскаго управленія, разсматриваетъ и удостовѣряется, въ томъ ли все сіе видѣ, въ какомъ по закону быть оному слѣдуетъ; выслушиваетъ жалобы и просьбы крестьянъ, дѣлая по онымъ, въ случаѣ ихъ справедливости, законное удовлетвореніе“ (4646). Волостное правленіе ограждаетъ и защищаетъ крестьянъ отъ притѣсненій со стороны сельскаго начальства, терпѣливо и съ особой внимательностью выслушиваетъ всѣ жалобы, охраняетъ отъ проволочекъ по дѣламъ, разбираемыхъ въ Расправахъ, дѣлая побужденіе къ скорѣйшему окончанію этихъ дѣлъ (4630). Оно наблюдаетъ, чтобы подвѣдомственные ему крестьяне не оставляли земель и пахатныхъ полосъ въ запустѣніи, но обрабатывали ихъ прилежно, удобряли и засѣвали въ удобное по климату время, по созрѣніи хлѣба, немедленно оный снимали бы и убирали съ полей, равнымъ образомъ скашивали бы траву съ луговъ, не пропуская удобнаго къ тому времени“ (4545). „Во избѣжаніе напрасной потери грунта Волостное правленіе надзираетъ, чтобы полосы на земляхъ сельскаго общества были отбиты сколь можно въ прямомъ и параллельномъ другъ къ другу направленіи“ (4546). Оно „поощряетъ крестьянъ къ производству земледѣлія по совершеннѣйшимъ способамъ,

преподаннымъ отъ высшаго начальства и введеннымъ въ образцовыхъ хуторахъ, къ учрежденію садовъ, огородовъ и къ размноженію скота улучшенныхъ породъ" (4548). „Для умноженія средствъ къ содержанію скота и полученія чрезъ то въ большемъ количествѣ удобренія для полей, Волостное правленіе печется о введеніи и распространеніи травосѣянія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ луговъ мало" (4549). Оно „собираетъ свѣдѣнія о промыслахъ, производимыхъ въ волостяхъ, оказываетъ онымъ покровительство и поощряетъ крестьянъ къ ихъ распространенію и улучшенію" (4552). Оно „прилагаетъ всемѣрное попеченіе о водвореніи добрыхъ нравовъ въ государственныхъ крестьянахъ, стараясь достигнуть его содѣйствіемъ приходскаго духовенства въ мѣрахъ его для направленія крестьянъ къ благочестивой, безпорочной и трудолюбивой жизни, собственными напоминаніями, совѣтами, увѣщаніями и наставленіями, при открывающихся къ тому случаяхъ, принятіемъ мѣръ предупрежденія противъ пороковъ, въ особенности противъ лѣности, пьянства, распутнаго поведенія и, наконецъ, законнымъ оныхъ преслѣдованіемъ" (4437).

Помимо этого, правленіе, конечно, наблюдаетъ, чтобы крестьяне „оказывали должное повиновеніе и послушаніе установленнымъ властямъ" (4429).

Размѣры волости были довольно велики. Она состояла изъ смежныхъ сельскихъ обществъ съ населеніемъ не больше 6 тыс. душъ; для удобства сношеній этихъ обществъ съ волостнымъ правленіемъ, разстояніе ихъ отъ правленія не должно было превышать 2 дней пути или сорока верстъ. Эти сельскія общества [1]) съ своими сельскими управленіями и составляли четвертую и послѣднюю инстанцію управленія крестьянами. Во главѣ сельской администраціи стоитъ сельскій старшина, по отдѣльнымъ селеніямъ размѣщаются сельскіе старосты, числомъ отъ 1 до 3, причемъ Министру предоставлено право ограничивать ихъ

[1]) Разстояніе между отдѣльными селеніями, входящими въ составъ, не должно было превышать 15 в., а число населенія—1500 д. м. п.

число, по возможности соединяя ихъ должности съ должностями старшины; далѣе идетъ сборщикъ податей, которому въ случаѣ населенности общества назначаются помощникъ, и смотритель запаснаго хлѣбнаго магазина. Послѣднія двѣ должности также могутъ при небольшомъ составѣ общества быть объединены въ одномъ лицѣ. Письмоводство лежитъ на писарѣ, въ помощь которому могутъ быть назначены кандидаты на эту должность изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Исполнителями приказаній сельскаго начальства служатъ десятскіе, за казенными и за общественными лѣсными дачами наблюдаютъ полѣсовщики [1]). Всѣ эти начальства, находясь въ подчиненіи у волостного правленія и высшихъ властей, сами поставлены въ строгую зависимость другъ отъ друга: староста, сборщикъ, смотритель и писарь подчинены старшинѣ; десятскіе — старостѣ. Старшинѣ подаются жалобы на притѣсненія со стороны сельскаго начальства; онъ слѣдитъ за исполненіемъ ими ихъ обязанностей, заботится объ исправленіи упущеній, въ случаѣ нерадивости и пр. доводитъ до свѣдѣнія Правленія, въ случаѣ злоупотребленій принимаетъ мѣры и доноситъ Правленію; онъ дѣлаетъ личный осмотръ, принимаетъ соотвѣтствующія при этомъ мѣры и пр. Всѣ начальства за неисполненія обязанностей подвергаются взысканіямъ „Взысканія сіи опредѣляются: а) сельскимъ старостамъ, сборщикамъ податей, его помощникамъ, смотрителю магазина и сельскому писарю: замѣчанія, выговоры и временные аресты до трехъ разъ сельскимъ старшиной; выговоры въ четвертый и пятый разъ и арестъ въ четвертый Волостнымъ правленіемъ; арестъ въ пятый разъ и выговоръ въ шестой Окружнымъ начальникомъ; удаленіе отъ должности за нерадѣніе и проступки и преданіе суду за злоупотребленія, лихоимство и иныя преступленія, Палатой Государственныхъ Имуществъ. б) Сельскому старшинѣ: замѣчанія и выговоры до 3 разъ Волостнымъ правленіемъ; выговоры въ четвертый и пятый разъ Окружнымъ начальникомъ; выговоръ въ шестой разъ,

[1]) По мѣрѣ введенія постоянной лѣсной стражи эти полѣсовщики отмѣнялись.

временный арестъ, удаленіе отъ должности и преданіе уголовному суду, Палатой Государственныхъ Имуществъ" (5125). Десятскіе и полѣсовщики подвергаются исправительному наказанію по приговору Сельской Расправы и отвѣчаютъ за преступленія предъ уголовнымъ судомъ (5126).

Мы видимъ, что іерархическая подчиненность послѣдовательно проведена до самаго низа, что весь составъ „чиновниковъ и лицъ, составляющихъ волостныя и сельскія управленія" спаянъ желѣзной дисциплиной, служащей обезпеченіемъ точности передачи и исполненія даваемыхъ сверху предначертаній. Одна оффиціальная бумага очень удачно назвала волостныя правленія „проводникомъ распоряженій Окружныхъ Управленій и исполнительности сельскихъ правленій" [1]). Попечительная энергія, вырабатываемая центральной станціей въ Петербургѣ, путемъ развѣтвляющихся проводовъ, разливается по всей Россіи. Частью эта энергія разряжается на промежуточныхъ станціяхъ—въ Палатахъ, Окружныхъ Управленіяхъ и Волостныхъ Правленіяхъ, но основной зарядъ доходитъ неприкосновеннымъ до сельскихъ управленій и при ихъ посредствѣ передается по назначенію. Въ этой послѣдней инстанціи попечительство достигаетъ высшаго напряженія, оно обволакиваетъ всю жизнь крестьянина, проникаетъ въ самые интимные ея уголки. Трудно найти краски для описанія тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, которыхъ достигаетъ мелочность этой опеки—нужно заставить законодателя говорить его собственнымъ языкомъ, чтобы дать о ней истинное представленіе. Поэтому, не боясь длинноты, мы по прежнему приведемъ полностью характерныя постановленія, возлагая вину за ихъ многочисленность на составителей учрежденія 38 года.

Сельскій старшина еще не ближайшій начальникъ, поэтому обязанности его опредѣляются сравнительно общо: онъ защищаетъ отъ притѣсненій, слѣдитъ за соблюденіемъ ти-

---

[1]) Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. Донесеніе Полтавской Палаты Гос. Им. № 422.

шины и порядка и повиновеніемъ, печется о воздержаніи отъ праздности, пьянства и пороковъ, внушаетъ, согласно указаніямъ свыше, о введеніи лучшихъ способовъ земледѣлія и скотоводства и пр. Все это насъ уже не удивляетъ, такъ какъ это входило и въ обязанности высшихъ инстанцій, но посмотримъ, какія обязанности лежатъ на низшемъ и послѣднемъ органѣ попечительнаго аппарата, на сельскомъ старостѣ[1]). „Если бы сельскій староста замѣтилъ, что кто либо изъ подвѣдомственныхъ ему государственныхъ крестьянъ Православной вѣры не исполнялъ установленныхъ церковью обязанностей о ежегодной въ постѣ исповѣди и причащеніи Св. Тайнъ по удостоенію, о посвященіи воскресныхъ и праздничныхъ дней на службу Божію то напоминаетъ ему о исполненіи сего долга“ (4937). Если бы сельскій староста усмотрѣлъ, что молодые и младшіе не почитали старыхъ и старшихъ, а государственные крестьяне своихъ начальниковъ: то сдѣлавъ имъ замѣчаніе, внушаетъ имъ быть внимательнѣе на будущее время“ (4948). „Въ случаѣ неповиновенія работниковъ изъ званія государственныхъ крестьянъ своимъ хозяевамъ и принесенной на сихъ послѣднихъ жалобы, сельскій староста приводитъ работниковъ въ должное послушаніе“... (4949). Если бы сельскій староста замѣтилъ или ему принесена была отъ родителей жалоба, что дѣти не оказываютъ имъ достодолжнаго почтенія и повиновенія, не доставляютъ имъ въ старости пищи, одежды, жилища и успокоенія, а въ немощахъ и болѣзняхъ вспоможенія“, то староста увѣщеваетъ и побуждаетъ ихъ своей властью (4951). Слѣдующая статья оговариваетъ, что „сельскій староста, внушая государственнымъ крестьянамъ о сохраненіи тишины и добрыхъ нравовъ въ семейномъ быту, не долженъ, однакоже, вмѣшиваться въ домашнія семейныя несогласія“... „Сельскій староста долженъ внушать подвѣдомственнымъ ему государственнымъ крестьянамъ о всемъ, что до добронравія ихъ относится, вразумлять ихъ о томъ и поучать“, „благоразум-

[1]) Мы не перечисляемъ его обязанностей по всевозможнымъ отраслямъ полиціи безопасности и благоустройства.

нымъ внушеніемъ стараться отвращать отъ праздности и неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ и поселять между ними склонность къ трудолюбію и воздержанію", наблюдать, чтобы „государственные крестьяне обходились съ сосѣдями мирно, а съ проѣзжающими вѣжливо", не допускать „игръ на деньги, вещи или закладъ" (4957.4959.4962.4978). Во всѣхъ этихъ случаяхъ староста дѣйствуетъ собственной властью, если же это остается безуспѣшно, то отсылаетъ виновныхъ въ Сельскую Расправу для наложенія исправительнаго наказанія. Безъ помощи расправы староста опекаетъ крестьянъ въ ихъ земледѣльческихъ работахъ: онъ „смотритъ, чтобы государственные крестьяне не оставляли безъ употребленія пахотныхъ своихъ земель, но обрабатывали ихъ тщательно и засѣвали сообразно климату и свойству почвы и вообще вразумлять ихъ во всемъ, что до пользы ихъ земледѣлія принадлежитъ"; „наставленіями и совѣтомъ содѣйствуетъ ко введенію и распространенію... лучшихъ способовъ производства земледѣлія и мѣръ для улучшенія скотоводства, которыя будутъ предложены крестьянамъ отъ высшаго начальства чрезъ волостное правленіе и сельскаго старшину"; „внушаетъ государственнымъ крестьянамъ: 1) чтобы они при засѣвѣ боронили пашенную землю сколь можно лучше, не оставляя неразбитыхъ глыбъ и очищая оную отъ камней; 2) чтобы по всходѣ хлѣба, если гдѣ окажется негодная трава, крестьяне прилежно оную выбирали, употребляя къ тому малолѣтнихъ, неспособныхъ къ другой тяжелѣйшей работѣ; 3) чтобы государственные крестьяне не продавали рабочій скотъ и орудія, необходимо нужныя для обработыванія земли, также хлѣбъ потребный для продовольствія до наступающей жатвы, а сѣно и солому для прокормленія домашняго скота до будущаго лѣта, стараясь имѣть лошадей и другой скотъ, потребный для земледѣлія и домашняго употребленія въ хорошемъ состояніи, а равнымъ образомъ въ готовности нужные къ полевой работѣ снаряды, какъ то: исправные плуги, сохи, бороны, телѣги и т. п., и въ наличности запасныя сѣмена всему, что въ поляхъ и огородахъ своихъ засѣваютъ; 4) чтобы молотили хлѣбъ въ хоро-

шую погоду, а для сбиранія онаго устраивали удобныя помѣщенія“ [1]).

Да проститъ мнѣ серьезный читатель, но невольно вспоминается Салтыковъ и его Исторія одного города. „Есть законы мудрые, пишетъ Беневоленскій, которые хотя человѣческое счастіе устрояютъ, но по обстоятельствомъ не всегда бываютъ полезны; есть законы немудрые, которые, ничьего счастья не устрояя, по обстоятельствамъ бываютъ, однакоже, благопріятны; и есть наконецъ законы средніе, не очень мудрые, но невесьма немудрые, такіе, которые, не будучи ни полезными, ни безполезными, бываютъ, однакоже, благопотребны въ смыслѣ наилучшаго человѣческой жизни наполненія.. Средніе законы имѣютъ то удобство, что всякій, читая ихъ, говоритъ: какая глупость! а между тѣмъ всякій же неудержимо стремится исполнять ихъ. Ежели бы напримѣръ издать такой законъ: „всякій да ястъ“, то это будетъ именно образецъ этихъ среднихъ законовъ, къ выполненію которыхъ каждый устремляется безъ малѣйшихъ мѣръ побужденія“... Строки эти имѣютъ ввиду Сперанскаго, но, конечно, съ несравненно большимъ правомъ ихъ можно отнести къ Киселеву. Мы уже достаточно привели выдержекъ, а то можно было бы еще изложить сельскій полицейскій уставъ, очень близкій по содержанію къ вышеизложенному. Вотъ какъ говоритъ о немъ 25-лѣтній отчетъ завѣдыванія государственными иму-

---

[1]) Такая опека представлялась еще нѣкоторымъ недостаточной. Одинъ чиновникъ, спеціально командированный тотчасъ по введенію въ дѣйствіе новаго управленія для ревизіи, утверждалъ, что въ публикѣ высказывается мнѣніе о необходимости введенія въ каждомъ (и малолюдномъ) селеніи старостъ, которыя „должны слѣдить жизнь каждаго домохозяина въ отношеніи всѣхъ его обязанностей къ начальству, обществу и къ его семейству“. Можно замѣтить, что Киселевъ остался недоволенъ отчетомъ и положилъ резолюцію, что .. проѣздить 5 тыс. верстъ, чтобы привезти то, что для всѣхъ извѣстно, не имѣетъ цѣли“. Дѣло по доносамъ на злоупотребленія по новому управленію гос им. въ губерніяхъ и о назначеніи слѣдствій по этимъ доносамъ (секретная переписка) № 336.

ществами (1825—1850) [1]). „Первымъ предметомъ попеченія новаго управленія было нравственное улучшеніе поселянъ, ибо нравственность ведетъ къ улучшенію матеріальному... служитъ залогомъ народнаго довольствія и общественнаго спокойствія. Изданный въ сихъ видахъ для руководства крестьянъ сельскій полицейскій уставъ долженствовалъ служить для нихъ катехизисомъ правилъ, съ которыми они обязывались сообразовать свои дѣйствія и отношенія къ властямъ и къ ближнимъ". Для того, чтобы эти заповѣди запоминались, Киселевъ сдѣлалъ распоряженіе о чтеніи этого устава въ крестьянскихъ училищахъ и многія статьи его приказывалъ вводить въ текстъ прописей [2])! Мы оставимъ этотъ уставъ въ сторонѣ [3]), но укажемъ еще только на одни правила, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ Щедринскимъ уставомъ о добропорядочномъ пироговъ печеніи или уставомъ о свойственномъ градоправителю добросердечіи. Мы имѣемъ въ виду „наказъ волостнымъ и сельскимъ начальствамъ и всѣмъ государственнымъ крестьянамъ о предупрежденіи и прекращеніи пожаровъ въ селеньяхъ", изъ котораго мы приведемъ первыя двѣ статьи (изъ 55):

§ I. Въ селеніяхъ пожары большей частью происходятъ: 1) отъ недосмотра за лучиной. когда она горитъ въ избѣ; отъ ходьбы съ лучиной по двору, по клѣтямъ и сараямъ; 2) отъ сушки въ избахъ поскони, пеньки или льна на пряжу; 3) отъ неумѣренной сушки овиновъ; 4) отъ разведенія

---

[1]) Дѣло по всеподданнѣйшему представленію графомъ Киселевымъ отчета о госуд. имуществахъ за 25 лѣтъ (20 ноября 1825 г. по 20 ноября 1850 г.), № 452. Отчетъ этотъ напечатанъ въ 98 т. Сб. Р. И. О.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій. Op. Cit IV, стр. 169.

[3]) Приведемъ только одну статью (78): не употреблять въ пищу плодовъ недозрѣлыхъ, хлѣба недопеченаго, мяса и рыбы протухлыхъ, мертвечины, и вообще припасовъ несвѣжихъ и потому для здоровья вредныхъ. Немногимъ отличается она отъ Щедринскаго устава о добропорядочномъ пироговъ печеніи. 2. начинку всякій да употребитъ по состоянію Тако: поймавъ въ рѣкѣ рыбу—класть; изрубивъ намелко скотское мясо—класть же; изрубивъ капусту—то же класть Люди неимущіе да кладутъ требуху. Примѣчаніе. Дѣлать пироги изъ грязи, глины и строительныхъ матеріаловъ навсегда возбраняется.

близъ жилыхъ мѣстъ огня для варенія браги, щелока или для пережиганія гречишной соломы въ золу для щелока; 5) отъ выноски изъ печи пепла съ огнемъ на избеной потолокъ; 6) отъ нечистоты дымовыхъ трубъ, неисправности печей; 7) отъ неосторожнаго куренія табаку; 8) отъ неосторожнаго нагрѣванія самоваровъ; 9) отъ употребленія огня для досмотра пчелъ, когда пчельники находятся внутри селенія, 10) отъ оставленія дома лѣтомъ однихъ дѣтей безъ надзора; 11) отъ переноски углей въ незакрытыхъ горшкахъ изъ одного двора въ другой. § 2. Для избѣжанія опасностей отъ лучины, лучше всего надобно стараться употреблять для освѣщенія масло, сало, жиръ или свѣчи; но тамъ, гдѣ еще освѣщаются лучиной, надобно наблюдать слѣдующее: 1) у свѣтца ставить на полу шайку съ водою, чтобы уголь отъ лучины падалъ на нее и не попадалъ бы въ подполицу; 2) съ зажженной лучиной отнюдь не ходить по двору, на чердаки, въ конюшни, въ сараи, въ сѣнники, въ кладовыя, въ погреба или домашнія строенія. Для этого непремѣнно каждый домохозяинъ долженъ имѣть жестяной или стеклянный фонарь". Добавимъ еще, что за нарушеніе всѣхъ правилъ этого наказа виновные подвергаются наказанію по приговору сельской Расправы [1]). Этимъ и отличаются Киселевскіе законы отъ Щедринскихъ, что, хотя и исполняются иногда какъ они „неудержимо", но вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ постоянную возможность начальству такъ же „неудержимо" вмѣшиваться въ самыя интимныя стороны жизни, превращая все управленіе государственныхъ свободныхъ [2]) крестьянъ въ одно сплошное военное поселеніе [3]). Мы здѣсь не входимъ въ разсмотрѣніе того, улучшилось ли попеченіемъ Киселева

---

[1]) См. Сборникъ постановленій для руководства Вол. и Сельск. Управл. Спб. 1853 г. Приложеніе № 8. Наказъ этотъ былъ также изданъ отдѣльно. Мы имѣли второе изданіе, дополненное. Спб. 1854.

[2]) Киселевъ считалъ ихъ свободными, мечтая о жалованной грамотѣ, подтверждающей ихъ вольности.

[3]) О военныхъ поселеніяхъ см приложенія къ V т. Исторіи Александра I Богдановича Спб. 871, особенно стр. 73—75 и Шильдеръ. Ист. Алекс. I, т. IV, гл. 2-ая.

матеріальное положеніе крестьянъ или нѣтъ—это насъ не интересуетъ, хотя мы должны отмѣтить, что нѣкоторыя его мѣропріятія оказали несомнѣнную и большуюпользу и огульно нельзя давать отрицательную оцѣнку всей его дѣятельности. Но общій тонъ попечительнаго управленія былъ таковъ, что мы вполнѣ поймемъ ужасный смыслъ юмористическаго замѣчанія одного губернатора, что помѣщики хотятъ ставить монументъ Киселеву, который такъ стѣснилъ положеніе казенныхъ крестьянъ, что помѣщичьи предпочитаютъ свое и какъ огня боятся обращенія ихъ въ государственные [1]).

Однако, справедливость заставляетъ замѣтить, что взгляды Киселева не являлись чѣмъ-то исключительнымъ, они раздѣлялись и другими. Мы отмѣтили уже, что попечительство въ самыхъ рельефныхъ формахъ было извѣстно нашему законодательству, и отослали читателя къ 12 т. Св. Зак. Что эти взгляды, завѣщанные XVIII вѣкомъ, раздѣлялись нашей высшей администраціей, прекрасно доказываютъ проекты и опыты ген.-ад. Балашева, извлеченные изъ бумагъ Комитета 6 декабря [2]). Балашевъ считалъ, что „для благосостоянія народа, въ невѣжествѣ еще находящагося, ничто полезнѣе быть въ управленіи не можетъ, какъ власть патріархальная или отеческая, благотворная, но полная“ и поэтому хотѣлъ соединить „безпрерывной цѣпью полицейскаго управленія“ хозяина послѣдняго крестьянскаго двора съ чертогами императорскими и самимъ кабинетомъ государевымъ. „Первоначальнымъ элементомъ“ этой цѣпи были хозяева домовъ сельскихъ, въ которую затѣмъ входили и головы, и помѣщики—эти

[1]) Забл.-Дек. Op cit. II. 155—6.

[2]) Сравни собственноручныя замѣчанія Имп Александра I о дорогахъ, деревняхъ и пр., составленныя имъ, по его выраженію, „по собственному опыту“. Варадиновъ. Ист. мин. внутреннихъ дѣлъ, ч. II, кн. 2-ая, стр 344 сл а также. Сб. мат. извл. изъ арх. С Е. И В. Канц. в. IV, стр. 309; в. V, стр. 222. в. VI, стр. 192, 194, 195 и П. С. З. № 27180. Вспомнимъ еще о военныхъ поселеніяхъ. См. еще Шильдеръ. Op. cit., т. IV, прим. 31. Краткія правила „для матерей-крестьянокъ грузинской отчины“ Аракчеева.

„природные полиціймейстеры своихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ“, земская полиція и т. д. Сотскіе, десятскіе и хозяева дворовъ получали подробныя наставленія, близкія къ инструкціи 1774 г., дѣйствовавшей и во времена Балашева, но еще превосходящія ее своимъ попечительнымъ формализмомъ [1]). Что касается до современниковъ, мы укажемъ здѣсь на два проекта устройства крестьянъ, одинъ, принадлежащій представителю дворянства, другой вліятельному казенному крестьянину. Первый касается крестьянъ помѣщичьихъ. Авторъ его, нѣкто Владимірскій, считаетъ причиной ихъ печальнаго положенія недостатокъ надзора. Вопросъ только, гдѣ найти контингентъ смотрителей. „Избранники“ не годятся, такъ какъ они „по чувству какого-то братства“ всегда готовы прикрыть безпорядки своихъ вотчинниковъ. Поэтому Владимірскій предлагаетъ брать смотрителей изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, которые и должны смотрѣть за хозяйствомъ крестьянъ. Попечительныя обязанности ихъ очень обширны и включаютъ, между прочимъ, ежедневный [2]) надзоръ за хозяйственнымъ употребленіемъ времени „вообще“, какъ у мужского, такъ и у женскаго пола. Статья Владимірскаго была помѣщена въ Журналѣ Мин. Госуд. Им. [3]), редакція котораго осталась ею очень довольна, благодарила автора и высказала пожеланіе, чтобы и другіе помѣщики ввели точный надзоръ за своими крестьянами и изложили бы свои мысли и опыты.

Еще болѣе любопытенъ другой проектъ, принадлежащій крестьянину Буггрову, его замѣчанія о домостроительствѣ казенныхъ поселянъ, представленныя Киселеву въ эпоху созданія новаго положенія. Замѣчанія эти проникнуты недовѣріемъ къ самостоятельности поселянъ и нѣжной любовью къ отеческому попеченію начальства. Все возложено на начальство, оно даже раскрываетъ въ каждомъ селеніи качества людей и раздѣляетъ ихъ на сорта: 1) по разуму; 2) по

[1]) См. Матеріалы, собранные для Комиссіи о преобразованіи губерпск и уѣздн учрежд. Отд Администр. ч I. Спб. 1870.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Т. VI, стр. 65—74.

принадлежности къ домостроительству; 3) по поведенію; причемъ послѣдній „сортъ“ дѣлитъ на слѣдующіе разряды: 1) на людей трезвыхъ, 2) цѣломудренныхъ, 3) незлобивыхъ и 4) на слабыхъ и порочныхъ.. Интересующихся этимъ любопытнымъ документомъ мы отсылаемъ къ первому (къ сожалѣнію и послѣднему) выпуску матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Гос. Имуществъ [1]), здѣсь же приведемъ еще одну статью, могущую служить достаточной характеристикой всего проекта. „Лучшее упражненіе, къ забавѣ молодыхъ людей служащее,—въ праздничные дни быть въ храмѣ при Божьей службѣ, а послѣ отдыха—вмѣсто кулачнаго боя, собираться въ линіи, ходить регулярно нога въ ногу, на манеръ военныхъ служителей, пріучаться въ сихъ оборотахъ къ повиновенію умнѣйшимъ и старѣйшимъ, вести разговоры, какъ лучше устроить домы, домашнія рабочія орудія, машины, рукодѣлія и скотоводство“.

Глава IV.

Въ предыдущей главѣ мы разсматривали Киселевское управленіе крестьянами, какъ нѣчто единое и цѣлое, ни словомъ не обмолвясь о нѣкоторыхъ различіяхъ, которыми характеризуются отдѣльныя его части—и тѣмъ не менѣе нисколько не погрѣшили предъ истиной. Духъ бюрократическаго подчиненія исполнительности настолько проникаетъ его, пропитываетъ, такъ сказать, durch und durch, что сводитъ на нѣтъ нѣкоторыя особенности, которыя при другихъ условіяхъ должны были бы наложить печать на все положеніе и придать ему совершенно другой характеръ. Такихъ особенностей двѣ. Первая—это двусословность положенія 1838 г., отмѣченная еще Семеновымъ, членомъ редакціонныхъ комиссій и административнаго отдѣленія [2]) Она на-

[1]) Спб. 1891

[2]) Первоначальная редакція 4 доклада административнаго отдѣленія. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II. т I. 304—5.

шла выраженіе даже въ терминологіи положенія: представители высшаго сословія назывались чиновниками и замѣщали губернскія и окружныя должности, остальные—лицами волостного и сельскаго управленія. На положеніи послѣднихъ безусловно очень отражалась ихъ принадлежность къ податному сословію, но все же сословныя отношенія оттѣснялись на задній планъ принципами начальства и подчиненія. Вторая особенность по существу гораздо важнѣе—это выборность почти всѣхъ „должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленій“ Дѣйствительно, какого страшнаго напряженія должно достигнуть внутреннее бюрократическое сцѣпленіе, чтобы совершенно парализовать выборное начало, проведенное—формально—довольно послѣдовательно въ учрежденіи 38 г. Мы сознательно нѣсколько слишкомъ подробно описывали это внутреннее сцѣпленіе, чтобы сдѣлать яснымъ то совершенно невѣроятное положеніе, которое создалось реформой Киселева. Онъ ввелъ въ принципъ то, что фактически создалось непродуманной фискальной политикой правительства, онъ основалъ бюрократическое попечительное управленіе на выборномъ началѣ! Спору нѣтъ, Киселевъ констатировалъ только то, что уже существовало, но такой принципіальной рѣшительности никто до него не проявлялъ. Правительство все-таки пыталось стоять на той точкѣ зрѣнія, что оно возлагаетъ обязанность на мѣстныя силы, что оно имѣетъ дѣло съ извѣстными организаціями, хотя бы существующими лишь въ его воображеніи—вспомнимъ пресловутое волостное общество. Киселевъ идетъ дальше,—если, относительно сельскихъ обществъ, онъ продолжаетъ „творческую“ дѣятельность правительства, образуя новыя организаціи согласно административнымъ удобствамъ, то съ волостью онъ поступаетъ проще: никакого волостного общества онъ не знаетъ, а только волостное правленіе и волостной сходъ, который собирается исключительно для выборовъ этого правленія. Такимъ образомъ, принципіально вопросъ стоитъ такъ: обязанность крестьянскихъ общественныхъ организацій (хотя бы существующихъ на бумагѣ) служить помощниками центральной власти пере-

ходитъ въ право и обязанность крестьянъ выбирать себѣ начальниковъ и поставлять низшихъ органовъ мѣстнаго управленія. На самомъ дѣлѣ такъ было и раньше, но мы придаемъ большое значеніе осознанію фактическихъ отношеній; съ точки зрѣнія современности положеніе 38 г только и имѣетъ значеніе, какъ актъ такого осознанія, пустившій въ оборотъ мысли, преемственно передаваемыя (чрезъ редакціонныя комиссіи) вплоть до настоящаго времени

Мы видѣли, что столкновенія въ дореформенномъ періодѣ бюрократическаго и выборнаго начала привели къ полному униженію послѣдняго. Попытка Киселева примирить эти два начала привела, конечно, къ тому же результату: логику можно нарушать только на бумагѣ. Впрочемъ, познакомившись съ соотвѣтствующими постановленіями положенія 1838 г., мы увидимъ, что и на бумагѣ выборный способъ замѣщенія должностей предоставлялъ начальству совершенно достаточно средствъ для подбора желательнаго контингента [1]).

Сельскія должностныя лица выбираются на сельскомъ сходѣ, волостныя—на волостномъ, подъ наблюденіемъ старшинъ и головъ по принадлежности, причемъ сами они участія въ выборахъ не принимаютъ. Выборы происходятъ слѣдующимъ образомъ: каждые 10 выборныхъ, по порядку, назначаютъ двухъ кандидатовъ единогласно или по большинству голосовъ (въ случаѣ равенства голосовъ рѣшаетъ жребій); кандидаты эти баллотируются во всѣ должности, причемъ на каждую должность по крайней мѣрѣ должны быть избраны 3 кандидата, изъ которыхъ начальство назначаетъ достойнѣйшаго. Избранные должны быть не моложе 25 лѣтъ отъ роду, хорошаго поведенія, не бездомовные, рачительные по хозяйству. Кромѣ того запрещается избирать „тѣлесно наказанныхъ или по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ, также подвергшихся въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ тѣлесному наказанію, или въ продолженіе года, предшествовавшаго выборамъ, содержанію подъ стражей, или обществен-

[1]) Смотри уставъ о выборахъ

нымъ работамъ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, по приговорамъ сельской расправы". Уклониться отъ выборовъ никто не можетъ иначе какъ по законнымъ причинамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію волостного схода. Причины эти слѣдующія: 1) если кто прослужилъ уже 3 трехлѣтія, 2) если кромѣ него нѣтъ въ семьѣ взрослаго работника, 3) если имѣетъ отъ роду болѣе 60 лѣтъ и 4) если подвергнутъ сильнымъ тѣлеснымъ недугамъ. Хотя начальство наблюдаетъ за порядкомъ выборовъ, но вмѣшиваться въ нихъ ему запрещено — Впрочемъ, зачѣмъ было начальству и вмѣшиваться, когда по закону оно, въ случаѣ административной негодности всѣхъ трехъ кандидатовъ, могло не утвердить ихъ, какъ „нерачительныхъ по хозяйству" или тотчасъ же отрѣшить отъ должности за упущеніе по службѣ? За внѣшней же стороной Министерство очень слѣдило: напримѣръ, по даннымъ одного ревизора выяснилось, что при баллотировкѣ сельскихъ должностныхъ лицъ тайна голосовъ не осуществлялась вслѣдствіе скверная состоянія ящиковъ! Тотчасъ же послѣдовало распоряженіе Совѣта Министра, чтобы ящики были непремѣнно обиты матеріей, чтобы шары клали, закрывая руки сукномъ и пр. [1]).

Однако, какъ ни было велико вліяніе начальства на замѣщеніе должностей при соблюденіи выборнаго начала, относительно главныхъ элементовъ волостного и сельскаго управленія его показалось мало. Такъ, Волостной голова по закону остается въ своей должности и по прошествіи трехлѣтія, на которое онъ избранъ „на неопредѣленное время, пока самъ не будетъ просить увольненія или пока начальство, по жалобамъ крестьянъ, по неспособности Головы или по другимъ уважительнымъ причинамъ, не признаетъ нужнымъ избрать на его мѣсто другого" (4314).

Это дополненіе къ выборному началу очень понравилось чиновникамъ М-ва и въ 1849 году управляющій Таврической Палатой сталъ просить, нельзя ли распространить его и на сельскихъ старшинъ, такъ какъ поселяне ему подвѣдом-

[1]) Цирк. 23 апр. 1857.

ственные (татары) „бывъ чужды всякому вновь введенному порядку, если замѣтятъ въ старшинѣ строгость и преданность правительству, то при новыхъ выборахъ замѣщаютъ ихъ новыми крестьянами, не всегда способными и нравственными“ [1]).

Надо отдать справедливость V-му отдѣленію, оно на запросъ сначала отвѣтило недоумѣніемъ и попросило разъясненій, на повторный же запросъ разъяснило, „что какъ мѣра сія была бы противна общимъ законамъ о правахъ свободнаго состоянія на выборъ должностныхъ лицъ, то она по сему уваженію допущена быть не можетъ“ [2]). Впрочемъ этотъ правильный взглядъ прекрасно уживался съ однимъ постановленіемъ, предоставлявшимъ Министру право назначать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ востребоваться болѣе дѣятельный и строгій надзоръ, въ головы и старшины благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей или вахмистровъ, въ случаѣ же ихъ недостатка и чиновниковъ, которые и остаются въ указанныхъ должностяхъ доколѣ надобность того потребуетъ [3]).

Всѣ эти поправки вполнѣ понятны. Какъ бы ни было велико вліяніе начальства на выборы, оно, не дѣлая злоупотребленій, можетъ кого угодно не допустить къ отправленію должности, но назначить того, кого оно хочетъ, ему уже труднѣе. Этимъ же объясняется та особенность положенія 1838 г., что она при опредѣленіи писарей совершенно исключаетъ выборное начало. Писарь — центральная фигура крестьянскаго управленія, и при его назначеніи начальство не могло допустить никакихъ вліяній, кромѣ своего собственнаго. Такъ какъ эта фигура играя такую роль въ крестьянской жизни,

---

[1]) То же констатируетъ и Орловскій управляющій, говоря, что опытъ 9 лѣтъ показалъ, что чѣмъ дѣльнѣй и исправнѣй по управленію старшины, тѣмъ рѣже избираютъ ихъ вновь Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. № 422. Донесеніе Орловской Палаты.

[2]) Дѣло относительно предоставленія сельскимъ старшинамъ права оставаться въ занимаемыхъ ими должностяхъ послѣ сроковъ, на которые они выбраны. № 440.

[3]) Уст о Сл. по выб., ст. 516, пр. 2.

всегда остается, такъ сказать, внѣ закона, то мы остановимся на ней нѣсколько дольше [1]).

Мы видѣли, какое значеніе имѣлъ писарь въ дореформенное время: онъ былъ центромъ всего управленія, имъ оно держалось. Этотъ третій элементъ крестьянскаго самоуправленія прекрасно развивался на почвѣ крестьянской темноты и беззащитности, служа новымъ и неизсякаемымъ источникомъ всевозможныхъ незаконныхъ поборовъ и злоупотребленій. Авторы учрежденія 38-го года прекрасно понимали, что и при новомъ устройствѣ центральной фигурой явится писарь, какъ единственный грамотный представитель сельской администраціи. Комитетъ губернаторовъ, на заключеніе котораго былъ переданъ проектъ учрежденія, относительно волостныхъ писарей заявилъ слѣдующее: „при настоящей степени образованія, безграмотности и невѣжествѣ крестьянъ (кромѣ малыхъ исключеній), изъ коихъ избираются головы и засѣдатели, и коллегіальномъ порядкѣ, который предполагается ввести въ волостномъ правленіи, писарь необходимо сдѣлается единственнымъ распорядителемъ и начальникомъ всей волости и правленіе орудіемъ его злоупотребленій“ [2]). Не меньшее значеніе придавалось писарямъ по отношенію къ вновь учреждаемому крестьянскому суду — сельской и волостной расправамъ. Въ мнѣніи госуд. сов. отъ 24 марта 1839 г. приведеніе въ дѣйствіе судебнаго устава прямо ставится въ зависимость отъ опредѣленія способныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей; въ 1841 г. черниговскій управляющій палатой гос. имущ. заслужилъ благодарность за удачную дѣятельность по учрежденію и направленію сельскихъ расправъ, при чемъ опять указывается, что задержка происходитъ только отъ недостатка писарей.

---

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ источники не указаны, данныя взяты изъ циркуляровъ министерства, большинство которыхъ перепечатано въ Сборникѣ постановленій для руководства сельск и вол. упр. Прим. I. Спб. 1853.

[2]) Дѣло о составленіи проектовъ по преобразованію управленія государственныхъ имуществъ, т. III, № 330.

Поэтому одной изъ важныхъ заботъ авторовъ учрежденій 38 года являлось какъ замѣщеніе этой должности подготовленными лицами, такъ и полное завладѣніе ею. Этими двумя задачами и опредѣляется политика Киселева и его сподвижниковъ по этому вопросу. Для того, чтобы получить эту должность въ свое полное распоряженіе, и было сдѣлано исключеніе изъ выборнаго начала, при чемъ для того, чтобы сохранить нѣкоторую связь съ населеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить кадръ писцовъ безъ всякихъ затратъ со стороны правительства, была установлена своеобразная натуральная повинность — поставка писцовъ населеніемъ, которая, кстати сказать, прекрасно символизируетъ все учрежденіе Киселева.

Разсмотримъ подробнѣе эту любопытную страницу. Какъ мы сказали, писаря не выбираются крестьянами [1]); они назначаются окружными начальниками, съ утвержденія Палатъ, изъ государственныхъ крестьянъ, отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, гражданскихъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей (изъ послѣднихъ двухъ категорій назначаются только волостные писаря) [2]). Но замѣщеніе писарскихъ мѣстъ вольнонаемными производится только временно, впредь до подготовленія писарей изъ мальчиковъ государственныхъ крестьянъ, спеціально для этой должности предназначенныхъ. Мірской сходъ по своему приговору назначаетъ одного или двухъ мальчиковъ, изъ обучающихся въ приходской школѣ, и опредѣляетъ сумму, какую надлежитъ тратить ежегодно на ихъ содержаніе во время занятій дѣлопроизводствомъ (послѣ окончанія училища). За постановленіемъ этихъ приговоровъ слѣдятъ Волостныя Правленія, подъ руководствомъ Окружныхъ Начальниковъ, дѣйствующихъ въ свою очередь согласно указаніямъ Палатъ, принимая для этого „надлежа-

[1]) Относительно сельскихъ писарей выборность была отмѣнена по предложенію Комитета губернаторовъ.

[2]) Высоч. утвержд. Журн. Ком. Мин. 25 іюня 1839 г. Въ сводѣ законовъ 1842 г. противорѣчіе: ст. 2907 говоритъ, что Окружные Начальники назначаютъ сельскихъ писарей по своему усмотрѣнію, а волостныхъ съ утвержденія Палаты, а ст. 4798 говоритъ, что и сельскіе писаря утверждаются Управляющимъ Палатой.

щія мѣры“ (4402). По окончаніи мальчиками ученія „Окружной начальникъ занимаетъ ихъ дѣлопроизводствомъ при своей канцеляріи и, затѣмъ, предназначаемыхъ въ должности сельскихъ писарей, по пріобрѣтеніи ими навыка въ дѣлахъ и счетоводствѣ, отправляетъ въ волостное правленіе для пособія волостнымъ и сельскимъ писарямъ; тѣхъ же учениковъ, которые по способности предназначаются въ должности волостныхъ писарей, Окр. Нач. оставляетъ, впредь до открытія вакансій, въ Канцеляріи своей для пріобрѣтенія большей опытности въ дѣлахъ и счетоводствѣ“ (2909). Были установлены спеціальныя школы для подготовки писарей—Островская въ Московской губ., затѣмъ въ Таврической, Вятской и Воронежской, каждая на 120 человѣкъ, программа которыхъ была примѣнена къ будущему назначенію мальчиковъ, оканчивающихъ эти школы со званіемъ кандидатовъ сельскихъ и волостныхъ писарей.

Однако, не смотря на всѣ „надлежащія мѣры“, крестьянскихъ мальчиковъ—кандидатовъ въ писаря не хватало. Понадобились другія мѣры. Сначала появились циркуляры объ отдачѣ палатами въ обученіе сиротъ „во избѣжаніе недостатка въ грамотныхъ мальчикахъ, желающихъ занять писарскую должность“; затѣмъ имъ предоставляется „входить съ представленіемъ въ департаментъ о присылкѣ на практическія занятія обученныхъ грамотѣ питомцевъ воспитательныхъ домовъ“. Сироты эти помѣщались на содержаніе у благонадежныхъ крестьянъ, причемъ издержки покрывались изъ общественныхъ запасовъ продовольствія, сиротскихъ и мірскихъ капиталовъ или относились на счетъ обществъ Если они оказывались неспособными, тупоумными или съ другими недостатками, могущими препятствовать успѣхамъ въ наукахъ и потомъ отправленію писарскихъ должностей, то исключались въ первые шесть мѣсяцевъ; всѣ же издержки на такихъ неспособныхъ сиротъ падали на виновныхъ должностныхъ лицъ.

Такимъ образомъ Министерство приготовляло себѣ цѣлую армію прекрасно выдрессированныхъ и искушенныхъ въ своемъ канцелярскомъ дѣлѣ чиновниковъ, на обязанности

которыхъ лежала, по существу, вся работа крестьянскихъ управленій. По буквѣ закона писаря волостной и сельскій играютъ роль чисто пассивную. Волостной писарь подчиняется головѣ (4693) и исполняетъ требованія засѣдателей, не имѣя никакой распорядительной власти (4702); „въ особенности волостному писарю воспрещается входить своимъ лицомъ въ какія-либо распоряженія по денежнымъ съ государственныхъ крестьянъ сборамъ и прочимъ денежнымъ суммамъ волостного правленія и состоящихъ въ вѣдѣніи его сельскихъ начальствъ". Конкретность этой запретительной статьи свидѣтельствуетъ о боязни законодателя, что дореформенная практика писаря будетъ продолжаться; такой же характеръ носитъ и статья, трактующая объ отвѣтственности волостного писаря, которая устанавливается, кромѣ злоупотребленій и нерадѣнія по письмоводству и даванія справокъ, также „за превышеніе предѣловъ своихъ обязанностей, присвоеніемъ распоряженій, до него не принадлежащихъ" (4707).

Сельскій писарь также исполняетъ приказанія старшины и требованія старостъ, сборщиковъ податей и смотрителей магазина, и исполняетъ канцелярское дѣло, но отличается тѣмъ, что ему предоставленъ совѣщательный голосъ: каждую бумагу писарь читаетъ старшинѣ (если онъ не грамотенъ), и по ней дѣлается распоряженіе „по совѣщанію съ тѣмъ изъ подвѣдомственныхъ ему сельскихъ начальниковъ, до которыхъ предметъ дѣла относится, а также съ сельскимъ писаремъ" (5089). Но все же роль его формально подчиненная и незначительная, такъ что диссонансомъ звучатъ постановленія о жалованіи писарямъ: волостной писарь получаетъ столько же, сколько голова, и вдвое больше засѣдателей, вольнонаемный же въ $1^1/_2$ раза больше головы; льготами онъ пользуется тѣми же, что и членъ правленія. Сельскій писарь, нормально получая значительно больше сельскаго старшины, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ жалованья въ 2 раза больше и еще 15 руб. на канцелярскія потребности; льготами онъ пользуется тѣми же, какъ и сельскій начальникъ. Эта величина окладовъ указываетъ

на гораздо большую значительность фигуры писаря, чѣмъ можно было предполагать по буквѣ закона Но кромѣ того она указываетъ еще на трудность найти грамотныхъ и знакомыхъ съ канцелярскимъ дѣломъ людей—трудность, которая служила причиною и расширенія круга лицъ, изъ которыхъ назначались писаря, и организаціи ихъ обученія, о которой мы говорили.

Трудность эта обуславливается, кромѣ малаго распространенія грамотности, еще громаднымъ количествомъ работы, лежавшей на писаряхъ, которая заставляла назначать имъ все большее количество помощниковъ, дѣлая ихъ начальниками цѣлыхъ канцелярій. Чтобы дать понятіе о многосложности ихъ обязанностей, приведемъ слѣдующую выдержку одного официальнаго донесенія: на сельскомъ писарѣ лежитъ веденіе податныхъ тетрадей и хлѣбной отчетности; „сверхъ того они должны излагать на бумагѣ раскладочные и учетные приговоры денежные и хлѣбные, составлять мѣсячныя и другія сложныя вѣдомости о поступленіи податей и другихъ сборовъ, вѣдомости хлѣбу наличному, въ ссудѣ и недоимкѣ; писать огромное число приговоровъ общественныхъ по всѣмъ возможнымъ предметамъ и разнаго рода срочныя вѣдомости; наконецъ вести книги о прибыли и убыли душъ, о проживающихъ въ селеніяхъ, объ измѣненіяхъ въ посемейныхъ спискахъ, о цѣнахъ хлѣба, и завѣдывать письменностью по дѣламъ селѣскихъ расправъ“ [1]). Этотъ перечень мы могли бы при желаніи дополнить, но гораздо рельефнѣе обрисуютъ намъ значеніе писарской должности нѣсколько цифровыхъ данныхъ, характеризующихъ то море бумаги, которыми Коселевъ буквально затопилъ свое вѣдомство. Ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ приложены таблицы входящихъ и исходящихъ бумагъ по Министерству: количество тѣхъ и другихъ измѣряется милліонами. По даннымъ одного ревизора переписка между палатами, округами и волостными правленіями достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ: окружной

[1]) Донесеніе Тульской Палаты. Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. № 422.

начальникъ, напр., получаетъ въ годъ отъ 6 до 10 тысячъ бумагъ. Тутъ даже Киселевъ не выдержалъ и на поляхъ отмѣтилъ: „непомѣрно“ [1]). Соотвѣтствующее количество бумаги должно было исписать и сельское начальство. Когда Киселевъ однажды замѣтилъ, что рапорты, представленные ему во время личнаго обозрѣнія сельскими начальниками, составлены окружными начальниками, то поставилъ имъ на видъ всю неправильность ихъ дѣйствія и подтвердилъ „что цѣль установленія графныхъ рапортовъ... состоитъ не въ томъ, чтобы имѣть для ревизующаго начальства исправно разграфленную вѣдомость, но чтобы занимая симъ самихъ крестьянъ, исправляющихъ общественныя должности, пріучить ихъ къ составленію отчетности о положеніи частей ихъ вѣдомства, и по собственному ихъ изложенію судить объ успѣхѣ сельской администраціи и о степени развивающагося порядка, дабы сообразно тому дѣйствовать на дальнѣйшее улучшеніе“ [2]).

Совершенно очевидно, что при этихъ условіяхъ писарь долженъ былъ пріобрѣсти совершенно исключительное значеніе. Оффиціальныя донесенія по поводу запроса Министерства о возможности уменьшенія числа инстанцій управленія крестьянами, даютъ отзывы о положеніи писаря, весьма похожіе на тѣ, которые мы извлекли изъ данныхъ ревизіи 1837 года. Писарь одинъ дѣлаетъ все въ сельскомъ обществѣ, такъ какъ должностныя лица не способны помогать ему, пишутъ изъ Курской губерніи. Дѣла идутъ прилично только въ тѣхъ обществахъ, гдѣ по счастію приличный писарь; должностныя лица находятся подъ руководствомъ писарей, и отъ этихъ послѣднихъ зависитъ весь ходъ дѣла, доносятъ изъ Орловской губерніи. Но самымъ типичнымъ является мнѣніе Рязанской Палаты: констатируя неопытность писарей-мальчиковъ и ограниченныя, а иногда и тупыя понятія должностныхъ лицъ, Палата предлагаетъ выждать, когда настоящіе писаря возмужаютъ и утвердятся въ своихъ обязанностяхъ; они непре-

[1]) Донесеніе ревизора Казанской губ. Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. № 422.

[2]) Забл.-Десят Op. Cit. IV, стр. 165–166.

мѣнно, утверждаетъ Палата, будутъ обществами избраны въ начальники, а на ихъ мѣста поступятъ теперь обучающіеся. Вотъ какъ великъ былъ авторитетъ писарей! Около нихъ блекла и тускнѣла власть сельскихъ начальниковъ [1]).

Итакъ, обязанности писарей громадны, фактическое вліяніе также—какъ же они исполняли свое дѣло и использовывали свою власть? Оставалось ли ими довольно начальство и населеніе? Должно сказать, что обѣ стороны были одинаково недовольны. Изъ циркуляровъ мы можемъ усмотрѣть, что писаря изъ крестьянскихъ мальчиковъ [2]) далеко не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ; по крайней мѣрѣ наказанія за ихъ неисправность и нерадѣніе все увеличиваются. Такъ, помимо обычныхъ дисциплинарныхъ взысканій и перемѣщеній на низшую должность (изъ волостныхъ писарей въ сельскіе, изъ писарей—въ помощники), такіе писаря, если всѣ эти взысканія остаются недѣйствительными, отдаются въ лѣсную стражу [3]). Въ 1853 году мѣра наказанія усилена: въ случаѣ неисправленія писарей послѣ пребыванія въ лѣсной стражѣ, они отдаются въ военную службу, съ зачетомъ обществу и семейству рекрута. Но и этого показалось мало: въ 1858 году наказаніе еще усилено, нерадивые и дурного поведенія писаря отдаются не въ лѣсную стражу, а въ военную службу, въ случаѣ же негодности къ военной службѣ—отсылаются въ Сибирь на поселеніе.

Если правительство было вынуждено прибѣгать къ такимъ радикальнымъ мѣрамъ, то, очевидно, поведеніе писарей являлось очень и очень предосудительнымъ, и можно себѣ представить, какъ должны были страдать отъ нихъ поселяне. Въ качествѣ иллюстраціи мы приведемъ слѣдующую цитату изъ брошюры Зырянова, изслѣдовавшаго безпорядки государственныхъ крестьянъ Пермской губерніи по подлин-

---

[1]) Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. № 422.

[2]) Писаря, получившіе образованіе на счетъ общества обязаны прослужить 10 лѣтъ или вернуть всѣ расходы.

[3]) Смотри Сборникъ постановленій для руководства сельск. и вол. управл. Прим. I.

нымъ дѣламъ: „Съ прекращеніемъ всякой зависимости отъ крестьянскихъ обществъ, писаря, какъ люди дерзкіе и полуграмотные, образовали какую то отдѣльную касту въ народѣ: принижались только предъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ, а предъ крестьянами кичились и даже сибаритствовали (sic!), захватывая и забирая въ свои руки все что встрѣчали и видѣли возможнымъ для захвата". постоянно употребляли ямщиковыхъ и обывательскихъ лошадей, разсыльныхъ и десятскихъ. „Однимъ словомъ писаря смотрѣли на себя, какъ на необходимое звено въ служебной іерархіи и были глубоко убѣждены, что въ нихъ вся суть и все значеніе, и что не они для крестьянъ, а крестьяне для нихъ созданы, на потребу и удовольствіе писарей". Далѣе отмѣчено, что они прекрасно жили при ничтожномъ жалованіи, имѣли много скота, экипажей и проч. [1]). Знакомая картина!

Глава V.

Мы описали внутреннее строеніе механизма управленія 1838 г., картину его въ состояніи покоя. При этомъ мы имѣли въ виду его специфически-попечительныя функціи, оставляя въ сторонѣ многочисленныя обязанности административныя, полицейскія, санитарныя и пр. Чтобы дать понятіе объ ихъ всеобъемлимости, мы перечислимъ тѣ рубрики, на которыя дѣлятся предметы вѣдомства хозяйственныхъ отдѣленій палатъ, какъ и всѣхъ остальныхъ инстанцій управленія крестьянами, по попечительству надъ крестьянами: 1) Дѣла по устройству управленія. 2) Вѣдомство народосчисленія. 3) Попеченіе объ охраненіи благоустройства и благочинія по дѣламъ вѣры въ казенныхъ селеніяхъ. 4) Попеченіе объ охраненіи общественнаго порядка и учрежденій правительства. 5) Содѣйствіе къ охраненію постановленій, от-

[1]) Зыряновъ. Крестьянское движеніе въ Шадринскомъ уѣздѣ въ 1843 г. Пермь. 1884.

носящихся до гражданскаго состоянія государственныхъ крестьянъ. 6) Мѣры для улучшенія ихъ нравственности. 7) Содѣйствіе къ охраненію въ казенныхъ селеніяхъ безопасности личной и имуществъ. 8) Дѣла по части паспортной. 9) Содѣйствіе мѣрамъ по части врачебнаго благоустройства. 10) Дѣла по части обезпеченія народнаго продовольствія. 11) Дѣла по пожарнымъ случаямъ. 12) Распоряженія по строительной части. 13) Распоряженія по сохраненію въ казенныхъ селеніяхъ и окрестностяхъ оныхъ чистоты и порядка. 14) Устройство путей сообщенія. 15) Дѣла хозяйственнаго управленія. 16) Распоряженія по части податей государственныхъ крестьянъ. 17) Распоряженія по части натуральныхъ повинностей. 18) Дѣла по рекрутской повинности. 19) Дѣла по судебному вѣдомству. Болѣе подробное опредѣленіе предметовъ вѣдомства Палатъ и другихъ инстанцій занимаетъ многіе десятки и даже сотни страницъ и заключается во многихъ сотняхъ если не тысячахъ статей. Мы сознательно оставимъ все это безъ разсмотрѣнія, такъ какъ исторія Министерства Государственныхъ имуществъ, какъ таковая, насъ не интересуетъ. Кто желаетъ познакомиться съ матеріальными результатами его дѣятельности, тотъ можетъ найти нужныя ему данныя, правда, очень тенденціозно освѣщенныя, въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ и въ оффиціальныхъ изданіяхъ Министерства. Мы хотѣли только дать юридическій скелетъ положенія 38 г. и характеризовать духъ, которымъ оно проникнуто—матеріальное его содержаніе мы оставили въ сторонѣ. Но изложивъ статику Киселевской машины, намъ хотѣлось бы дать понятіе и о динамикѣ ея, о функціонированіи ея, посмотрѣть, какова она въ движеніи. Для этой цѣли мы изберемъ одну функцію ея—именно податную, какъ наиболѣе характерную и наиболѣе интересную для насъ. Изучивъ организацію дѣла взиманія по новому положенію и прослѣдивъ его эволюцію, мы получили вѣрное и конкретное представленіе о значеніи широкихъ попечительныхъ задачъ Киселева и вполнѣ конкретныя данныя для сравненія съ дореформенными порядками, не говоря уже о характеристикѣ положенія схода, которая намъ понадобится при дальнѣйшемъ изложеніи.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе техники податного дѣла, это вопросъ спеціальный и для насъ не интересный. Намъ достаточно знать, что сборъ производится сельскимъ начальствомъ подъ наблюденіемъ волостного начальства и высшимъ надзоромъ Окружныхъ начальниковъ и Палатъ, т. е на крестьянскій счетъ и крестьянскими средствами. Намъ не важенъ вопросъ, какъ взимаются сборы, какъ нормальное явленіе, намъ интересно знать, какъ взыскиваются недоимки, какъ работаетъ механизмъ 1838 г. въ качествѣ податевысасывателя [1]).

Предположимъ, что крестьянинъ не внесъ въ срокъ податей—какія мѣры принимаются и какими органами? Сборщикъ тотчасъ же доноситъ сельскимъ старостѣ и старшинѣ. Староста, получивъ подобное увѣдомленіе, понуждаетъ неплательщиковъ къ исполненію ихъ обязанностей благовременными и настоятельными напоминаніями. Если это не помогаетъ, на сцену является старшина и дѣлаетъ личныя строгія настоянія и напоминанія объ уплатѣ недоимки. Если и они остаются безуспѣшными, то старшина предлагаетъ сельскому сходу о принятіи мѣръ для взысканія недоимки, которыя сходъ долженъ сдѣлать неупустительно и которыя заключаются въ слѣдующемъ: 1) если недоимщикъ имѣетъ недвижимое имущество въ полной собственности, то первымъ дѣломъ идетъ на покрытіе недоимки доходъ съ этого имущества; 2) если такового нѣтъ или недостаточно, то продается движимое имущество, кромѣ предметовъ необходимыхъ семейству недоимщика; 3) „буде и сими способами недоимка не пополнятся, то сельскій сходъ можетъ сдѣлать приговоръ объ употребленіи самого неплательщика или кого-либо изъ семейства его въ казенныя, мірскія или частныя работы въ томъ же уѣздѣ или сосѣдственномъ, съ тѣмъ, чтобы заработную плату употреблять на покрытіе недоимки, кромѣ необходимо нужнаго на продовольствіе того работника и семьи его, наблюдая впрочемъ, чтобы чрезъ сію мѣру не остановились работы семейства неплательщика“; 4) если и

[1]) Уст. о податяхъ.

этого недостаточно, то сходъ назначаетъ на продажу недвижимое имущество, принадлежащее въ собственность или строенія, находящіяся на общественной землѣ, кромѣ жилыхъ и хозяйственныхъ, необходимыхъ плательщику и его семейству [1]).

Сходъ въ дѣлѣ взиманія разсматривается совершенно такъ же, какъ и сельскіе начальники, онъ такой же чиновникъ, принимающій мѣры и дѣлающій неупустительныя распоряженія, только коллективный [2]).

Положеніе довольно незавидное! Но вся бѣдственность его станетъ намъ ясной лишь тогда, когда мы примемъ во вниманіе, что и это обязательное, почти повинностное участіе схода въ дѣлѣ взиманія является довольно иллюзорнымъ. Сходъ обязанъ постановить нужные приговоры, но въ исполненіе они приводятся сельскимъ начальствомъ безъ дальнѣйшаго участія схода, подъ непосредственнымъ руководствомъ высшей власти. Приговоръ схода является, такимъ образомъ, чисто формальнымъ элементомъ въ цѣпи мѣропріятій, послѣдовательно предпринимаемыхъ разными начальствами, элементомъ, диссонирующимъ по существу, но введеннымъ, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, со спеціальной

---

[1]) Наконецъ, сходъ можетъ принять еще слѣдующую, крайнюю мѣру. Буде кто изъ поселянъ, за всѣми предпринятыми мѣрами, окажется къ платежу податей совершенно неблагонадежнымъ, не по несчастью какому-либо, а по крайнему нерадѣнію или распутству, то сельскій мірской сходъ можетъ составить узаконенный приговоръ объ отдачѣ такового поселянина въ неочередь въ рекруты за общество; а буде онъ въ рекруты не годится и дурного поведенія, то объ отсылкѣ безъ зачета на поселеніе, представивъ таковой приговоръ, чрезъ Волостное Правленіе и Окружного начальника, въ Палату Гос. Им., которая съ заключеніемъ своимъ вноситъ дѣло на окончательное разрѣшеніе гражданскаго губернатора". Во всякомъ случаѣ, если къ 1-му октября недоимка не будетъ внесена, она „немедленно раскладывается сельскимъ сходомъ на прочихъ крестьянъ того же общества", а сельскому обществу предоставляется разбираться съ неплательщиками уже „по мѣстному усмотрѣнію".

[2]) Напримѣръ. Если бы за всѣми принятыми мѣрами къ 1 апр. недоимка не была пополнена, то Вол. Правленіе распоряжается, чтобы она была немедленно разложена Сельскими сходами на прочихъ крестьянъ тѣхъ же обществъ Ст. 4594.

цѣлью создать иллюзію общественности въ наиболѣе трудныхъ для исполненія и ненавистныхъ населенію частяхъ податной системы. Кромѣ того, правительство не вполнѣ надѣялось на успѣшность работы своего административнаго механизма и, на всякій случай, сохранило круговую отвѣтственность, осуществляемую сходомъ. Администрація можетъ взимать недоимки самостоятельно, безъ участія схода (или обставляя такимъ образомъ это участіе, что оно сведется къ тяжкой повинности), но во всякій данный моментъ, видя безуспѣшность своихъ дѣйствій, оно можетъ обязать сходъ разложить недоимки на своихъ односельчанъ, чтобы потомъ съ новой силой приняться за административное ихъ выколачиваніе. Средства, находящіяся въ рукахъ „начальства", были совершенно достаточны, чтобы позволить себѣ иногда роскошь обходиться безъ участія обществъ; часть ихъ мы уже упомянули, но кромѣ увѣщаній и напоминаній въ ихъ распоряженіи находились болѣе рѣшительные способы воздѣйствій. „Если старшина замѣтитъ, что кто-либо изъ хозяевъ, нерадѣя о взносѣ въ теченіе платежныхъ сроковъ слѣдующихъ съ него сборовъ, расточаетъ деньги на мотовство, то дѣлаетъ напоминаніе нерадивому хозяину; при недѣйствительности сей мѣры, увѣдомляетъ о его предосудительномъ поведеніи сельскую Расправу, для надлежащаго съ него взысканія; а если и мѣры полицейскаго взысканія останутся безуспѣшными, то представляетъ Волостному Правленію объ отдачѣ такового крестьянина подъ надзоръ или опеку Сельскаго Старосты" (4915). Присмотръ старосты заключается въ томъ, „что онъ обязанъ надзирать за хозяйствомъ такового крестьянина и лично осматривать оное во всѣхъ частяхъ, понуждая къ исполненію всего, что крестьянскую пользу составить можетъ" (4955). О всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ по взысканію недоимокъ сельская администрація доноситъ Правленію, которое, помимо наблюденія за исправнымъ отправленіемъ сельскимъ начальствомъ своихъ обязанностей, содѣйствуетъ ему и собственными распоряженіями и посылкой на мѣста казенныхъ засѣдателей для побужденія неплательщиковъ и сельскаго начальства; если же недоимка

значительна, то отправляется для распоряженій самъ Голова. Волостное Правленіе, въ свою очередь, доноситъ Окружному начальнику, который „печется и распоряжается о взысканіи недоимокъ“, „побуждаетъ настоятельно сельскія общества лично и чрезъ Волостныя Правленія и Сельскихъ старшинъ и старостъ“ и „отправляется на мѣсто, въ потребныхъ случаяхъ, самъ или посылаетъ своего Помощника для побужденія неплательщиковъ“ (3105). Въ свою очередь, онъ доводитъ до свѣдѣнія Палатъ, къ обязанности которыхъ принадлежатъ распоряженія по взысканію недоимокъ подъ руководствомъ Начальниковъ Губерній. Палаты, опять-таки, побуждаютъ, наблюдаютъ, содѣйствуютъ своими распоряженіями и пр., посылаютъ на мѣста совѣтника, ассесора или чиновника особыхъ порученій, а въ крайнемъ случаѣ „если недоимки значительны, то отправляется для распоряженій о взысканіи оныхъ и самъ Управляющій Палатой“ (1266).

Какъ мы видимъ, аппаратъ по выбиванію недоимокъ довольно внушительный: все многочисленное начальство отъ Управляющаго Палатой до старосты и сборщика распоряжаются и принимаютъ мѣры, причемъ мѣры довольно рѣшительнаго характера, вплоть до опеки „понуждающей къ исполненію всего, что крестьянскую пользу составить можетъ“. Тѣмъ не менѣе, законодатель уже a priori призналъ недостаточность этихъ мѣръ и оставилъ за собой право въ извѣстныхъ случаяхъ принимать другія, еще болѣе рѣшительныя. „Если недоимка накопится до годового оклада и произойдетъ не отъ несчастныхъ случаевъ, но отъ лѣности и нерадѣнья крестьянъ, къ сельскому обществу принадлежащихъ, и обыкновенными мѣрами пополнена быть не можетъ, то Палата Гос. Им., съ согласія начальника губерніи, испрашиваетъ разрѣшенія Министра Гос. Им. о обращеніи сельскихъ обществъ въ непосредственное хозяйственное управленіе впредь до выручки всей недоимки. Само собой разумѣется, что изъ числа крестьянъ, подвергающихся хозяйственному управленію, должны быть изъяты домохозяева, заплатившіе исправно слѣдующія съ нихъ подати и повинности“ (1269). „По воспослѣдованіи на сіе разрѣшенья, упра-

вленіе хозяйствомъ сельскихъ обществъ учреждается на основаніи особаго положенія“ (1270). У всякаго читающаго эти строки должно возникнуть любопытство: что это за особое положеніе, какія еще мѣры можно придумать, неужели возможно еще болѣе нажать податной прессъ? Но любопытство остается неудовлетвореннымъ: во всемъ морѣ постановленій о государственныхъ крестьянахъ, во всѣхъ тысячахъ статей — нѣтъ ни одного звука объ этомъ хозяйственномъ управленіи. Вѣроятно, законодатель, не будучи въ состояніи ничего придумать, оставилъ этотъ вопросъ на будущее время, ожидая уроковъ практики. Но и впослѣдствіи, несмотря на всѣ старанія, ничего „лучшаго“, чѣмъ тѣ мѣры, которыя были приняты учрежденіемъ 38 года, создать не могли. Возникло цѣлое дѣло, V отдѣленіе ломало себѣ голову, — разослало запросы во всѣ Палаты — однако, ничего придумать не могли. Это дѣло настолько любопытно, что на немъ стоитъ остановиться; но предварительно мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ функціонировалъ описанный нами податевсасыватель.

Всеподданнѣйшіе отчеты Киселева полны самыхъ блестящихъ отзывовъ о положеніи податного дѣла: сборы растутъ, недоимки уменьшаются и пр. Но если мы проникнемъ въ глубь, въ вѣдомственную переписку, познакомимся съ текущей дѣятельностью Министерства и вообще обратимся къ такимъ источникамъ, гдѣ Киселеву не нужно было пускать въ ходъ свое мастерство, то убѣдимся, что оптимизмъ отчетовъ не вполнѣ сотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мы увидимъ, что машина въ полномъ ходу, что дозволенныя закономъ мѣры исполняются съ точностью и полнотой, но результаты, въ концѣ концовъ, далеко не удовлетворительны.

Мы знаемъ, что для взысканія недоимокъ, между прочимъ, продается движимое имущество, кромѣ вещей, необходимыхъ для семейства неплательщика. Въ 1841 г. возникаетъ дѣло о болѣе точномъ опредѣленіи этихъ предметовъ [1]).

[1]) Дѣло объ опредѣленіи числа и мѣры имущества гос. кр., которое не должно быть подвергаемо продажѣ по денежнымъ съ крестьянъ взысканіямъ. № 387.

V-ое отдѣленіе составляетъ подробнѣйшую табель предметовъ не подлежащихъ продажѣ при описаніи у государственныхъ крестьянъ имущества за долги по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, куда входили припасы для годового довольствія и для посѣва, часть скота, орудіи и одежды. Правда, совѣтъ министра рѣшилъ остаться при существующихъ узаконеніяхъ, не считая возможнымъ опредѣлить ихъ болѣе точно и полагая права государственныхъ крестьянъ достаточно ограженными, но самое возникновеніе дѣла свидѣтельствуетъ о частомъ употребленіи одной изъ ultimae rationes податной системы.

При усиленной работѣ администраціи по взысканію недоимокъ предписанное закономъ участіе схода должно было съ особенной силой давать чувствовать свою ненужность и неумѣстность, что должно было привести къ двоякому результату: или участіе схода должно было игнорироваться и оставаться на бумагѣ, или, въ случаѣ точнаго исполненія закона, оно должно было обратиться въ тяжкое испытаніе для крестьянъ, отвлекавшихся отъ своихъ занятій для постановленія нужныхъ для администраціи приговоровъ. Такъ оно и было. Бывали случаи, когда попечительное начальство, въ сознаніи своего всемогущества, позволяло себѣ роскошь обходиться безъ круговой отвѣтственности обществъ или, по крайней мѣрѣ, сводило ее до minimum'a. Напримѣръ. мы имѣемъ слѣдующее оффиціальное донесеніе Управляющаго Полтавской Палатой, напечатанное въ Журналѣ Министерства Гос. Им. и, слѣдовательно, заслужившее одобреніе Министерства [1]). Констатируя большое количество недоимокъ, донесеніе говоритъ: „Управленіе нашлось въ необходимости обязать каждаго лично платить за себя и за свое семейство всякаго рода подати. Для сего необходимо было направить къ труду иныхъ внушеніемъ, а другихъ побужденіемъ, чрезъ приговоры мірскихъ сходовъ и сельскихъ расправъ“. Но, какъ потребность рабочихъ рукъ была несравненно менѣе

[1]) Извлеченіе изъ отчета Управляющаго Полтавской Палатой государственныхъ имуществъ за 1843 г. Ж. М Г. И. ч. XI.

числа работниковъ, то управленіе направило излишекъ рукъ за предѣлы губерній, въ Новороссійскій край, на Донъ и въ Крымъ. Болѣе 80000 человѣкъ ежегодно, выходя на заработки, приносятъ въ губернію болѣе 2.500 000 р. ассигнаціями, изъ коихъ ежели половина поступаетъ въ подать, то, другая остается въ народномъ обращеніи. Такимъ образомъ масса людей, за которыхъ подать была платима обществами, уменьшается ежегодно. „Раскладка податей, продолжаетъ донесеніе, между хозяевами допускается лишь за души умершія безъ родства и наслѣдства, за вдовъ безпомощныхъ и за безпріютныхъ старцевъ". Мы видимъ, что, допуская уравнительную раскладку, начальство сознательно запрещаетъ раскладку, какъ слѣдствіе круговой отвѣтственности Можно думать, что этотъ случай не былъ единичнымъ, такъ какъ и самъ Киселевъ признавалъ вредъ и безсмысленность такого способа переложенія податей со слабыхъ плечъ на сильныя Такъ, въ своихъ предположеніяхъ, переданныхъ въ 1-ый Департаментъ Министерства [1]), составленныхъ на основаніи личнаго обозрѣнія губерній 1842 г., онъ, касаясь вопроса о мѣрахъ взысканія недоимокъ съ нерадивыхъ крестьянъ, неблагопріятно отзывается о раскладкѣ, которая, по его мнѣнію, не желательна, т. к. пріучаетъ къ нерадивости; нужно взыскивать съ самихъ неисправныхъ плательщиковъ, назначать ихъ по общественнымъ приговорамъ на работы и пр., Въ тѣхъ же случаяхъ, когда участіе общества не игнорировалось, это, конечно, служило большимъ стѣсненіемъ для крестьянъ—конечно, въ виду чисто формальнаго характера дѣятельности схода [2]). Въ одномъ циркулярѣ констатируется такое неудобство постояннаго отвлеченія крестьянъ отъ ихъ занятій и предписывается, во избѣжаніе этого, строго соблюдать но-

[1]) Дѣло по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ Министромъ Г. Им. Гр. Киселевымъ во время обозрѣнія въ 1842 г. низовыхъ губерній. № 393.

[2]) Впрочемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда круговая порука не примѣнялась, сходы должны были собираться, т. к. ихъ участіе предусматривалось и въ другихъ случаяхъ. Вѣдь и Полтавское донесеніе говоритъ, между прочимъ о дѣятельности начальства чрезъ сходъ, посредствомъ мірскихъ приговоровъ.

становленіе закона о созывѣ схода только 3 раза въ годъ [1]). Замѣчательно, что, несмотря на всю незначительность роли схода, бывали случаи, когда его участіе мѣшало начальству когда необходимость получить приговоръ связывала ему руки. Въ 1841 г. возникаетъ вопросъ: какъ быть, если при взысканіи податей сходъ не захочетъ составить приговоръ объ отдачѣ на заработки неплательщика! Циркуляромъ отъ 19 декабря разъяснено, что „отдача несостоятельныхъ крестьянъ на заработки въ случаѣ какихъ-либо препятствій въ составленіи на это общественныхъ приговоровъ, предоставляется сельскимъ расправамъ съ утвержденія Окружного начальника"; крестьяне же, оставившіе безъ уважительныхъ причинъ работу, наказываются по приговору Сельскихъ Расправъ.

Во всякомъ случаѣ, администрація довольствовалась своими силами и не прибѣгала къ помощи сельскихъ обществъ по существу. Повидимому, она чувствовала себя достаточно сильной. Однако, ни мощность ея организаціи, ни рѣшительность предоставленныхъ въ ея распоряженіе средствъ, ни общая неограниченность ея власти не создали въ совокупности достаточно условій для успѣшности ея дѣятельности по взысканію недоимокъ. Уже изъ одного циркуляра 1839 года мы усматриваемъ, что для взысканія недоимокъ призывались военныя команды Правда, Киселевъ запретилъ это, считая, что Окружныя управленія „снабжены всѣми средствами производить взысканія податей безъ усиленныхъ и отяготительныхъ для крестьянъ мѣръ" [2]), но ясно, что этихъ средствъ не хватало. Въ 1840 г. Саратовская Палата доноситъ [3]), что средства, предоставленныя положеніемъ 1838 года, недостаточны: „неисправные плательщики отъ лѣни и нерадѣнія состоятъ почти всегда изъ крестьянъ неимѣющихъ недвижимой собственности; движимая у нихъ состоитъ рав-

[1]) 16 дек. 1853 г.

[2]) Циркуляръ 23 апр. 1839 г.

[3]) Дѣло объ учрежденіи хозяйственнаго управленія въ сельскихъ обществахъ, накопившихъ въ себѣ недоимки въ податяхъ до годового оклада № 503.

номѣрно въ предметахъ необходимыхъ семейству, а работы на мѣстахъ ихъ мѣстожительства не всегда находятся. Земскіе Исправники въ прежнее время, какъ извѣстно, выходили изъ обыкновенныхъ мѣръ и нерѣдко погашали недоимки средствами, которыя... новымъ управленіемъ строго воспрещены".

Положеніе 1838 г. ставитъ выколачиванію податей нѣкоторые разумные предѣлы — это приводитъ начальство въ отчаяніе. Надо было пополнить ихъ арсеналъ орудіями новаго образца. Такое орудіе было найдено: это общественная запашка для пополненія сельскихъ магазиновъ. Мѣра эта, приводимая въ исполненіе еще въ дореферменное время въ цѣляхъ упорядоченія продовольственнаго дѣла, уже тогда вызвала неудовольствіе и даже ненависть крестьянъ, хотя и вводилась тогда по желанію крестьянъ „не токмо безъ принужденія, но на первый разъ и безъ большой настойчивости и не чрезъ земскіе суды, а чрезъ непосредственныя предписанія Вол. пр." Первоначально и новое управленіе хотѣло использовать запашку только для исправнаго пополненія магазиновъ хлѣбомъ. Правда, 1-ый Департаментъ смотрѣлъ на нее уже иными глазами и предлагалъ „внушать крестьянамъ, что если они добровольно не изъявятъ на то согласія и не приступятъ къ учрежденію общественныхъ запашекъ, то она заведена будетъ мѣрами правительства при первой несостоятельности ихъ во взносѣ въ магазины окладного хлѣба, выданныхъ ссудъ или платежѣ податей"; но Киселевъ собственноручно отмѣтилъ на докладѣ свое нежеланіе вводить запашку насильственными мѣрами, особенно въ малоземельныхъ губерніяхъ, причемъ выразилъ недовѣріе мѣстнымъ начальствамъ, и рѣшилъ остаться при прежнемъ порядкѣ. Но нелюбовь крестьянъ къ запашкѣ было слишкомъ соблазнительно использовать въ качествѣ новаго средства побужденія къ платежу податей, и уже въ 1843 г. тотъ же Киселевъ на журналѣ Совѣта Министра объ учрежденіи общественныхъ запашекъ, который предлагалъ сдѣлать запашки добровольными и безъ всякаго вмѣшательства начальства, собственноручно начер-

талъ: „Вездѣ безъ изъятія крестьяне просили объ отмѣнѣ запашки, которая имъ кажется величайшимъ отягощеніемъ... полагаю, что заведеніе запашекъ властью начальства должно сохранить вообще для всѣхъ неисправныхъ въ ссыпкѣ хлѣба и другихъ платежей“ [1]). Въ томъ же году послѣдовалъ циркуляръ по предмету учрежденія общественныхъ запашекъ, которымъ предписывалось вводить ихъ при нерадивости крестьянъ во взносѣ податей, „не стѣсняясь указанными въ Инструкціи размѣрами; и имѣя въ виду, что мѣра сія, при безуспѣшности всѣхъ другихъ, допускается собственно для исправленія нерадивыхъ“ [2]).

Но и этого оказалось мало; мѣстная администрація не удовлетворилась и этимъ новымъ средствомъ и стала искать новыхъ. Тогда и обращаются за помощью къ туманному, но многообѣщающему хозяйственному управленію. Еще въ 1840 г. Саратовская Палата, указывая на недостаточность положенія 1838 г., напоминаетъ о статьѣ, вводящей хозяйственное управленіе въ неисправныхъ обществахъ, положенія о которомъ до сихъ поръ неиздано. Въ 1841 г. аналогичнаго разъясненія требуетъ Воронежская Палата. V отдѣленіе, поставленное въ необходимость дать разъясненіе, начинаетъ придумывать, какъ бы организовать это новое управленіе, но становится въ тупикъ. У крестьянъ два рессурса, разсуждаетъ оно: земля и заработки. Если взять за объектъ наблюденія землю, то тутъ возможны два способа: или устроить общественную запашку или организовать надзоръ за личнымъ хозяйствомъ. Оба способа неудобны. Какъ, въ первомъ случаѣ, опредѣлить количество земли, обращаемое въ общественную запашку, и какъ защитить исправныхъ хозяевъ отъ вліянія обществъ, которымъ предоставленъ раздѣлъ общественныхъ земель? Второй способъ еще болѣе затруднителенъ: какъ организовать надзоръ за отдѣльными хозяйствами, какъ предупредить злоупотребленія мѣстнаго начальства? „Соображая все сіе V отдѣленіе приходитъ къ тому заклю-

---

[1]) То-же дѣло объ учрежденіи хозяйственнаго управленія.

[2]) 30 ноября 1843 г.

ченію, что хозяйственное управленіе для достиженія цѣли своей едва ли не должно дѣйствовать подъ однимъ началомъ съ управленіемъ помѣщичьимъ". Но здѣсь возникаютъ новые вопросы—какъ же совмѣстить такое управленіе съ правами государственныхъ крестьянъ, дарованными положеніемъ 1838 г., и гдѣ найти людей для подобнаго надзора?

Всѣ эти недоумѣнія V отдѣленіе не сумѣло разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ и обратилось за разъясненіями въ Палаты Гос. Имуществъ. Палаты представили рядъ отвѣтовъ съ самыми разнообразными заключеніями. Нѣкоторыя очень здраво замѣчали, что нерадивыхъ крестьянъ очень мало, а есть несостоятельные, и что нужно, для уменьшенія числа недоимокъ, обратить главное вниманіе на улучшеніе ихъ быта. Что касается до круга хозяйственнаго управленія, то нѣкоторыя палаты распространяли его на все общество; другія же — на отдѣльныхъ неплательщиковъ, причемъ предлагали даже ввести особый значекъ съ надписью „исправенъ", который должны были носить на шеѣ и выставлять на избахъ крестьяне, очистившіе въ срокъ всѣ платежи. Нѣкоторыя указывали на круговую поруку, какъ на краеугольный камень всей постройки. Отдѣльныя мѣры предлагались самыя различныя: надзоръ, заработки, общественныя запашки, общественныя работы, ферма для улучшенія хозяйства, переселенія. Личный составъ новаго управленія всѣ образовывали изъ крестьянскаго сословія — больше взять было неоткуда.

Пока Палаты писали свои заключенія, а V отдѣленіе составляло проектъ новаго положенія, прошло нѣсколько лѣтъ. Неоднократно V отдѣленіе получало запросы, но отписывалось, указывая на то, что проектъ составляется, но когда будетъ готовъ—неизвѣстно. Очевидно, что при всемъ добромъ желаніи сочинить положеніе о хозяйственномъ управленіи оказывалось невозможно. Пробовали замѣнить его какимъ-нибудь иными средствами. Такъ, въ 1847 г. Товарищъ Министра запросилъ Курскаго губернатора о его мнѣніи: удобно ли лишать общества права выбирать Старшинъ и Головъ и отправлять виновныхъ на поселеніе въ отдаленныя губерніи

и въ рекруты за нерадѣніе къ хозяйству всего общества и за неплатежъ недоимокъ? „Если это будетъ введено, прибавляетъ Товарищъ Министра, то и можетъ замѣнить административное управленіе". Пробовали употребить съ той же цѣлью и общественную запашку — но все это было не то. Наконецъ, V отдѣленіе кончило свои занятія и представило проектъ. Онъ сводился къ слѣдующему: необходимо круговое поручительство, которое является „единственнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія податей"; сельское управленіе остается, но назначается еще особый смотритель хозяйственнаго управленія, въ прямой зависимости отъ окружного начальника; вводить хозяйственное управленіе рекомендуется возможно рѣже.

Полная неудача попытки правительства найти способъ управленія крестьянами болѣе попечительный, чѣмъ тотъ, который установленъ положеніемъ 38 г., была очевидна.

Еще раньше V отдѣленіе запросило I Департаментъ, есть ли нужда въ положеніи о хозяйственномъ управленіи послѣ учрежденія обязательной запашки. Департаментъ отвѣтилъ, что дѣла по взысканію недоимокъ идутъ успѣшнѣе благодаря слѣдующимъ мѣрамъ: высылкѣ крестьянъ на работы, переселенію ихъ по распоряженію начальства въ отдаленныя губерніи и заведенію у нихъ общественныхъ запашекъ. Что же касается до того, надо ли вводить хозяйственное управленіе—то это зависитъ отъ воли Высшаго Начальства. Когда проектъ V отдѣленія сталъ извѣстенъ, невозможность его опубликованія стала совершенно очевидна, и дѣло о введеніи хозяйственнаго управленія заключается ссылкой на пресловутыя статьи 1269 и 1270 учрежденія 1838 г. и слѣдующими характерными строками. „По смыслу сего закона подъ словомъ непосредственное хозяйственное управленіе должно разумѣть обращеніе крестьянъ на хозяйственную запашку на правѣ помѣщичьемъ,—мѣра еще до сихъ поръ не приведенная въ исполненіе на практикѣ. Напр., по смыслу предписанія V отдѣленія, коимъ требовалось отъ палатъ мнѣніе по предмету учрежденія хозяйственнаго управленія, должно причислить къ оному учрежденіе общественной за-

пашки, отдачу несостоятельныхъ крестьянъ въ заработки,— мѣры, которыя уже указанными законами и приводятся въ дѣйствіе, и 1-ый Департаментъ удостовѣрилъ, что взысканіе податей нынѣ идетъ довольно успѣшно, и что мѣры для сего принимаемыя достаточны. А посему кажется, что въ учрежденіи хозяйственнаго управленія, въ томъ смыслѣ какъ его понимали законъ и Первый Департаментъ, вовсе надобности не представляется, а потому остается только представить въ Государственный Совѣтъ о неимѣніи нужды въ составленіи особаго положенія насчетъ хозяйственнаго управленія“ [1]).

Такъ и не довелось Министерству Гос. Им. сочинить положеніе о хозяйственномъ управленіи.

Хотя Департаментъ и утверждалъ, что дѣло взиманія идетъ успѣшно и что хозяйственное управленіе болѣе не нужно, но на самомъ дѣлѣ такимъ оборотомъ рѣчи окрашивали только въ розовый цвѣтъ невозможность усилить средства взиманія. Въ дѣйствительности дѣло шло очень неважно. Та же записка V отдѣленія, предпосланная проекту хозяйственнаго управленія, указываетъ, что недоимки достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ, и перечисляетъ 8 губерній, въ которыхъ почти всѣ общества неисправны. Единственнымъ средствомъ, которое оставалось въ распоряженіи Министерства, было то, которое оно отчасти игнорировало первое время — это вѣчно юная круговая порука. И вотъ, не ослабляя тѣхъ мѣръ взысканія, которыя находились въ рукахъ мѣстной администраціи и даже усиливая ихъ до послѣдней возможности, Министерство начинаетъ особенно оттѣнять дѣятельность обществъ. Чрезвычайно характеренъ циркуляръ 8 декабря 1854 г. Онъ предписываетъ: „приказать старшинамъ, чтобы они, удостовѣрясь о средствахъ каждаго домохозяина на мірскихъ сходахъ, немедленно потребовали уплаты“; въ случаѣ невзноса податей „по мірскимъ приговорамъ принимать неотложно указанныя въ законахъ мѣры ко взысканію“; если же окажется, что крестьяне дѣйствительно не въ состояніи уплатить, то „распорядиться на

[1]) Дѣло объ учрежденіи хозяйственнаго управленія. Арх. V отд. № 503.

основаніи законовъ, о разложеніи по мірскому приговору на прочихъ домохозяевъ неуплаченныхъ первыми окладныхъ сборовъ и недоимокъ, предоставивъ обществу взыскать слѣдующія съ неплательщиковъ деньги при первой къ тому возможности, а самыхъ должниковъ, согласно 78 статьѣ положенія, отдавать въ распоряженіе сельскихъ расправъ"; „при семъ внушать старшинамъ имѣть постоянно строгое наблюденіе, дабы крестьяне не растрачивали сельскихъ своихъ произведеній, но всѣ излишки, за обезпеченіемъ ихъ необходимыхъ потребностей въ хозяйствѣ, обращали бы исключительно на уплату податей и оброка". „За исполненіемъ сего окружные начальники и ихъ помощники обязаны имѣть по сельскимъ обществамъ личное настояніе, внушая крестьянамъ, что первый долгъ ихъ заключается въ исправномъ отправленіи всѣхъ повинностей и платежей установленныхъ денежныхъ сборовъ". Тѣмъ же циркуляромъ рекомендовано посылать чиновниковъ для наблюденія за взиманіемъ недоимокъ и подвергать взысканію окружныхъ и сельскихъ начальниковъ, если съ ихъ стороны будетъ замѣчена нераспорядительность или упущеніе.

Заблоцкій-Десятовскій, желая оттѣнить благородство идеаловъ Киселева и ширину его государственной мысли, сопоставляетъ въ одномъ мѣстѣ своей извѣстной книги управленіе государственными крестьянами эпохи Киселева съ управленіемъ крестьянами удѣльными. Онъ съ возмущеніемъ отмѣчаетъ, что удѣльное управленіе „уплату удѣльнаго оброка считало „первѣйшимъ долгомъ" (sic!) крестьянина (св. удѣльныхъ Постановленій, ч. II, стр. 90), и стало быть исполненіе этого долга ставило выше всѣхъ обязанностей семейныхъ и гражданскихъ и, такимъ образомъ, въ уплатѣ оброка видѣло предназначеніе всей жизни удѣльнаго крестьянина" [1]). Надо полагать, что Заблоцкій-Десятовскій не зналъ вышеприведеннаго циркуляра. Впрочемъ Киселевъ умѣлъ облекать свои мысли въ такую форму, которая повидимому удовлетворяла его почтеннаго сослуживца, иначе онъ нашелъ бы случай измѣнить свое мнѣніе о полномъ различіи въ принципахъ управленія удѣльными и государ-

ственными крестьянами [1]). Предлагаемъ, напримѣръ, вдуматься въ слѣдующія слова циркуляра 24 іюня 1856 г., въ которомъ Министерство требуетъ „чтобы мѣстное управленіе точнымъ исполненіемъ постановленныхъ въ законѣ правилъ достигало успѣшнаго результата (въ дѣлѣ сборовъ) не столько мѣрами строгости, сколько внушеніемъ крестьянамъ святости ихъ долга въ семъ отношеніи"; Министерство „видѣло, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ управляющіе вполнѣ вникли въ цѣль сего требованія, сообразно прямымъ условіямъ попечительства, взысканіе податей обратилось въ средство къ самому улучшенію быта крестьянъ, пріучивъ ихъ вмѣстѣ съ исправнымъ своевременнымъ исполненіемъ обязанностей къ труду и бережливости". 12 мая 1857 г. опять было подтверждено неукоснительное взысканіе недоимокъ, причемъ указывалось, что „своевременное и бездоимочное поступленіе податей, оброка и другихъ денежныхъ съ государственныхъ крестьянъ сборовъ служитъ мѣриломъ заботливости, усердія и распорядительности поставленныхъ надъ ними начальствъ".

Однако дѣло не шло лучше. Циркуляры слѣдуютъ одинъ за другимъ... Но они принадлежатъ уже перу преемниковъ Киселева. Дѣятельность ихъ мы не будемъ затрагивать; скажемъ только, что Муравьевъ подвергъ, по обыкновенію новыхъ министровъ, всю работу Киселева злой критикѣ, и въ частности осудилъ и его мѣропріятія въ податномъ дѣлѣ.

---

[1]) Op. Cit. т. II, стр. 176.

Глава VI.

Мы дали схему управленія крестьянами 1838 г. и дали нѣкоторое представленіе о функціонированіи этого дѣйствительно аракчеевскаго учрежденія, облеченнаго въ сентиментальную форму. Теперь мы перейдемъ къ изслѣдованію крестьянскаго самоуправленія въ рамкахъ этого учрежденія, что конкретно сведется къ вопросу о положеніи крестьянскаго міра среди описанныхъ нами бюрократическихъ инстанцій. Для этого, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, намъ нужно будетъ познакомиться со взглядами Киселева на общину, но предварительно полезно будетъ изложить тѣ мнѣнія объ общинѣ, которыя были въ оборотѣ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. При этомъ намъ придется, въ противоположность всему предыдущему изложенію, коснуться и внутренняго строя общинъ—иначе мы не уяснимъ себѣ положенія мірскаго самоуправленія въ Киселевскомъ учрежденіи.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ положеніе государственныхъ крестьянъ очень занимало высшее правительство. Манифестомъ 1810 г. обѣщано было принятіе нужныхъ мѣръ къ огражденію ихъ отъ злоупотребленій [1]). Обѣщаніе это выполнено не было, но попытки въ этомъ направленіи дѣлались; составлялись проекты, подвергались обсужденію комитетовъ и падали подъ ударами критики, чтобы дать мѣсто новымъ. Послѣдовательно возникли слѣдующіе проекты: 1) Гр. Гурьева, 2) Опытное положеніе 1826 г., введенное въ Петербургской и Псковской губерніяхъ; 3) Комитета подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина, 4) Канкрина объ устройствѣ оброчной подати, 5) Комитета подъ предсѣдательствомъ кн. Кочубея. Мы не будемъ подробно разбирать эти проекты, несмотря на весь ихъ интересъ—для этого намъ пришлось бы обратиться

---

[1]) Манифъ. 2 февр. 1810 г. XV. П. С. З. № 24116.

къ архивнымъ изысканіямъ [1]); укажемъ только нѣсколько мнѣній объ общинномъ порядкѣ.

Вопросъ объ общинѣ былъ поднятъ графомъ Гурьевымъ. Онъ видѣлъ причину плохого состоянія государственныхъ крестьянъ въ общинномъ порядкѣ пользованія землей и предлагалъ замѣнить его семейственнымъ, съ раздѣленіемъ поселянъ на хозяевъ и работниковъ; онъ дѣлалъ участки крестьянъ ихъ собственностью и уничтожалъ передѣлы земли. Проектъ этотъ подвергся обсужденію въ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина, который, одобривъ принципіально главныя его начала, рѣшилъ однако, что „приведеніе оныхъ въ дѣйствіе можетъ быть затруднительно и даже опасно, если не будутъ предварительно сдѣланы многія, необходимыя для ихъ успѣха распоряженія, и въ то же время не измѣнится, по крайней мѣрѣ по наружности, главное изъ предначертанныхъ въ планѣ гр. Гурьева постановленій, дающее крестьянамъ право собственности на обрабатываемую ими землю. Мысль, что сія земля принадлежитъ ему не только какъ хозяину, но, по нынѣшнимъ понятіямъ нашего народа, какъ господину, можетъ распространиться между крестьянами, принадлежащими дворянамъ и, укореняясь, сдѣлаться новымъ препятствіемъ для установленія иного порядка сношеній ихъ съ помѣщиками и для уничтоженія личнаго рабства. Съ другой стороны, неограниченная свобода располагать даруемой имъ собственностью будетъ для лѣнивыхъ и легкомысленныхъ крестьянъ имѣть гибельныя послѣдствія, что доказывается печальнымъ опытомъ по большей части селеній вольныхъ хлѣбопашцевъ. Наконецъ, и прекращеніе передѣловъ общественной земли, само по себѣ столь полезное, столь необходимое, можетъ быть вредно, раздѣляя внезапно крестьянъ на два совершенно различныхъ класса, хозяевъ и работниковъ безъ недвижимаго имущества, и слишкомъ быстро умножая число сихъ послѣднихъ, если правительство не приметъ противъ того надлежащія

[1]) Данныя, имѣющіяся въ бумагахъ V отдѣленія, напечатаны въ Журн. Мин. Гос. Им. еще въ 1862 г.

мѣры“ [1]). Такимъ образомъ Комитетъ Куракина отмѣчалъ два недостатка проекта гр. Гурьева: укрѣпленіе въ крестьянахъ мнѣнія о безусловной принадлежности имъ владѣемой ими земли и слишкомъ большая рѣшительность въ разрывѣ съ общиннымъ землепользованіемъ. Комитетъ предлагалъ съ своей стороны достигнуть той же цѣли, т. е. уничтоженія общинныхъ порядковъ, рядомъ переходныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ, именно предварительнымъ увеличеніемъ надѣла семействъ, во избѣжаніе созданія класса безземельныхъ. Средствомъ къ тому должно было служить переселеніе семействъ, главнымъ образомъ, многотягольныхъ въ многоземельныя губерніи. Переселяемые надѣляются участками, съ правомъ не собственности, но безсрочнаго содержанія или постояннаго наслѣдственнаго владѣнія, и съ тѣмъ, чтобы сіи участки никогда не раздроблялись, а каждымъ пользовался какъ хозяинъ, старшій въ семействѣ или тотъ изъ сыновей или братьевъ, коему онъ передастъ свое право“. Общественная земля раздѣляется между остающимися на тѣхъ же правахъ, какъ и у переселяющихся. Любопытно отмѣтить, что новымъ поселенцамъ разрѣшалось въ видѣ льготы покупать людей, на томъ же правѣ, какъ купцамъ для фабрикъ по указу 1808 г. и съ тѣмъ, чтобы они дѣлались свободны чрезъ опредѣленное число лѣтъ.

Комитетъ 6 декабря, которому заключеніе Комитета кн. Куракина было передано на обсужденіе, измѣнивъ нѣкоторыя детали и, въ частности, отмѣнивъ право покупки людей, какъ практически невыгодное въ виду его временности, а также противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ и человѣколюбивымъ правиламъ и видамъ правительства, въ общемъ вполнѣ одобрилъ главную его идею. „Мысль приготовлять и мало по малу вводить предполагаемое устройство между поселянами, принадлежащими казнѣ, посредствомъ переселенія ихъ изъ малоземельныхъ губерній въ другія, представляетъ двоякую и въ обоихъ отношеніяхъ

[1]) Журналы Комитета 6-го декабря. Сб. Р. И. О. т. 74. Засѣд. 16 и 19 дек. 1828 г.

великую выгоду. Дѣйствіемъ сей мѣры будетъ, съ одной стороны, постепенное, но однакоже довольно скорое образованіе новаго и, какъ доказываетъ опытъ другихъ державъ, столь полезнаго состоянія земледѣльцевъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, имѣющихъ почти всѣ и въ томъ числѣ всѣ драгоцѣннѣйшія права собственности на обрабатываемую ими землю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прекращеніе вреднаго раздробленія земли на излишне мелкіе участки и происходящей отъ того невѣрности и сего такъ сказать непрестаннаго колебанія въ крестьянскомъ недвижимомъ имуществѣ; съ другой же, что не менѣе важно,—непосредственное облегченіе въ положеніи казенныхъ крестьянъ".

Однако, когда въ Комитетъ 6 декабря былъ представленъ проектъ Комитета кн. Куракина, то не заслужилъ его одобренія и былъ переданъ новообразованному комитету подъ предсѣдательствомъ кн. Кочубея. Въ этотъ послѣдній комитетъ была представлена Сперанскимъ записка съ критикой на проектъ гр. Гурьева, которую мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ, дополнивъ только собственноручными замѣтками Киселева, которыя имѣются на экземплярѣ записки, находящемся въ дѣлахъ V-го отдѣленія.

„Проектъ гр. Гурьева состоитъ кратко въ томъ, чтобъ общественное владѣніе земель обратить въ семейственное, т. е. нынѣшній участокъ земли утвердить въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ наслѣдственно и ввести сіе повсемѣстно. Подати установить по землѣ.

Проектъ сей исполнить трудно (Киселевъ: трудно, почти невозможно, а можетъ быть опасно); но если бы онъ былъ исполненъ, то рѣшилъ бы дѣло въ самомъ его основаніи. Онъ установилъ бы состояніе крестьянъ навсегда и сдѣлалъ бы его состояніемъ дѣйствительно государственнымъ. Возраженія, кои противъ сего проекта доселѣ сдѣланы, относятся болѣе къ побочнымъ обстоятельствамъ, нежели къ существу его. Но есть одно возраженіе, которое, кажется, ничѣмъ разрѣшено быть не можетъ. Крестьяне государственные издревле считали и нынѣ считаютъ земли ихъ землями общественными. Въ семъ понятіи утвердили ихъ писцовыя книги, крѣпости,

тяжбы, судебныя рѣшенія, межевая инструкція, производство самого межеванія по ихъ крѣпостямъ и отводамъ, выдача селеніямъ межевыхъ книгъ и плановъ, кои велѣно считать единственнымъ неоспорнымъ доказательствомъ на право и границы владѣнія, платежъ межевыхъ пошлинъ, самая отрѣзка отъ нихъ земель въ казну по недоказанному общественному владѣнію; самое отобраніе отъ нихъ лѣсовъ и обращеніе ихъ въ казну; самое предположеніе о дополненіи общественныхъ ихъ земель изъ земель казенныхъ — все доселѣ доказывало имъ и утверждало, что есть земли казенныя и земли общественныя, есть право владѣнія казенное и есть право владѣнія общественное, и что сіи права не только различны, но и могутъ быть противоположны, могутъ подлежать тяжбѣ и судебному рѣшенію. (Киселевъ: т. е. казенныя земли въ управленіи казенномъ и казенныя земли въ управленіи или владѣніи общественномъ, но суда и тяжбы съ казной быть не можетъ — ибо надѣлъ и отобраніе земель зависитъ отъ администраціи, т. е. отъ Мин. Финансовъ). При сихъ понятіяхъ о свойствѣ владѣнія перемѣнить существо его и изъ общественнаго вдругъ обратить въ личное или семейственное и наслѣдственное, было бы несправеливо и небезопасно. (Киселевъ: весьма согласенъ и болѣе съ тѣхъ поръ особенно, что на дѣлѣ въ томъ убѣдился). Несправедливо потому, что нельзя отдать лицу и семейству то, что было пріобрѣтено или что было дано цѣлому обществу. Можно самое общество уничтожить и, взявъ земли въ казну, раздать ихъ частнымъ лицамъ по благоусмотрѣнію, но доколѣ общество существуетъ, дотолѣ общественное его право должно остаться въ своей силѣ. Сіе было бы и не безопасно. Извѣстны примѣры, съ какимъ постояннымъ упорствомъ крестьяне защищаютъ кусокъ земли, который считаютъ селенію принадлежащимъ. Что же было бы, если бы вдругъ во всѣхъ концахъ Россіи возродились споры сего рода. (Киселевъ: совершенно справедливо и потому то не слѣдуетъ касаться сего дѣла по предложенію гр. Гурьева и другихъ). Общественное владѣніе было и нынѣ есть во всей Европѣ. Въ самой Англіи есть участки общественныхъ земель. Раздѣлъ ихъ иначе не

производится, какъ по согласію всѣхъ участвующихъ, и приходятъ къ сему не иначе, какъ актомъ парламента. Нѣтъ сомнѣній, что семейственное и наслѣдственное владѣніе представляетъ болѣе выгодъ, нежели общественное. Но ничто не можетъ быть прочно, что несправедливо. (Киселевъ: весь сей параграфъ всегда былъ и будетъ для меня правиломъ необходимымъ). Придетъ время, когда и у насъ, такъ же, какъ и въ другихъ государствахъ, можно будетъ приступить къ сей перемѣнѣ и произвести ее постепенно. Но время сіе еще не пришло; а доколѣ оно не придетъ должно искать средствъ въ самомъ томъ порядкѣ вещей, какой установленъ закономъ, не разрушая того, что есть, и чтобы исправить будущее не отваживая настоящаго".

Мы привели цѣликомъ эту мало извѣстную записку, такъ какъ она при своей краткости интересна какъ для сужденія о той эпохѣ, такъ и для сравненій съ современностью, которыхъ мы, однако, дѣлать не будемъ. Насъ въ этомъ случаѣ интересуетъ любопытное совпаденіе взглядовъ Сперанскаго и Киселева, несмотря на всю ихъ принципіальную разность. Сперанскій аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: земля принадлежитъ обществу на правѣ собственности—поэтому правительство не можетъ вмѣшиваться въ общественный порядокъ землепользованія, какъ бы ни являлось желательнымъ измѣнить его на личный или семейственный. Земля принадлежитъ обществу, какъ юридическому лицу, и потому вмѣшательство въ его внутреннія дѣла частно-правового характера было бы беззаконіемъ. Можно было бы уничтожить это юридическое лицо, но это недопустимо по соображеніямъ политическимъ. Киселевъ исходитъ изъ совер, шенно другихъ основаній. Онъ не согласенъ считать земли, находящіяся во владѣніи крестьянъ ихъ собственностью, напротивъ того, право собственности казны на крестьянскія земли — это основное его положеніе [1]). Оно принципіально

[1]) „Не слѣдовало и не слѣдуетъ, говорилъ онъ, укоренять мысль въ собственности земли крестьянъ. Земля принадлежитъ казнѣ, вотъ главное условіе для преобразованія 17 милліоновъ поселянъ". Истор. обо-

проведено въ учрежденіи 1838 г., которое не различаетъ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ и находящіяся въ непосредственномъ распоряженіи казны; разница только въ способѣ эксплоатаціи; однѣ находятся въ казенномъ управленіи, другія въ общественномъ. Первыя называются запасными, вторыя—податными, т. е. земельную ренту правительство облекаетъ въ форму податного обложенія, именно оброчную подать. Однако это принципіальное различіе не помѣшало Киселеву восторженно соглашаться съ выводами Сперанскаго, вытекающими изъ діаметрально противоположныхъ соображеній! Съ этой эластичностью міровоззрѣнія Киселева, мы еще будемъ имѣть случай познакомиться ближе.

Мы дали нѣсколько характерныхъ указаній на тѣ мнѣнія объ общинномъ порядкѣ, которыя циркулировали въ высшихъ сферахъ управленія въ эпоху, непосредственно предшествующую реформѣ Киселева. На этихъ мнѣніяхъ воспитался Киселевъ, на нихъ онъ выработалъ свои взгляды. Къ сожалѣнію, однако, онъ не обладалъ достаточно крупнымъ государственнымъ умомъ, чтобы обнять вопросъ и дать ему жизненное и вѣрное рѣшеніе. Работа его представляетъ простую компиляцію, малопродуманную и противорѣчивую, разсчитанную на не слишкомъ внимательныхъ читателей, на которыхъ можно произвести эффектъ громкими фразами и тѣмъ затушевать пробѣлы и недосмотры. Была ли это дѣйствительная непродуманность или результатъ „мастерства“—мы не беремся судить. Во всякомъ случаѣ, мы увидимъ, что пока Киселевъ

врѣніе пятидесятил. дѣятельн. Мин. Гос. Им. ч. II, отд. II, стр. 6. Спб. 1888.

Въ своей запискѣ: Общія мысли на составленіе доклада, онъ также однимъ изъ главныхъ началъ почитаетъ „признаніе непоколебимымъ правиломъ, что земля есть принадлежность казны въ пользованіе крестьянъ данная“. Записка эта вшита въ другую рукописную записку Киселева, которая въ томъ же дѣлѣ имѣется въ переписанномъ видѣ. Первая же имѣется только въ оригиналѣ. Дѣло о составленіи проектовъ преобразованія управленія Гос. Им. № 330, т. II.

касается общихъ мѣстъ—онъ передаетъ въ пышномъ и блестящемъ изложеніи тѣ заключенія, которыя онъ вывелъ на основаніи изученія многочисленныхъ матеріаловъ, имѣвшихся въ его распоряженіи; но какъ только онъ хочетъ примѣнить эти выводы къ дѣлу, найти имъ мѣсто въ создаваемой имъ схемѣ устройства государственныхъ крестьянъ—картина мѣняется, мы видимъ сплошное нагроможденіе противорѣчій, и въ концѣ концовъ получается положеніе столь же отличное отъ первоначальныхъ исходныхъ пунктовъ, сколь отличны по существу замѣчанія Киселева отъ соображеній Сперанскаго въ вышеприведенной запискѣ.

Уже на основаніи вышеизложенныхъ отрывковъ изъ предположеній по устройству крестьянъ мы можемъ заключить, что Киселеву общинный порядокъ землепользованія долженъ быть прекрасно знакомъ. Дѣйствительно, такъ и было. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ въ „Изложеніи главныхъ основаній преобразованія управленія государственными крестьянами и имуществами“ [1]): „Внутреннее распредѣленіе земель въ казенныхъ селеніяхъ основано на первоначальномъ правѣ владѣнія. Такъ земли пожалованныя одному или нѣсколькимъ лицамъ, состоятъ въ исключительномъ и постоянномъ ихъ владѣніи; отведенныя цѣлому селенію распредѣляются между семействами самимъ сельскимъ обществомъ [2]). Сіе распредѣ-

---

[1]) Записка эта имѣется въ IV томѣ дѣла о составленіи проектовъ преобразованія управленія гос. кр. № 330.

[2]) Здѣсь неясность мысли. Въ своей рукописной запискѣ Киселевъ говоритъ слѣдующее: „Государственные крестьяне должны имѣть два главныхъ подраздѣленія: поселяне, живущіе на казенныхъ земляхъ и поселяне, живущіе на собственныхъ. Первые имѣютъ землю или въ общественномъ владѣніи или въ частномъ (однодворцы) и обязаны податью и оброкомъ, податью на общемъ основаніи сельскаго податного класса, и оброкомъ, по выгодамъ, получаемымъ отъ владѣемой земли; вторые, т. е. поселяне, живущіе на собственныхъ земляхъ, обязаны одной только податью, которая раскладывается обществомъ на землю“. Мы видимъ, тутъ самъ Киселевъ констатируетъ независимость общинныхъ началъ отъ титула владѣнія. Титулъ этотъ важенъ для вопроса объ оброкѣ и только. Помянутая записка, какъ въ оригиналѣ такъ и

леніе производится послѣ всякаго значительнаго измѣненія числа душъ въ обществѣ и всякій разъ при новой народной переписи. Распредѣленіе земель дѣлается слѣдующимъ образомъ: земли сперва дѣлятся на загоны или классы по плодородію и разстоянію отъ селенія и воды. Каждый загонъ дѣлится на равное число паевъ, сообразно числу работниковъ въ селеніяхъ. Если кому нельзя дать изъ полосы доброкачественной, дается изъ другихъ въ большемъ числѣ паевъ. На семъ распредѣленіи земель располагаются обществами раскладки податей. Каждый домохозяинъ платитъ столько, сколько приходится отъ него по количеству паевъ: богатый болѣе, бѣдный менѣе; вдовы и калѣки не платятъ ничего". Далѣе онъ указываетъ, что участки считаются собственностью обществъ и не могутъ быть никому переуступлены, ни перейти по наслѣдству, но что земли, находящіяся подъ дворами, считаются во владѣніи семейства, доколѣ дворъ существуетъ.

Такимъ образомъ оба коллективныхъ лица крестьянства— община и семейство — извѣстны Киселеву [1])

Какъ же относился Киселевъ къ общинному порядку землепользованія? Мы упоминали уже, что мнѣнія его опредѣлялись главнымъ образомъ тѣми сужденіями, которыя были высказаны по этому вопросу въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ по поводу переустройства быта государственныхъ крестьянъ, но не всегда отличались достаточной принципіальной ясностью и опредѣленностью. Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи онъ считалъ общинное начало безусловно вреднымъ. Въ перечнѣ вопросовъ, составленномъ въ 1836 г. „Комитетомъ, учрежденнымъ на указанныхъ Его

переписанная, имѣется въ Дѣлѣ о составленіи проектовъ т. II № 330. Это и есть та записка, которая упоминалась въ предыдущемъ примѣчаніи.

[1]) Относительно второго, въ другомъ мѣстѣ записки говорится еще слѣдующее: законы гражданскіе не могутъ быть примѣнены въ полномъ составѣ къ государственнымъ крестьянамъ „по множеству обстоятельствъ, отличающихъ бытъ крестьянъ отъ прочихъ свободныхъ сословій, а въ

Императорскимъ Величествомъ основаніяхъ", [1]) который былъ, по свидѣтельству Заблоцкаго-Десятовскаго, почти продиктованъ Киселевымъ и долженъ былъ служить программой его дѣятельности, имѣется пунктъ: „о составленіи семейныхъ участковъ земли для безпремѣннаго владѣнія оными" [2]). На заключеніи Комитета, разсматривавшаго проектъ Гурьева. Киселевъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „право каждому изъ крестьянъ имѣть кусокъ земли въ своемъ селеніи есть, въ политическомъ отношеніи, дѣло весьма важное и предпочтительно быстрому улучшенію хлѣбопашества, которое съ увѣрительностью въ сохраненіи правъ личности и собственности, несомнѣнно само собою воспослѣдуетъ" [3]). Въ 1849 г. онъ указывалъ, что развитію нашего хозяйства вредитъ способъ душевого раздѣла земель, столь вредный для всякаго коренного улучшенія въ хозяйствѣ, но тутъ же оговаривается, что онъ имѣетъ и свою выгоду въ отношеніи устраненія пролетаріата, и потому составляетъ вопросъ, котораго рѣшеніе выходитъ изъ предѣловъ чисто экономическихъ [4]). Та же коллизія экономическихъ и политическихъ соображеній проявляется и въ оффиціальной запискѣ Киселева, излагающей главныя основанія преобразованія. Указывая на то, что семейственное наслѣдственное пользованіе землей лучше общественнаго, онъ, однако, приходитъ къ заклю-

---

особенности по совершенно различному составу семействъ и ограниченію раздѣловъ". „Семейства составляются изъ отца, сыновей и внуковъ, иногда и изъ дяди и племянниковъ, иногда изъ двоюродныхъ братьевъ. Въ первомъ случаѣ отецъ, конечно, можетъ располагать движимой собственностью въ домѣ на общемъ правѣ, но въ послѣднемъ, когда собственность сія пріобрѣтена общимъ трудомъ разныхъ членовъ семейства, вопросъ о порядкѣ отчужденія недвижимой собственности требуетъ многихъ поясненій и примѣненій къ сельскому быту". Здѣсь, хотя и не въ совсѣмъ ясныхъ выраженіяхъ, дается характеристика трудового начала крестьянской семьи.

[1]) Какъ извѣстно, комитеты, касавшіеся крестьянскаго вопроса, на оффиціальномъ языкѣ упоминались подъ псевдонимами.

[2]) Забл.-Десят. Op. cit, т. II, стр. 15—16.

[3]) Ист. обозр. пятидес. дѣятельн. Мин. Гос. Им., ч. II, отд. II, стр. 5.

[4]) Забл.-Дес. Op. cit., т II, стр. 199.

ченію, что „едва ли удобно для выгодъ земледѣлія разрушать вѣковую систему общественнаго пользованія землей, которая если и имѣетъ свои недостатки, то съ другой стороны, бывъ основана на коренныхъ обычаяхъ народа и тѣсно соединена съ сельскимъ его бытомъ, упрочиваетъ самый составъ внутренняго сельскаго управленія, уравниваетъ состояніе поселянъ, распредѣляя участки соразмѣрно съ способами и силами каждаго домохозяина и образуя изъ сельскихъ обществъ какъ бы одно большое семейство, котораго члены связаны между собой условіемъ общественнаго распоряженія землею".

Такимъ образомъ Киселевъ, признавая общинное начало вреднымъ, принужденъ былъ считаться съ цѣлымъ рядомъ соображеній, „выходящихъ изъ предѣловъ чисто экономическихъ", которыя и заставили его отказаться отъ открытой и принципіальной борьбы съ общиной. Соображенія эти были слѣдующія. Во-первыхъ, община существовала исконн и трогать ее, какъ мы видѣли изъ замѣтокъ Киселева на записку Сперанскаго, онъ считалъ весьма небезопаснымъ. Во-вторыхъ, община служила гарантіей противъ возникновенія пролетаріата. Въ-третьихъ, и это какъ мы увидимъ впослѣдствіи самое главное соображеніе— Киселевъ нуждался въ общественной организаціи крестьянъ, а древніе общинные обычаи ихъ служили прекраснымъ цементомъ, спаивавшимъ и дававшимъ жизнь ихъ общественнымъ союзамъ. Наконецъ, была и еще одна причина, заставлявшая цѣнить и беречь общину. Это роль ея въ податномъ дѣлѣ. На этомъ послѣднемъ соображеніи мы остановимся сейчасъ немного подробнѣе.

Крестьянскій міръ въ податномъ дѣлѣ играетъ двоякую роль. Съ внѣшней стороны, онъ представляетъ естественную единицу, на которую правительство возлагаетъ круговое ручательство въ исправномъ несеніи податей и повинностей. Круговая порука не стоитъ ни въ какой логической и необходимой связи съ общиннымъ порядкомъ землепользованія: она можетъ быть возложена съ такимъ же успѣхомъ (теоретически) и на комплексъ личныхъ или семейственно-на-

слѣдственныхъ собственниковъ. Но практически союзъ, связанный общиннымъ началомъ, конечно лучше гарантируетъ функціонированіе круговой отвѣтственности, такъ какъ тѣснѣе соединяетъ своихъ членовъ и даетъ возможность вліять на имущественное положеніе ихъ, такъ что въ этомъ отношеніи зависимость круговой поруки отъ общиннаго начала существуетъ. Однако, Киселевъ мало обращалъ вниманія на эту сторону. Какъ мы видѣли, первое время онъ находилъ возможнымъ пренебрегать той помощью, которую правительство всегда искало въ отвѣтственности крестьянскихъ обществъ за податную исправность своихъ членовъ. Правда, это продолжалось очень недолго: взгляды его по этому вопросу раздѣлили участь многихъ другихъ, т. е. рѣзко измѣнились, но въ эпоху образованія положенія 1838 г. онъ податную роль общинныхъ порядковъ связывалъ съ другой мірской функціей—именно съ внутренней раскладкой сборовъ.

Переложеніе податей съ душъ на землю было одной изъ главныхъ задачъ реформаторской дѣятельности Киселева. Отсюда ясно то значеніе, которое онъ долженъ былъ придавать раскладкѣ податей мірскимъ обществомъ, которая вносила индивидуализацію и уравнительныя начала въ грубый подушный счетъ. Въ запискѣ, излагающей главныя начала преобразованія, онъ прямо говоритъ, что „правительство поощряло старый обычай дѣлить общественныя земли на полосы по числу работниковъ и сообразно пространству, получаемому въ надѣлъ семействамъ, раскладывать лежащіе на селеніи сборы, дабы такимъ образомъ незамѣтно перевести подати съ душъ на землю“.

Въ одной болѣе ранней рукописной запискѣ онъ болѣе подробно останавливается на этомъ вопросѣ [1]). Если Киселевъ находилъ непосраведливымъ подушное обложеніе государственными сборами, хотя бы для опредѣленія оклада по цѣлымъ группамъ, то уже совершенно абсурднымъ должно было представляться исчисленіе по душамъ оброчной подати, на которую Киселевъ смотрѣлъ, какъ на плату за

[1]) Вышеупомянутая рукописная записка. См. выше стр. 143 пр. 2.

принадлежащую казнѣ землю, находящуюся въ пользованіи крестьянъ. Однако, желая ввести уравнительность въ распредѣленіи оброка, онъ тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ имѣть дѣло съ цѣлыми селеніями, а не съ отдѣльными плательщиками въ виду слѣдующихъ соображеній. „Оцѣненіе земель, пишетъ онъ, производится по цѣлой общинѣ (или сходу), предоставивъ частную раскладку самимъ поселянамъ, потому что: a) всякая рѣзкая перемѣна можетъ удалить отъ предполагаемой цѣли; b) что если въ видахъ хлѣбопашества настоящее раздѣленіе угодьевъ представляетъ нѣкоторыя неудобства, то въ отношеніи уравнительности ничего лучшаго предположить не можно, какъ сіе излагается въ особомъ объясненіи; c) что душевые участки принимаются токмо для раздѣла земель, но что въ существѣ они составляютъ семейныя хозяйства, не равныя, какъ тягловыя помѣщичьи, но сообразныя со способами каждаго хозяйства; d) что право каждаго на часть общественной земли сохраняетъ свойственное поселянамъ равенство, связь семейную, на обоюдныхъ и существенныхъ выгодахъ основанную, ибо не только не имущій родственниковъ, но посторонній сирота приноситъ собою право на душевой участокъ земли; e) что всякое другое раздѣленіе земель составитъ многочисленный и не выгодный классъ бобылей и батраковъ; f) что если, какъ сіе видимъ въ другихъ странахъ, богатство будетъ удѣломъ нѣкоторыхъ, то нищета постигнетъ всѣхъ прочихъ; g) что раздѣленіе земель на постоянные участки несетъ за собой насильственное переселеніе столько же несправедливое, какъ и неудобоисполнительное; h) что самый климатъ какъ и свойство промышленности большого числа — не допускаетъ возможности раздѣлить поселянъ на исключительныхъ хлѣбопашцевъ и исключительныхъ ремесленниковъ; i) что по всѣмъ симъ причинамъ и многимъ другимъ я полагаю, что оцѣненіе земель должно совершаться по цѣлымъ селеніямъ, а частное раздѣленіе угодій и раскладка повинностей предоставлены быть самимъ поселянамъ — что душевые участки не только не вредны, но во многихъ отноше-

ніяхъ полезны и должны быть сохранены тамъ, гдѣ они сдѣлались привычными и по убѣжденію необходимыми".

Итакъ, ходъ мыслей Киселева таковъ: желательно переложить оброкъ съ душъ на земли, но какъ это сдѣлать? Если взять за единицу отдѣльныя хозяйства, то надо вступить въ борьбу съ общиннымъ началомъ, съ передѣлами, по какому принципу они бы ни дѣлались. Вопросъ переходитъ на сравнительную оцѣнку общиннаго и индивидуальнаго порядка владѣнія землей, которая и сводится къ побѣдѣ общиннаго начала. Уравненіе должно происходить не между отдѣльными хозяйствами, а между коллективными единицами—общинами, которымъ уже предоставляется распредѣленіе земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раскладка сборовъ. Такимъ образомъ, Киселевъ мыслитъ раскладку совокупно съ общиннымъ началомъ и его передѣлами, считаетъ ее необходимымъ спутникомъ общественнаго распредѣленія земель. Такая концепція раскладки возбуждаетъ большія сомнѣнія: возникаетъ вопросъ (который мы здѣсь не будемъ рѣшать), насколько она правильно передаетъ дѣйствительныя бытовыя отношенія. Въ частномъ случаѣ разсужденія Киселева могутъ быть правильны. Предположимъ общину, все благосостояніе членовъ которой опредѣляется ихъ земельнымъ надѣломъ Въ этомъ случаѣ община, распредѣляя земли и раскладывая сообразно надѣлу земли, достигнетъ идеала уравнительности, и вся задача правительства можетъ быть дѣйствительно сведена къ уравненію сборовъ между общинами. Но это лишь частный, хотя можетъ быть и частый, случай. Если же члены общины имѣютъ другія средства обогащенія, кромѣ земли, то переложеніе податей на землю не будетъ никоимъ образомъ носить уравнительный характеръ. Если бы распредѣлялся одинъ оброкъ, тогда другое дѣло, но разъ имѣются въ виду всѣ сборы, — а Киселевъ въ концѣ концовъ имѣлъ въ виду имнно всѣ сборы — то переложеніе ихъ на землю, будучи, конечно, болѣе справедливымъ, чѣмъ подушное обложеніе, все же далеко не будетъ тѣмъ способомъ, лучше котораго, по мнѣнію Киселева, ничего и предположить не можно. Киселевъ въ упомянутой запискѣ говоритъ о переложеніи по-

дати на землю; впослѣдствіи рѣчь будетъ идти уже о приведеніи налоговъ въ соразмѣрность съ выгодами, получаемыми отъ земель и промысловъ. А разъ такъ, то какая же связь уравнительной раскладки съ передѣлами земли?

Мы не будемъ входить въ обсужденіе этого вопроса по существу, отмѣтимъ только, что считаемъ связыванье общинныхъ порядковъ съ раскладкой принципіально неправильнымъ, хотя бы въ частномъ случаѣ такая связь было въ дѣйствительности: раскладку скорѣе можно сопоставлять съ круговой порукой, какъ внутреннее слѣдствіе тої податной автономности, которая создается въ силу возложенія отвѣтственности за податную исправность на цѣлыя общественныя группы. Раскладка элементъ не общинной въ спецпфическомъ смыслѣ этого слова, а общественной жизни. Не будемъ мы также входить въ разсмотрѣніе дѣятельности Киселева по переложенію податей на землю и промыслы и всѣ перепитіи предпринятаго имъ кадастра. Намъ важно было выяснить взгляды Киселева на общину. Мы узнали, что онъ наравнѣ съ общинными порядками и въ связи съ ними весьма цѣнилъ и придавалъ значеніе раскладкѣ сборовъ обществами. Хотя онъ разсуждалъ, по нашему мнѣнію, и неправильно, считая раскладку элементомъ земельной общины, но для насъ важно, что онъ констатировалъ и освятилъ ея существованіе и тѣмъ самымъ призналъ одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ функцій крестьянскаго міра. Къ обозрѣнію взглядовъ Киселева на крестьянское самоуправляющееся общество мы сейчасъ и перейдемъ, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя Киселевъ предпринялъ въ борьбѣ съ общиннымъ началомъ землепользованія, и тѣмъ заключимъ нашъ экскурсъ въ область внутренней мірской жизни.

Мы видѣли, что несмотря на вредъ, причиняемый общинными порядками, они были сохранены по соображеніямъ высшаго порядка. Бороться съ ними Киселевъ считалъ нужнымъ, но лишь скромными и постепенными мѣрами, подсказанными ему его предшественниками. Такой мѣрой было

переселеніе [1]). Трогать общину, хотя бы и съ разрѣженнымъ путемъ переселенія населеніемъ, какъ предполагали до него, онъ не рѣшался; но новыхъ поселенцевъ онъ предполагалъ (въ Изложеніи главныхъ основаній преобразованія) устраивать на отдѣльныхъ семейныхъ участкахъ, отдаваемыхъ въ вѣчное семейственное пользованіе „въ видѣ особаго хутора“. „Хозяйство же сего рода, замѣчалъ онъ, имѣетъ всѣ преимущества предъ хозяйствомъ черезполоснымъ, каковыми по необходимости должны бы быть семейственные участки въ старыхъ селеніяхъ“. Участки такіе не могли быть ни заложены, ни проданы; передавались они по наслѣдству, не раздробляясь, со всѣмъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи Киселевъ сдѣлалъ попытку привести эти мѣры въ исполненіе. 8 апрѣля 1843 г. (П. С. З. № 16718) М-ру Гос. Им. было предоставлено право назначать при переселеніи вмѣсто душевого надѣла семейные участки. Указомъ 9 декабря 1846 г. это право было расширено... „Въ губерніяхъ

---

[1]) Вотъ что говоритъ о переселеніи записка Киселева, находящаяся въ II томѣ Дѣла о составленіи проектовъ по преобразованію Упр. Гос. Им. „Переселеніе должно быть всегда вольное и полезное въ двухъ отношеніяхъ,—для поселянъ переселяющихся и для поселянъ остающихся. Первые, получая земли и льготы, могутъ уже быть водворены на семейныхъ наслѣдственныхъ участкахъ; послѣдніе—воспользоваться остающимися землями для болѣе правильнаго между собой раздѣленія оныхъ. Въ семъ видѣ желательно пріохотить правами и выгодами богатѣйшихъ, т. е. исправнѣйшихъ крестьянъ, дабы вновь обрабатываемыя земли пали въ удѣлъ людямъ попечительнымъ и могущимъ собственными способами преодолѣть тягости и издержки переселенія, тогда какъ бѣднѣйшіе поселяне, на своихъ грунтахъ остающіеся, въ самомъ умноженіи оныхъ найдутъ возможность или будутъ обязаны исправить состояніе свое На семъ основаніи желательно переселенія совершать первоначально на оброчныя статьи, могущія оставаться отъ замежеванія таковыхъ въ селеніяхъ, и затѣмъ уже приготовить удобныя для переселенія земли въ губерніяхъ, къ тому предназначенныхъ, какъ о семъ было сказано въ первой моей запискѣ. Полезно было бы крестьянъ, имѣющихъ крѣпостныя земли, переселять на оныя съ общественныхъ; таковое однако переселеніе одной или нѣсколькихъ семей на крѣпостныя земли не иначе можетъ быть допускаемо, какъ по увѣренію, что на каждую семью имѣется не менѣе 20 десятинъ“.

Великороссійскихъ и Новороссійскихъ, говоритъ этотъ указъ, между государственными крестьянами существуетъ общественный порядокъ пользованія отведенными землями, сущность котораго состоитъ въ правѣ каждаго крестьянина на равный участокъ земли со всѣми прочими односельцами". Необходимое послѣдствіе этого — дробные и безпрерывные передѣлы. Невыгоды подобнаго порядка вещей извѣстны всякому: во-первыхъ, они ведутъ къ тому, что „крестьяне не имѣютъ ни охоты, ни выгоды обрабатывать съ должнымъ раченіемъ" свои земли и, во-вторыхъ, создаютъ черезполосицу. Мысль о вредѣ передѣловъ была давно въ виду правительства и уже въ концѣ прошлаго столѣтія встрѣчаются нѣкоторыя распоряженія, клонящіяся къ отвращенію частыхъ передѣловъ земли. Въ наказѣ Министру Гос. Им. эта цѣль указана положительно и, наконецъ, указомъ 1843 г. Министру было дано право назначать при переселеніи семейные участки. Теперь такое же право дается и относительно старожиловъ, выселяющихся на сосѣднія оброчныя казенныя статьи или на такія земли, которыя хотя и отданы уже въ пользованіе селеніямъ, но по отдаленности представляютъ неудобства для обработки. Каждый семейный участокъ предоставляется въ пользованіе одного домохозяина. Самый участокъ и инвентарь, внесенный въ опись, нераздѣльно переходятъ къ наслѣднику, по закону или по завѣщанію. Все прочее имущество подлежитъ раздѣлу между наслѣдниками на основаніи общихъ законовъ и мѣстныхъ обычаевъ. Является ли пользованіе личнымъ или семейственнымъ—на это прямыхъ указаній нѣтъ. Неисправные хозяева отдаются въ опеку и участокъ ихъ передается старшему наслѣднику „поелику земля, составляющая семейные участки, есть собственность казны".

Правила эти не получили сколько-нибудь значительнаго распространенія и были отмѣнены въ 1867 г. [1]).

---

[1]) Смотри „Обозр. 50-лѣтн. дѣятельн. Мин. Гос. Им.", ч. II, отд. II, стр. 14—16, и Ходскій, „Земля и земледѣлецъ", т. II.

Глава VII.

Мы видѣли, что однимъ изъ главныхъ аргументовъ, убѣдившихъ Киселева въ необходимости сохраненія общиннаго порядка землепользованія, была та связь, которую она устанавливаетъ между членами общины.

Дѣло въ томъ, что Киселевъ цѣнилъ крестьянскія общественныя связи и считалъ необходимымъ ихъ поддерживать. Это утвержденіе покажется невѣроятнымъ для всякаго, кто ознакомился съ попечительнымъ управленіемъ, созданномъ Киселевымъ, и его структурой, но уже таково было свойство міросозерцанія творца положенія 1838 г.: въ немъ уживались рядомъ другъ съ другомъ самыя непримиримыя противорѣчія. Съ одной стороны онъ хочетъ попечительствовать, руководить населеніемъ до мелочей, но это не мѣшаетъ ему мечтать и говорить о сохраненіи и возстановленіи исконнаго самоуправленія, совершенно не замѣчая, что онъ хочетъ совмѣстить несовмѣстимое.

Всю ненормальность дореформеннаго самоуправленія онъ понимаетъ прекрасно, онъ осуждаетъ фискальную политику правительства, онъ объективно констатируетъ всю немощность самоуправленія и вѣрно разбирается въ ея причинахъ. Вотъ, напримѣръ, блестящая картина, вышедшая изъ-подъ его пера: „Древняя и самая естественная связь общества есть общественная земля, на ней основывается хозяйственный бытъ крестьянина, по ней опредѣляются всѣ обязанности его къ правительству. Но настоящее образованіе сельскихъ обществъ ни мало не согласовано съ владѣніемъ землей, ни въ пятисотныхъ участкахъ по взиманію податей, ни въ тысячныхъ по рекрутской повинности. Сверхъ того, первое установленіе имѣетъ единственно финансовую цѣль— удобный способъ сбора, а второй — удобное отправленіе рекрутства. Между тѣмъ сіе дѣленіе однихъ и тѣхъ же селеній на два разныхъ состава и даже на три, если прибавить къ сему приписку къ запаснымъ сельскимъ магазинамъ, подвергаетъ крестьянъ дѣйствію различныхъ властей, увеличи-

ваетъ мірскіе расходы на ихъ содержаніе, разрушаетъ необходимое единство въ дѣйствіяхъ управленія, не говоря уже о случаяхъ, въ коихъ весьма часто одно селеніе раздѣляется на два разныхъ участка [1])". Въ этихъ словахъ заключается совершенно вѣрная оцѣнка тогдашняго крестьянскаго quasi-самоуправленія и совершенно правильно отмѣчаются причины его несостоятельности—искусственность, вызванная фискальными мотивами центральной власти, желавшей создать на крестьянскій счетъ нужные органы исполнительной власти и такимъ образомъ губившей крестьянскій земельно-сосѣдскій міръ.

Этотъ міръ, распредѣляющій земли и раскладывающій подати, былъ прекрасно извѣстенъ Киселеву. Онъ считалъ его древне-народнымъ учрежденіемъ, составляющимъ краеугольный камень крестьянской общественной жизни, которое надо беречь и развивать, освобождая отъ тѣхъ внѣшнихъ наростовъ, которые низвели его до современнаго незавиднаго его положенія. Въ одной собственноручной запискѣ [2]), гдѣ Киселевъ указываетъ главныя начала своего преобразованія, на первомъ мѣстѣ стоитъ „сохраненіе обычнаго для русскаго народа сельскаго общественнаго управленія съ тѣми измѣненіями, которыя оказываются необходимыми", а дальше отмѣчается необходимость „перемѣщенія податей на землю по соразмѣрности способовъ, коими обладаетъ каждое селеніе, съ предоставленіемъ частной раскладки податей самимъ поселянамъ". По поводу перваго „начала" далѣе говорится „Всякое рѣзкое измѣненіе въ постановленіяхъ, вошедшихъ въ привычный обычай народа, должно совершаться съ особенной осторожностью и паче въ отношеніи класса мало или вовсе необразованнаго. Примѣненіе иностранныхъ распорядительныхъ узаконеній къ управленію нашихъ крестьянъ едва ли можетъ быть допущено; несогласныя ни съ правомъ, ни съ обычаями, ни съ мѣрой ихъ просвѣщенія, они худо укоренятся въ понятіи тѣхъ, для коихъ будутъ

[1]) Изложеніе главныхъ основаній преобразованія управленія государственными крестьянами и имуществами. Арх. V. отд. № 330, т. IV.

[2]) Общія мысли на составленіе доклада. См. выше стр. 141, пр. 1.

изданы, и потому и представляются нововведеніемъ болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Итакъ, остается изъ собственныхъ узаконеній избрать и сохранить удобнѣйшія, измѣнить или дополнить неудобоисполнительныя и во всѣхъ нововведеніяхъ согласоваться съ разумомъ общаго устройства, не разрушая, но усовершенствуя настоящее".

Послѣ этихъ принципіальныхъ положеній Киселевъ болѣе подробно опредѣляетъ предполагаемое имъ крестьянское общественное устройство. „По симъ то увѣреніямъ, продолжаетъ записка, въ первыхъ двухъ инстанціяхъ, т. е. въ управленіи селеній или общины сохраняется настоящій на выборахъ основанный порядокъ—но при семъ мірскіе сходы учреждены на особомъ основаніи — должности распредѣляются съ большей точностью, судная часть устрояется приуготовительно для возможности со временемъ отдѣленія отъ распорядительной — наконецъ, самая община (commune) получаетъ, какъ первая административная и хозяйственная единица, начальную положительность, которая представитъ со временемъ возможность изъ двухъ сельскихъ инстанцій составить одну уничтоженіемъ волостного еще до сихъ поръ необходимаго управленія. Общій характеръ двухъ сихъ инстанцій можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: сельскій приказъ—есть чисто исполнительный, волостной — есть распорядительный и судный. Сельскій приказъ подлежитъ установить такимъ образомъ, чтобы изъ волостного переводя въ окружное двухъ засѣдателей, можно было при первой возможности уничтожить малополезное Волостное Правленіе".

Мы видимъ, что какъ только Киселевъ сходитъ съ принципіальной почвы, онъ обнаруживаетъ полную неясность мысли. Община—міръ, селеніе, о которомъ онъ раньше говорилъ, и то учрежденіе, которое онъ описываетъ въ послѣднихъ строкахъ, имѣютъ весьма мало общаго. Какъ можетъ міръ имѣть двѣ инстанціи? Какъ можетъ община, большею частью незначительное селеніе, замѣнить волостное правленіе и создать административное дѣленіе? Какимъ образомъ община—этотъ автономный союзъ, можетъ характеризоваться, какъ инстанція чисто исполнительная, въ противоположность

распорядительной и судной волостной инстанціи? Тутъ очевидное недоразумѣніе: на мѣсто общины подставлена совсѣмъ другая величина, не единица крестьянскаго самоуправленія, а низшая инстанція управленія крестьянами, „сельскій приказъ“, какъ нечаянно проговорился самъ Киселевъ.

Эта спутанность мысли переходитъ и въ „Изложеніе главныхъ основаній преобразованія“, въ которомъ устройство сельскихъ обществъ, какъ стала называться низшая крестьянская инстанція, описывается слѣдующимъ образомъ. При устройствѣ сельскихъ обществъ важна земельная связь, удобство въ пользованіи угодьями и пр.; число членовъ должно быть достаточно велико для выбора должностныхъ лицъ; общества не должны быть слишкомъ раздроблены, дабы не затруднять правительственнаго надзора; по возможности рекомендуется соблюдать норму 1000—1500 душъ м. п. и не раздроблять селеній между разными обществами. Ограничить составъ общества извѣстнымъ количествомъ земли нельзя, такъ какъ это зависитъ отъ мѣстныхъ условій. „Посему въ проектѣ относительно земельныхъ дачъ приняты въ основаніе три главныхъ условія: 1) чтобы каждое селеніе, обращается ли оно одно въ общество или входитъ въ составъ его вмѣстѣ съ другими, удерживало при себѣ всѣ земли, въ пользованіи его находящіяся; 2) чтобы селенія, пользующіяся нынѣ землями совокупно, не были по возможности раздѣляемы между разными обществами и 3) чтобы дачи одного общества представляли для поселянъ удобство пользованія землей и угодьями и не были расположены на такомъ протяженіи, которое по обширности своей не было бы сподручно для полицейскаго и хозяйственнаго надзора“. На основаніи этихъ соображеній „каждое большое селеніе, отдѣльно замежеванное, хотя бы оно и заключало болѣе 1500 рев. д., должно составлять одно сельское общество. Выселки и небольшія деревни, имѣющія общее съ таковымъ селеніемъ пользованіе землей или представляющія удобности къ совокупному замежеванію, включаются въ составъ одного съ нимъ общества. Селенія малолюдныя, расположенныя на большомъ протяженіи, но имѣющія общее владѣніе

землей, вводятся въ составъ одного общества. Селенія равномѣрно малолюдныя, но коихъ земли особо за каждымъ замежеваны, могутъ быть соединены въ нѣсколько обществъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы изобилующія угодьями одного рода и нуждающіяся въ другихъ угодьяхъ, совокуплены были въ общества съ тѣми. у которыхъ, напримѣръ, въ первыхъ недостатокъ, а въ послѣднихъ избытокъ, если впрочемъ уравненію сему не воспрепятствуетъ мѣстное положеніе (?). Равнымъ образомъ, для удобства управленія соединяются въ одно общество или болѣе, смотря по числу обывателей и протяженію дачъ, и тѣ изъ малоземельныхъ казенныхъ селеній, коихъ земли пересѣкаются посторонними владѣніями. Но селеніе, отдѣленное отъ прочихъ большимъ пространствомъ и несподручное для присоединенія къ сосѣдственнымъ обществамъ, не взирая на малолюдность, должно по необходимости составить одно сельское общество. Если въ таковыхъ селеніяхъ находится менѣе 70 домохозяевъ, то допускается нѣкоторое уменьшеніе въ составѣ сельскаго управленія".

Для насъ ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о двухъ совершенно разныхъ предметахъ—о земельно сосѣдской общинѣ и о низшей единицѣ административнаго управленія крестьянами, при чемъ вторая не совпадаетъ съ первой, объединяя иногда нѣсколько общинъ. Однако, Киселевъ не различаетъ этихъ двухъ понятій, и это ведетъ ко всевозможнымъ противорѣчіямъ. Почему нужно соблюдать удобство пользованія землями и угодьями въ дачахъ сельскихъ обществъ, когда оно можетъ объединять нѣсколько общинъ? Почему при соединеніи нѣсколькихъ общинъ въ одно сельское общество, обращается вниманіе на надѣленіе ихъ угодьями — развѣ создается новый частно-правовой союзъ, уничтожающій автономность отдѣльныхъ входящихъ въ его составъ общинъ? Киселевъ не видитъ или не хочетъ видѣть этихъ противорѣчій. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ существовать, и если эти постановленія были бы проведены въ жизнь, то это означало бы не возстановленіе и очищеніе общины, и даже несозданіе рядомъ и надъ общиной спеціальной ин-

станціи „для удобства управленія“, а просто-на-просто уничтоженіе прежней общины, съ передачей ея земельныхъ правъ новому административному образованію. Вотъ къ какимъ неожиданнымъ результатамъ приходитъ Киселевъ, исходя изъ совершенно правильныхъ принципіальныхъ положеній!

При этомъ, надо замѣтить, полное несоотвѣтствіе между основаніями и выводами не являетъ никакихъ слѣдовъ какого-либо подобія эволюціи взглядовъ — оно проявляется въ одномъ и томъ же актѣ и, повидимому, совсѣмъ не сознается авторомъ. Та же записка, излагающая основныя начала преобразованія, которая говорила о необходимости поддержать исконное общинное самоуправленіе крестьянъ, которая такъ правильно критиковала существующее ненормальное положеніе крестьянской общественной жизни, та же записка, путемъ постепенной подстановки понятій, не только создаетъ новую, аналогичную прежнимъ, административную инстанцію, но и въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ констатируетъ лишеніе общины ея правъ въ пользу этой новой единицы. „Сельскія общества, говоритъ записка, суть установленія административныя; каждое изъ нихъ составляетъ хозяйственную единицу. Земли общества, сколькимъ бы селеніямъ ни принадлежали, должны быть замежеваны въ одну окружную межу и подлежатъ общей оцѣнкѣ; поземельная подать и прочіе казенные и общественные платежи по проекту налагаются на общество, а не отдѣльно на селенія; разверстка же между сими послѣдними представляется сельскому обществу безъ всякаго участія властей. Такимъ образомъ селенія, такъ сказать, исчезаютъ для правительства въ составѣ обществъ“. При надѣленіи землей, говорится дальше, принимается во вниманіе количество земли всего общества, „единицей принимается общество, а не селенія, внутреннее уравненіе селеній между собой предоставляется на волю самихъ обществъ“. Такимъ образомъ, наравнѣ съ торжественнымъ утвержденіемъ общины, констатировалось, если не уничтоженіе ея, то, во всякомъ случаѣ, ея capitis deminutio.

Получился этотъ неожиданный результатъ слѣдующимъ образомъ. Киселевъ считалъ совершенно необходимымъ — мы скоро узнаемъ для чего—сохранить общественную жизнь крестьянъ, далѣе онъ особенно цѣнилъ общинный порядокъ землепользованія, какъ связующій элементъ, объединяющій крестьянъ въ одно общественное цѣлое. Въ силу этого онъ признавалъ нужнымъ сохранить неприкосновеннымъ крестьянскую общину, сдѣлавъ ее исходнымъ пунктомъ всего устройства государственныхъ крестьянъ. Но существующая община-селеніе была часто слишкомъ мала, она совершенно не соотвѣтствовала требованіямъ административнаго удобства, правительство фактически не могло возложить административныя функціи на отдѣльныя селенія-міры, вслѣдствіе слишкомъ разныхъ и часто ничтожныхъ ихъ размѣровъ. Если правительство желало во что бы то ни стало имѣть исполнительные органы на крестьянскій счетъ, то оставалось лишь слѣдовать прежней политикѣ правительства и создавать спеціально административные крестьянскіе органы для управленія крестьянами, не трогая общину. Но такую политику Киселевъ считалъ непозволительною. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ оставляетъ въ силѣ всѣ свои разсужденія о крестьянской общинѣ, но когда рѣчь идетъ о практическомъ проведеніи въ жизнь новаго устройства, онъ подставляетъ вмѣсто общины новую величину, диктуемую административными удобствами, и нисколько не безпокоится о распутаніи тѣхъ недоумѣній и противорѣчій, которыя возникаютъ при такомъ упрощенномъ способѣ дѣйствій. Неразрѣшимый конфликтъ между задачами управленія и самоуправленія, проходящій чрезъ весь разсмотрѣнной нами періодъ исторіи, споръ между міромъ и сельскимъ приказомъ онъ рѣшаетъ до крайности просто: полнымъ игнорированіемъ перваго и приписываніемъ его общественной физіономіи сельскому приказу. Повторяется эпизодъ съ волостнымъ обществомъ, но въ гораздо худшихъ формахъ. Тамъ волости приписывались несуществующія общественныя черты, но этимъ непосредственно не затрагивались права міра, который продолжалъ свое самостоятельное существованіе.

Здѣсь же общественныя и общинныя черты приписываются сельскому обществу въ ущербъ общинѣ, она экспропріируется въ пользу сельскаго приказа. Итакъ, записка Киселева, проектировавшая возстановленіе сельской общины, на самомъ дѣлѣ подписывала ей смертный приговоръ!

Однако, рѣшительность покинула Киселева, когда отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу и въ самомъ законѣ 38 г. община была поставлена въ немного лучшія условія, чѣмъ можно было бы думать на основаніи записки. Она, къ счастью, не нашла себѣ мѣста въ схемѣ Киселевскихъ учрежденій, но внѣ ихъ получила прекарное право на существованіе. Можно ли было ожидать такого результата на основаніи первоначальныхъ заявленій Киселева!

Несообразность и противорѣчивость разобранныхъ нами разсужденій бросается читателю въ глаза, но въ то время онѣ оставались незамѣченными или, по крайней мѣрѣ, неотмѣченными. Одно только мнѣніе намъ извѣстно, которое посмотрѣло въ корень вопроса и разобралось въ немъ по существу. Оно настолько замѣчательно, что на немъ стоитъ остановиться.

Когда, послѣ приведенія въ дѣйствіе учрежденія 1838 г., обнаружилась вся сложность и громоздкость его, возникли предположенія объ упрощеніи его. Между прочимъ, Киселевъ, проѣзжая чрезъ Тулу, поручилъ тамошнему Комитету для разсмотрѣнія предположеній о взысканіи недоимокъ съ государственныхъ крестьянъ разсмотрѣніе этого вопроса. Комитетъ этотъ представилъ записку, заключающую совершенно вѣрную оцѣнку того недоразумѣнія, которое лежало въ основѣ устройства общественной жизни крестьянъ согласно учрежденію 1838 г. [1]). Комитетъ предлагалъ замѣнить волостную и сельскую инстанцію одной, средней между ними по размѣрамъ, отъ 2—3 тыс. душъ м. п. Указывая на то, что и существующее сельское общество, хотя оно и меньше предполагаемаго имъ, „не могло произвести сліянія хозяйственныхъ выгодъ между селеніями и деревнями, часто не имѣющими ничего

[1]) Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. Арх. V. отд. № 422.

общаго", Комитетъ отмѣчалъ тѣмъ большую невозможность придать хозяйственныя функціи новому административному дѣленію, отличающемуся еще большими размѣрами. Поэтому, Комитетъ, присвояя новой единственной инстанціи характеръ исключительно административный, предлагаетъ всю хозяйственную жизнь концентрировать въ общинѣ: для сего образуется, какъ чисто хозяйственная единица, мірской сходъ изъ домохозяевъ селеній, отдѣльно владѣющихъ землей, въ компетенцію коего входитъ: 1) раскладка податей и натуральныхъ повинностей и назначеніе денежныхъ сборовъ на мірскія нужды; 2) увольненіе крестьянъ въ другія сословія и для переселенія; 3) пріемъ лицъ въ свое селеніе или сословіе; 4) назначеніе опекуновъ; 5) раздѣлъ земель; 6) совѣщаніе и постановленіе о мірскихъ оброчныхъ статьяхъ; 7) разсмотрѣніе нуждъ, составленіе просьбъ по предметамъ, относящимся къ данному селенію или деревнѣ, и выдача довѣренностей по дѣламъ сего рода. Этой чисто хозяйственной единицѣ не присвояется административнаго значенія и даже званія общества.

Это мнѣніе Тульскаго Комитета показываетъ ясное пониманіе дѣйствительности, пониманіе того, что лучшее, что можетъ сдѣлать правительство для сохраненія жизнеспособности общины—это оставить ее въ покоѣ и не навязывать ей административныхъ исполнительныхъ функцій. Понимаетъ Комитетъ и то, что нельзя навязывать хозяйственныя функціи чисто административнымъ дѣленіямъ управленія крестьянами. Онъ смотритъ дѣйствительности прямо въ глаза: если правительство желаетъ имѣть исполнительные органы на крестьянскій счетъ, то нужно называть вещи своими именами, не смѣшивая принциповъ управленія и самоуправленія и не принося послѣднее въ жертву перваго. Нужно отдѣлить принципіально право крестьянъ выбирать своихъ начальниковъ отъ ихъ общественныхъ правъ, отъ осушествленія ихъ скромной мірской жизни.

Однако это мнѣніе осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; Киселевъ и его помощники не только не могли согласиться, они даже не могли понять этой точки зрѣнія. Все отдѣленіе, которому было передано мнѣніе Тульскаго Коми-

тета, совершенно не уяснило себѣ его смысла. Вотъ какъ оно о ней отзывается: „Разсматривая сіе предположеніе въ существѣ его, нельзя не замѣтить въ немъ той правильной идеи, которая руководствовала при составленіи первоначальнаго проекта учрежденія, т. е., учредивъ сельское управленіе по удобствамъ административныхъ условій, отыскать единицу, которая представляла бы общество, соединенное по землямъ единствомъ интересовъ. Но къ сожалѣнію опытъ показалъ невозможность достигнуть сей послѣдней цѣли при нынѣшнемъ пользованіи землями по планамъ генеральнаго межеванія. Такъ, въ Псковской губерніи каждое село или почти каждое селеніе изъ 3—4 дв. имѣютъ свою отдѣльную долю; въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ Казанской, есть дачи, простирающіяся на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ и заключающія въ себѣ по 50 населенныхъ деревень и селеній, раздѣленныхъ между разными обществами и волостями. Ясно, что при такомъ способѣ раздѣленія земель по генеральному межеванію нѣтъ никакого средства образовать общины, связанной единствомъ земельныхъ интересовъ, а потому и нѣтъ надобности имѣть невозможнаго, тѣмъ болѣе, что въ другихъ государствахъ, гдѣ землей владѣетъ каждый хозяинъ на правѣ собственности, какъ напримѣръ во Франціи и Сѣверной Америкѣ, община составлена изъ разныхъ владѣній и цѣль свою выполняетъ“.

Какъ мы видимъ, V отдѣленіе совершенно не понимаетъ мысль Тульскаго Комитета и излагаетъ не ея содержаніе, а свои старыя идеи о закрѣпленіи административныхъ функцій за общественно-хозяйственной единицей. Поземельная община оказалась непригодной для этой цѣли—не бѣда, надо создать иную общественную единицу, примѣръ западнаго самоуправленія подъ рукой; точно нѣтъ другихъ соціальныхъ связей, кромѣ поземельныхъ! Одного только V отдѣленіе допустить не можетъ—это разъединеніе административныхъ и общественныхъ функцій. Если нѣтъ подходящей общественной единицы, надо ее создать—но непремѣнно общественную.

Здѣсь мы подходимъ къ корню вопроса: правительство не хочетъ управлять само, какъ таковое: въ качествѣ бу-

фера оно непремѣнно желаетъ имѣть какую-либо общественную организацію — coûte que coûte. Чѣмъ объясняется такая приверженность правительства къ участію общества въ управленіи, это намъ объясняетъ то же V отдѣленіе. Въ своей позднѣйшей запискѣ по тому же вопросу, оно различаетъ „казенное и мірское общественное управленіе", при чемъ отдаетъ безусловное предпочтеніе второму. Оно хочетъ управлять, но непремѣнно черезъ органы самоуправленія, чрезъ общественныя организаціи—почему, оно объясняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Составъ сельскаго общества, говоритъ оно, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ для удобства администраціи. Управленіе общественное, хорошо опредѣленное и выполненное, можетъ быть на самомъ дѣлѣ лучшимъ ручательствомъ порядка и успѣха. Оно служитъ оплотомъ противъ безпорядковъ, предоставляетъ самимъ крестьянамъ кругъ дѣйствій и вліянія, сообразный ихъ понятію и нуждамъ, и тѣмъ возвышаетъ ихъ въ собственномъ своемъ понятіи. Оно даетъ возможность ввѣрять общинѣ исполненіе мелочей, которыя могли бы поглотить всю дѣятельность и силу коронаго управленія. Кромѣ того, не должно упускать изъ виду, что отношенія чиновниковъ къ поселянамъ не всегда могутъ быть пріятны; даже простые совѣты или сообщенія, проистекающія изъ участія, имѣютъ видъ понужденія. Введя управленіе общественное, правительство имѣетъ дѣло съ однимъ обществомъ, не входя уже въ разбирательство съ каждымъ лицомъ отдѣльно. Дѣло общества исполнять приказанія, наблюдать и взыскивать. Взысканіе, являющееся здѣсь дѣломъ общественнымъ, вѣрнѣе дѣйствуетъ и меньше дѣлаетъ недовольныхъ" [1]).

Теперь намъ понятно, почему Киселевъ такъ цѣпко держится за общественныя формы и не хочетъ отдѣлить административныя функціи отъ хозяйственныхъ. Онъ хочетъ управлять посредствомъ самоуправленія. Онъ не взираетъ на то, что это является логически невозможнымъ, что самоуправленіе и управленіе можно мыслить только рядомъ,

[1]) Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія. Арх. V отд. № 422.

какъ два понятія другъ друга ограничивающія и опредѣляющія, но никакъ нельзя представлять себѣ ихъ признаки совокупно [1]). Правда, въ мірѣ жизненныхъ явленій элементы управленія и самоуправленія переплетаются и создаютъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ, но и въ нихъ можно и нужно различать эти разнородные элементы. Чтобы сдѣлать яснѣе теоретическую невозможность киселевскихъ построеній, скажемъ нѣсколько словъ о существѣ самоуправленія.

Для того, чтобы данное учрежденіе могло быть названо органомъ самоуправленія, нужно, чтобы оно находилось въ извѣстной связи съ подлежащей соціальной группой, являлось бы ея представителемъ. Группы эти могутъ быть весьма различны по составу, но насъ интересуютъ только территоріальныя единицы. Упомянутая нами связь есть весьма расплывчатое соціальное явленіе, неукладывающееся въ юридическіе термины; она опредѣляется всей жизненной атмосферой даннаго общенія, всей совокупностью соціальныхъ нитей, связующихъ данное территоріальное дѣленіе въ одно цѣлое, съ одной стороны, и создающихъ органическую зависимость разбираемаго учрежденія отъ соотвѣтствующаго территоріальнаго союза. Дать формальный, точный признакъ, опредѣляющій нужную степень указанной зависимости, не удается. Что такимъ признакомъ не является выборность, это достаточно убѣдительно доказывается изложеннымъ нами устройствомъ киселевскаго управленія крестьянами. Съ другой стороны и назначенныя короной власти могутъ признаваться выразителями пользъ и нуждъ населенія—извѣстенъ примѣръ англійскихъ мировыхъ судей. Повторяемъ, связь эта носитъ метаюридическій характеръ и можетъ быть только констатирована юристомъ, какъ фактъ.

Однако, связь эта можетъ существовать лишь при одномъ условіи—извѣстной независимости отъ центральной власти,

[1]) Конечно, можно ихъ объединить какимъ-либо высшимъ понятіемъ, но нельзя смѣшивать ихъ признаки въ общую кучу. Можно объединить въ высшемъ классѣ понятія дерева и желѣза, но нельзя говорить о деревянномъ желѣзѣ.

что дѣлаетъ возможнымъ и необходимымъ установленіе второго, уже юридическаго и формальнаго признака самоуправленія. Мы не будемъ здѣсь входить въ его разсмотрѣніе, укажемъ только на его назначеніе. Дѣло въ томъ, что тѣмъ или инымъ способомъ, но органъ мѣстнаго населенія долженъ получить фактическую возможность осуществлять въ своей дѣятельности ту метаюридическую связь съ населеніемъ, о которой мы говорили. Практическое устройство самоуправленія можетъ ничѣмъ не отличаться отъ управленія, оно можетъ быть установлено на тѣхъ же бюрократическихъ началахъ, но принципіальная разница та, что всѣ органы управленія мыслятъ себя представителями правительства, ихъ дѣятельность направляется указаніями начальства, а въ послѣдней инстанціи задачами правительства, какъ такового [1]); напротивъ, органы самоуправленія мыслятъ себя представителями опредѣленной соціальной группы, въ данномъ случаѣ, территоріальнаго союза и, хотя и могутъ дѣйствовать по указаніямъ своего начальства на совершенно бюрократическихъ основаніяхъ, но въ послѣдней инстанціи обязательно руководятся интересами своего мірка. Устройство самоуправленія и должно гарантировать возможность проявленія этихъ мѣстныхъ интересовъ. Мы не говоримъ, что эти интересы должны доминировать, элементы управленія и самоуправленія могутъ существовать одновременно, одинъ и тотъ же органъ можетъ быть органомъ управленія и самоуправленія, при чемъ эти элементы могутъ находиться въ самыхъ разнообразныхъ пропорціяхъ. Но весь вопросъ только въ дозировкѣ. Нѣкоторая связь съ населеніемъ должна существовать и проявляться на практикѣ, какъ нѣчто принципіально противоположное идеѣ управленія.

Что же дѣлаетъ Киселевъ? Онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы возложить правительственныя функціи на органы самоуправленія, онъ хочетъ владѣть ими цѣликомъ и, заста-

[1]) Послѣдняя инстанція не означаетъ высшаго правительства. Мы хотимъ сказать, что всякій органъ управленія, когда ему приходится рѣшать какой-либо вопросъ самостоятельно, мыслитъ себя органъ правительства.

вляя крестьянъ выбирать своихъ представителей, дѣлаетъ изъ нихъ низшихъ чиновниковъ своей бюрократической арміи. Но этого ему мало, онъ хочетъ использовать въ административныхъ цѣляхъ и крестьянскія общественныя связи; ту метаюридическую связь, которая составляетъ сущность и духъ самоуправленія и стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ идеей управленія; онъ хочетъ заставить служить именно этой идеѣ управленія. Правда, и раньше правительство старалось использовать крестьянскія организаціи, но оно довольствовалось возложеніемъ на нихъ административныхъ обязанностей и оставляло принципіально ихъ общественную жизнь въ покоѣ. Но Киселевъ идетъ дальше: онъ хочетъ завладѣть всей общественной жизнью, вся она безъ остатка должна заключаться въ томъ и только въ томъ, чтобы помогать и содѣйствовать попечительному управленію Киселева. Это любопытное contradictio in adjecto было даже запечатлѣно въ особомъ терминѣ: общественное управленіе

Иллюстрируемъ отношеніе Киселева къ общественной жизни однимъ примѣромъ—взглядомъ его на круговую поруку. Круговая порука не является чѣмъ то безусловно отрицательнымъ; примѣненная къ жизненнымъ общественнымъ организаціямъ, она можетъ имѣть несомнѣнно благодѣтельное значеніе, давая самоуправляющимся единицамъ извѣстную самостоятельность, сводя до minimum'а необходимыя соприкосновенія съ центральной властью [1]). Въ частности она можетъ быть оправдана какъ основаніе для осуществленія внутренней раскладки, вводящее въ обложеніе этическія начала. Т. о. круговая порука, наравнѣ съ тѣми громадными удобствами, которыя она доставляетъ правительству, можетъ быть полезна и населенію. Но, во всякомъ случаѣ, она полезна, не какъ таковая, ея общественное значеніе заключается не въ фактѣ выколачиванія податей, а въ сопутствующихъ ей явленіяхъ. Совсѣмъ иначе думаетъ Киселевъ, онъ и общественное значеніе круговой поруки видитъ въ тѣхъ удобствахъ, которыя она доставляетъ правительству и которыя заключаются какъ

[1]) Вспомнимъ, напримѣръ, извѣстный указъ Петра Великаго отъ 30 янв. 1699 г.

въ томъ, что т. о. оно безъ затратъ и съ максимальной полнотой собираетъ подати, такъ и въ томъ, что недовольство крестьянъ за выколачиванье податей переноситъ на ихъ же представителей. „При законѣ о круговомъ ручательствѣ, говоритъ онъ, по которому сельское общество обязано очищать полностью закономъ опредѣленный окладъ, всѣ побужденія, относящіяся къ нерадивымъ членамъ общества, предоставлены мірскому сходу и тѣмъ особенно, которые за недоимщиковъ вынуждаются платить подати. Симъ образомъ устраняется участіе правительственной власти и отвращеніе къ окружнымъ начальникамъ и утвердится общественная жизнь [1]).

Глава IX.

Такимъ образомъ, принципіально община была поощажена и признана Киселевымъ. Въ запискѣ, излагающей главныя основанія преобразованія, онъ между прочимъ пишетъ: „Всѣ предоставленныя сельскимъ обществамъ земли и угодья, составляя имущество государственное, остаются въ исключительномъ безсрочномъ пользованіи обществъ изъ платежа опредѣленнаго оброка, а по составленіи кадастра изъ платежа поземельной подати; считаются лишь принадлежностью (а не собственностью) общественной, и въ отношеніи къ внутреннему порядку состоятъ въ распоряженіи общественнаго схода. Существующія въ законѣ запрещенія продажи и заклада сихъ имуществъ остаются и впредь въ своей силѣ. Участокъ земли, доставшійся по мірскому раздѣлу каждому поселянину, считается общественнымъ и потому безъ согласія міра ни переуступленъ быть отъ него кому бы то ни было, ни перейти по наслѣдству не можетъ. Впрочемъ, дозволяется отдавать сіи участки въ наемъ, но съ разрѣшенія лишь начальства“.

[1]) Дѣло объ учрежденіи хозяйственнаго управленія. Арх V отд. № 503. Выписка изъ свода свѣдѣній объ успѣшности поступленія денежныхъ сборовъ и о мѣрахъ побужденія, съ собственноручными замѣтками Киселева.

Но, какъ мы знаемъ, вопросъ осложнился тѣмъ, что Киселевъ, для удобства администраціи, рѣшилъ увеличить размѣры крестьянской общественной единицы, желая при этомъ сохранить прежнюю земельную связь и ею же спаять участниковъ новаго территоріальнаго дѣленія. „Сельскія общества, говоритъ онъ, принимаются за первую административную и земельную единицу и самобытность сихъ устонавленій утверждается связью общественнаго пользованія землею, взаимствомъ частныхъ выгодъ домохозяевъ и единствомъ власти такъ, чтобы, составляя отдѣльныя благоустроенныя хозяйства, современемъ, при развитіи собственной попечительности поселянъ объ улучшеніи домашняго быта, они представляли полное ручательство въ исполненіи своихъ обязанностей къ правительству“.

Мы видѣли тѣ противорѣчія, которыми, благодаря этой неудачной идеѣ, проникнута объяснительная записка Киселева. Если однако въ ней можно было бы до извѣстной степени скрыть логическіе недостатки пышными фразами, то не такъ легко это было сдѣлать, когда пришлось отливать эту идею въ категорическія формы закона. Тутъ пришлось выбирать: либо старая община остается и продолжаетъ функціонировать попрежнему, либо она уступаетъ мѣсто новой земельной единицѣ, tertium non datur. Къ счастью, община побѣдила и осталась существовать рядомъ съ сельскимъ обществомъ, которое, какъ таковое, не пріобрѣло никакихъ общинныхъ правъ и сдѣлалось единицей чисто административной. Такимъ образомъ, между объяснительной запиской, предпосланной закону, и самимъ закономъ оказалось существенное различіе, образовавшееся на почвѣ невозможности проведенія въ жизнь предположеній законодателя. Такое полусознательное и даже случайное санкціонированіе закономъ общинной жизни отразилось и на самой структурѣ закона. Положеніе 1838 г. не знаетъ общины, оно вездѣ говоритъ о сельскомъ обществѣ, приписывая ему всѣ признанныя закономъ черты общинной жизни, и только внимательное изученіе положенія 38 г. открываетъ существованіе рядомъ съ нимъ и старой общины. Сельскому обществу по-

священы сотни статей, общинѣ два-три примѣчанія, и несмотря на это или, вѣрнѣе сказать, благодаря этому, община получила право на существованіе въ ущербъ сельскому обществу. Въ виду такого преобладанія въ законѣ общества надъ общиной, мы первоначально изложимъ компетенцію этого послѣдняго, чтобы потомъ, на основаніи тѣхъ оговорокъ, которыя имѣются въ законѣ, составить себѣ понятіе объ ихъ дѣйствительномъ соотношеніи.

Органомъ сельскаго общества, какъ единицы общественной, является сельскій сходъ. Онъ состоитъ изъ выборныхъ, по 2 отъ каждыхъ 10 дворовъ, избираемыхъ на такъ называемыхъ частныхъ сельскихъ выборахъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до Михайлова дня, передъ наступленіемъ каждаго трехлѣтія. Выборы происходятъ слѣдующимъ образомъ: „Выборные назначаются отъ каждыхъ десяти дворовъ совершеннолѣтними домохозяевами изъ числа крестьянъ, къ этимъ дворамъ принадлежащихъ [1]). Сельскій старшина, собравъ всѣхъ домохозяевъ, призываетъ отдѣльно по порядку съ № 1-го по десяти хозяевъ домовъ, спрашиваетъ, кого они желаютъ назначить въ выборные, и записываетъ ихъ имена въ списокъ. Въ случаѣ разногласія выборные назначаются по большинству голосовъ; при равенствѣ оныхъ, выборъ рѣшается жребіемъ“ (522—525 уст. о выб.). О состоявшихся выборахъ сельскій старшина доноситъ Волостному правленію, которое не отмѣняетъ выборовъ, если они произведены съ сохраненіемъ всего порядка и выборные имѣютъ требуемые закономъ качества, т. е. не моложе 25 лѣтъ, хорошаго поведенія, не бездомовные, рачительные по хозяйству. Но если бы оказалось противное сему, то Волостное правленіе, уничтоживъ назначеніе, предписываетъ сдѣлать выборы вновь. Оригинальное доморощенное примѣненіе scrutin uninominal (или вѣрнѣе binominal) съ округами въ 10 избирателей, долженствовавшее, между прочимъ, служить

[1]) Если домохозяина нѣтъ налицо или онъ не можетъ явиться по законнымъ причинамъ, то мѣсто его заступаетъ старшій въ его семействѣ совершеннолѣтній крестьянинъ.

защитой правъ меньшинства [1]), вводило конечно искусственность, чтобы лишить общественный органъ его жизненнаго пигмента, совершенно обезцвѣтить его, чему способствовала въ сильнѣйшей степени и большая доза усмотрѣнія, предоставленная волостному начальству. Но помимо всего этого, основнымъ признакомъ искусственности и мертвенности сельскаго схода и его совершенной безпадежности съ точки зрѣнія самоуправленія былъ это самый фактъ его составленія изъ выборныхъ, его представительный характеръ, совершенно чуждый народнымъ обычаямъ. Само собой разумѣется, что на словахъ это нововведеніе было установлено съ сознательной цѣлью, какъ совершенно необходимое для упорядоченія древней общины. „Когда селенія были малолюдны, пишетъ Киселевъ въ „Главныхъ основаніяхъ преобразованія", состояли изъ одного, двухъ или трехъ десятковъ дворовъ, тогда и по малому числу крестьянъ, собиравшихся на сходъ, и потому, что взаимныя ихъ выгоды менѣе встрѣчали соперничества, ибо каждый, при большемъ пространствѣ земли, пользовался большей независимостью отъ другихъ, разногласія на сходахъ встрѣчались рѣже, спорныхъ вопросовъ было менѣе, дѣла и взаимныя отношенія какъ между собой, такъ и къ Правительству были не столь сложны, однимъ словомъ, мірскіе сходы не представляли ничего запутаннаго и безпорядочнаго. Но теперь, когда селенія въ большей части губерній составились изъ 500, 1000 и даже болѣе душъ, очевидно сколь должны быть многолюдны мірскіе сходы, на нихъ должны собираться нѣсколько сотъ человѣкъ. Нельзя ожидать порядка отъ подобной толпы, которая по самому своему многогласью не только не въ состояніи дать справедливое рѣшеніе дѣлу, но даже понять,

[1]) Комитетъ губернаторовъ полагалъ, что выборные назначаются изъ поселянъ къ обществу принадлежащихъ, по одному отъ каждыхъ 5 дворовъ, для того 1) чтобы доставить достаточное представленіе ихъ общихъ и частныхъ пользъ и 2) чтобы въ губерніяхъ, гдѣ селенія состоятъ изъ одного или двухъ дворовъ, не было затрудненія по составленію дворовыхъ участковъ и избранію выборныхъ. Дѣло о составленіи проектовъ преобразованія управл. госуд им. Арх. V отд. № 330, т. III.

даже услышать, въ чемъ оно состоитъ. Отъ сего дѣла на мірскихъ сходахъ начинаются и рѣшаются нѣсколькими неблагонадежными лицами, такъ называемыми міроѣдами, которые, находясь въ связи съ сельскимъ начальствомъ, всегда бываютъ имъ поддержаны въ ихъ требованіяхъ". Конечно, соображенія эти не имѣютъ большой цѣны, указанные размѣры селеній являются сравнительной рѣдкостью, появленіе міроѣдовъ едва-ли стоитъ въ какой-либо, даже отдаленной связи съ величиной нѣсколькихъ селеній. Вся суть въ томъ, что сельское общество не община, не селеніе, а совершенно новое образованіе, и всѣ соображенія Киселева служатъ лишь красивой оболочкой для констатированія фактической невозможности сохраненія прежней организаціи выборовъ при новомъ порядкѣ вещей. Вполнѣ понятно, что крестьяне совершенно не могли приспособиться къ этому нововведенію, они по привычкѣ называли дѣла общества дѣломъ міра [1]) и еще въ 1859 г., т. е. больше чѣмъ черезъ 20 лѣтъ послѣ введенія новаго учрежденія, однимъ циркуляромъ констатировалось, что сходы часто составлялись изъ всѣхъ домохозяевъ, а не изъ выборныхъ, и подтверждалась обязанность окружныхъ начальниковъ „разсматривать приговоры во всей подробности" и предъ представленіемъ въ Палату удостовѣряться въ правильности ихъ составленія [2]).

Впрочемъ, былъ одинъ предметъ, подлежащій вѣдѣнію сельскаго общества, относительно котораго законодатель, подъ вліяніемъ комитета губернаторовъ, не рѣшился подвергнуть крестьянскую исконную жизнь ломкѣ—это вопросъ о раздѣлѣ общественныхъ земель. „Раздѣлъ въ натурѣ общественныхъ земель, рѣшили губернаторы, между поселянами каждаго селенія, во всякомъ случаѣ, производится выборными въ присутствіи своихъ домохозяевъ; измѣненіе сіе комитетъ признаетъ нужнымъ для того, что при раздѣлѣ земель поселяне, по праву собственности, никогда не согла-

[1]) Дѣло о преобразованіи волостного и сельскаго управленія Арх. V отд. № 422. Донесеніе Тульской палаты.

[2]) 27 февр. 1859 г.

сятся на произведеніе онаго безъ ихъ присутствія. Раздѣлъ же дачи на участки для каждаго особаго селенія удобнѣе производить одними выборными тѣхъ селеній, не стѣсняя, впрочемъ, при семъ мѣстныхъ обычаевъ". Законъ пошелъ еще дальше: въ случаѣ если общество является вмѣстѣ съ тѣмъ общиной, раздѣлъ производится не выборными въ присутствіи домохозяевъ, а самими домохозяевами [1]). Если же общество состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній, отдѣльно владѣющихъ землей, то раздѣлъ ея производится на селенныхъ сходахъ. Эти сходы собираются, когда дѣло касается до исключительныхъ выгодъ или тягостей не всего сельскаго общества, но одного или нѣсколькихъ его селеній; они составляются изъ сельскаго старшины и всѣхъ домохозяевъ этихъ селеній и къ компетенціи ихъ относится, какъ мы увидимъ, все существенное изъ компетенціи сельскаго схода. Это и есть органъ общины, не регулированной положеніемъ 1838, а только допущенной имъ къ существованію, но именно благодаря этому получившій возможность осуществлять свои общественныя функціи

Впрочемъ, формально и словесно и сельскій сходъ поставленъ довольно удовлетворительно. Образуется онъ по дѣламъ общественнымъ. Приговоры его, постановленные абсолютнымъ большинствомъ голосовъ при участіи не менѣе $^2/_3$ выборныхъ, если они не нуждаются въ высшемъ утвержденіи, считаются окончательными и приводятся въ исполненіе старшиной послѣ объявленія о содержаніи ихъ въ храмѣ въ первый праздничный день, послѣ чего каждый государственный крестьянинъ въ случаѣ неудовольствія можетъ принести жалобу въ волостное правленіе въ теченіе 4-хъ недѣль. „По истеченіи сего срока всякое мірское положеніе, буде не противно узаконеніямъ и не требуетъ высшаго утвержденія, остается во всей своей силѣ и никакое мѣсто не имѣетъ права принимать на оное жалобъ и входить въ разсмотрѣніе". (4771.) Чиновникамъ

[1]) „Для раздѣла общественныхъ земель на сельскій сходъ приглашаются, кромѣ выборныхъ, всѣ прочіе домохозяева сельскаго общества" ст. 4750, пр. I.

Палаты Госуд. Им. и Окружнымъ начальникамъ не дозволяется участвовать въ совѣщаніи государственныхъ крестьянъ на сельскихъ сходахъ, а тѣ лица, которыя подлежатъ учету или отвѣту по какому-либо дѣлу, не имѣютъ права участвовать въ приговорахъ схода по этому дѣлу. Предсѣдательствуетъ на сходѣ старшина, который и предлагаетъ на его обсужденіе вопросы; отдѣльные члены могутъ лишь, послѣ окончанія сужденій по этимъ вопросамъ, представлять по очереди старшинѣ о предложеніи на обсужденіе схода общественныхъ нуждъ своего селенія. Всѣ приговоры записываются въ шнуровую книгу, скрѣпляются писаремъ и утверждаются подписью и приложеніемъ штемпеля согласившихся съ приговоромъ присутствовавшихъ при рѣшеніи выборныхъ и должностныхъ лицъ [1]), послѣ чего къ приговору прилагается печать сельскаго управленія. Приговоръ ничтоженъ и составители его подлежатъ взысканію въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если сходъ собрался безъ созыва сельскаго старшины или безъ его вѣдома и присутствія; 2) если приговоръ состоялся по предмету, не входящему въ вѣдомство схода; 3) если нарушенъ порядокъ совѣщанія и составленія приговоровъ.

Итакъ, домохозяева сами или чрезъ своихъ представителей постановляютъ приговоры, которые получаютъ законную силу въ первый праздничный день и по истеченіи мѣсячнаго срока могутъ быть отмѣнены только въ силу несоотвѣтствія съ законами; приняты мѣры къ огражденію участниковъ схода отъ вліянія начальства—казалось бы созданы условія, открывающія населенію возможность обсуждать свои нужды и приводить въ исполненіе свои желанія, конечно, въ предѣлахъ предоставленной имъ компетенціи. Но уже среди этихъ постановленій попадаются статьи, въ которыхъ такъ сказать заключается переходъ отъ словъ къ дѣлу и которыя бросаютъ свѣтъ на истинное положеніе схода. Такъ, мы уже могли замѣтить, что старшина занимаетъ на сходѣ нѣсколько слиш-

[1]) На сельскомъ сходѣ обязательно участвуютъ, кромѣ выборныхъ, сельскіе старшины, старосты, сборщики податей и смотрители магазиновъ.

комъ высокое положеніе, но вотъ нѣсколько постановленій дѣйствительно характерныхъ для Киселевскаго схода: членамъ схода запрещено говорить во время схода о посторонникъ предметахъ; сельскій старшина (также и волостное правленіе) наблюдаетъ, чтобы сельскими сходами сдѣланы были въ установленные сроки приговоры по всѣмъ предметамъ, возложенымъ на нихъ; волостное правленіе принимаетъ мѣры, чтобы сельскій сходъ назначилъ приговоромъ крестьянскихъ мальчиковъ для приготовленія въ писаря и т. д. Повидимому, наблюденіе и принятіе мѣръ (какихъ?) обезпечиваетъ своевременный и желательный результатъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разработанное до тонкости, учрежденіе 38 года забываетъ объ участіи сельскаго схода: въ случаѣ разрѣшенія на приписку къ сельскому обществу, волостное правленіе даетъ сельскому старшинѣ предписаніе отвести усадебную землю и выдѣлить участокъ для пашни и сѣнокоса на одинаковыхъ со старожилами основаніяхъ, „не представляя однако угодьевъ, расчищенныхъ и удобренныхъ ихъ трудами, развѣ они сами на то изъявятъ согласіе“, (4416); а между тѣмъ ст. 4852 опредѣляетъ, что распоряженіе объ отводѣ земли въ такихъ случаяхъ дѣлается съ согласія схода. Очевидно законодатель не предвидѣлъ возможности разногласія между сходомъ и волостнымъ и сельскимъ начальствомъ.

Еще печальнѣе представится намъ положеніе схода, когда мы обратимся къ разсмотрѣнію того круга дѣлъ, который ему предоставлено вѣдать. Дѣло въ томъ, что даже безупречное съ формальной стороны самоуправленіе можетъ быть обращено въ юридическій призракъ путемъ сведенія на нѣтъ компетенціи его органовъ. Можно обставить самыми дѣйствительными гарантіями формальное право населенія обсуждать и рѣшать свои дѣла, но оно останется nudum jus, пока не будетъ заполнено какимъ-либо содержаніемъ; иначе вся организація самоуправленія обратится въ скорлупу безъ ядра. Правда, разсужденіе о формальной безукоризненности ни въ какой мѣрѣ не примѣнимо къ положенію 38-го года, но тѣмъ не менѣе разборъ компетенціи схода въ связи съ

мечтами Киселева о возстановленіи исконной общественной жизни, представляетъ интересъ курьеза: до какихъ минимальныхъ размѣровъ можно довести самодѣятельность населенія въ формальныхъ, правда, словесныхъ только рамкахъ самоуправленіи.

Въ достаточной степени характерна уже та статья, которая опредѣляетъ, что сходъ собирается три раза въ годъ: „въ январѣ для раскладки податей, повинностей и сборовъ и для составленія приговоровъ о мѣрахъ взысканія недоимокъ за истекшій годъ; въ исходѣ апрѣля, или въ началѣ мая, для распредѣленія, въ случаѣ надобности, полей и для составленія приговоровъ о мѣрахъ взысканія недоимокъ съ неплательщиковъ за первую половину; въ сентябрѣ, или въ началѣ октября, для составленія приговоровъ о потребности мірскихъ расходовъ, равно о мѣрахъ къ побужденію недоимщиковъ". „Въ сіи сроки, говорится дальше, должны быть рѣшаемы и прочія дѣла, представленныя сельскому сходу. Исключеніе изъ сего правила допускается токмо въ случаяхъ чрезвычайныхъ, нетерпящихъ отлагательства, въ которыхъ испрашивается чрезъ волостное правленіе разрѣшеніе Окружнаго Начальника на особое собраніе сельскихъ сходовъ". (4752). Такимъ образомъ компетенція схода состоитъ скорѣе изъ обязанностей, чѣмъ правъ, при чемъ главною обязанностью является сборъ податей: податное дѣло и распредѣленіе общественныхъ земель (послѣднее только „въ случаѣ надобности")— вотъ офиціально признанныя основныя функціи схода; остальныя считаются побочными и осуществленіе ихъ пригоняется къ тремъ упомянутымъ срокамъ.

Еще болѣе яркое представленіе о немощности схода мы получимъ, когда разсмотримъ его компетенцію болѣе конкретно.

Краеугольнымъ камнемъ всякаго самоуправленія является право самообложенія. Посмотримъ, во что обращается это право въ изложеніи реформаторовъ 1838 г. „При просьбахъ и ходатайствахъ къ высшему начальству объ оказаніи пособій, объ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ и о дозволеніи сбора на мірскіе расходы, сельскій сходъ наблюдаетъ:

1) чтобы испрашиваемое пособіе было дѣйствительно необходимо, а не основано на одной прихоти. 2) Чтобы сельскія общества безъ достаточныхъ причинъ не были вовлекаемы въ долги и отвѣтственность предъ правительствомъ. 3) Чтобы общественныя нужды подкрѣпляемы были уважительными доказательствами. 4) Чтобы денежный сборъ на мірскіе расходы назначенъ былъ безъ всякаго излишества и въ тѣхъ только случаяхъ, когда нельзя безъ того обойтись". (4827). Такимъ образомъ сходъ можетъ только ходатайствовать о разрѣшеніи обложить себя сборомъ, при чемъ ходатайство это разсматривается аналогично просьбѣ о пособіи.

Мы видѣли, какую язву крестьянской жизни составляли мірскіе сборы въ дореформенный періодъ и ту борьбу, которую вело съ ними правительство, руководствуясь, главнымъ образомъ, мотивами фиска. Однако правила 1833 года мало гдѣ примѣнялись и плохо исполнялись, и впервые дѣйствительная регламентація мірского обложенія была введена положеніемъ 1838 г., которое поставило его подъ такую всеобъемлющую опеку, что совершенно лишило его характера самообложенія. Приговоры о денежныхъ сборахъ на мірскіе расходы вносятся въ Волостное правленіе, которое представляетъ ихъ окружному начальству со своими заключеніями: соблюденъ ли законный порядокъ и предположены ли сборы на предметы совершенно необходимые и безъ излишества. Окружной начальникъ составляетъ изъ всѣхъ мірскихъ сборовъ смѣту, по округу, волостямъ и сельскимъ обществамъ, и представляетъ въ Палату, которая, исключивъ расходы незаконные, ненужные или такіе, которые безъ неудобства могутъ быть отложены, составляетъ смѣту мірскихъ расходовъ по всей губерніи и, испросивъ заключеніе гражданскаго губернатора, представляетъ на утвержденіе Министра Государственныхъ Имуществъ. Однако, права начальства не ограничиваются тѣмъ, что оно можетъ сократить мірскіе сборы до желательнаго ему minimum'а; закону настолько чужда мысль объ автономности общества, идея о самообложеніи, что Палатамъ предоставляется съ разрѣшенія начальниковъ губерній дѣлать отступленія отъ смѣты,

а съ разрѣшенія Министра Гос. Им. палата можетъ совсѣмъ отмѣнить статью расхода и назначить новую, только бы не была измѣнена общая сумма мірскихъ расходовъ. Министерство считаетъ себя въ правѣ распоряжаться мірскими сборами по своему усмотрѣнію, что и приводитъ къ такимъ юридическимъ nonsens'амъ, какъ только что приведенное постановленіе закона, или, напримѣръ, слѣдующій циркуляръ [1]), который разрѣшаетъ Управляющимъ Палатами, въ случаѣ непредвидѣнной надобности въ издержкахъ на общественныя и мірскія нужды, употреблять опредѣленныя суммы съ тѣмъ, чтобы объ этомъ было донесено при представленіи смѣты Министру, который и отнесетъ эти суммы по принадлежности или на хозяйственный капиталъ, или на общественные и мірскіе сборы послѣдующаго года; если же нужны будутъ болѣе значительныя суммы, то необходимо предварительное разрѣшеніе Министра. Такимъ образомъ Киселевъ не видитъ никакого принципіальнаго различія между сборами, налагаемыми правительственной властью, и сборами, которыми облагаетъ себя самоуправляющійся союзъ, какимъ онъ хотѣлъ считать сельское общество, также, какъ не отличаетъ въ своей системѣ коллективнаго чиновника сельскій сходъ отъ выборныхъ единоличныхъ чиновниковъ. Сельское общество обложило себя сборомъ, значитъ оно можетъ его заплатить, что же касается до его назначенія, то правительство оставляетъ за собой право измѣнять его согласно своимъ административнымъ видамъ.

Но и послѣ утвержденія смѣты, общество не получаетъ возможности распорядиться ассигнованными суммами: смѣта выполняется волостнымъ правленіемъ подъ наблюденіемъ окружнаго начальства, сборы взимаются сборщикомъ и вносятся въ волостное правленіе, которое и употребляетъ ихъ „на предметы, предназначенные въ утвержденныхъ приговорахъ сельскихъ обществъ не свыше количества, которое на каждую статью издержать опредѣлено“ (4574); если же окажется нужнымъ сдѣлать отъ смѣты отступленія, то пред-

[1]) 6 ноября 1841 г.

ставляется о томъ съ изъясненіемъ побудительныхъ причинъ окружному начальству (4575). Сельскому сходу оставлено только одно право: сборщикъ даетъ ему словесный отчетъ въ собранныхъ суммахъ.

Ясно, что мірскіе сборы были тѣми же податьми, только подъ другимъ названіемъ, и были такъ же обязательны, какъ и онѣ.

Въ 1840 г. сборы на частныя земскія повинности и обязательные мірскіе сборы [1]) были объединены въ одинъ общественный сборъ, на который были постепенно возложены издержки ко всему губернскому управленію государственными крестьянами и который оплачивалъ всѣ попечительныя затѣи министерства. Этотъ сборъ носитъ уже совершенно ясно выраженный характеръ государственнаго сбора, не имѣющаго ничего общаго съ самообложеніемъ. Но съ выдѣленіемъ всѣхъ обязательныхъ и необходимыхъ для правительства сборовъ, мѣнялось положеніе остающихся. Являлось желаніе фиксировать и ихъ, но эту мысль пришлось оставить въ виду того соображенія, что „добровольные сборы (на мірскія потребности), не составляя непремѣнной обязанности крестьянъ... не могутъ быть подведены подъ какую-либо норму въ количествѣ". „Въ семъ положеніи установленіе добровольныхъ сельскихъ сборовъ можно было бы предоставить на собственный произволъ крестьянъ, если бы нравственное состояніе могло внушать увѣренность въ безпристрастіи и отсутствіи своекорыстнаго вліянія сельскихъ начальниковъ; но какъ сего предполагать еще невозможно, то остается подчинить сіи сборы, до времени, общему надзору Управленія Государственныхъ имуществъ, собственно для удостовѣренія въ доброй волѣ крестьянъ и выгодности предполагаемаго сбора" [2]). Однако не слѣдуетъ думать, что эти мірскіе сборы, не со-

[1]) Эти два сбора ничѣмъ принципіально не отличались другъ отъ друга. Напримѣръ, содержаніе сельскаго управленія было возложено на мірскіе сборы, а содержаніе волостного—на частные земскіе. Вообще частными земскими повинностями назывались тѣ, которыя взимались только съ государственныхъ крестьянъ, въ противоположность общимъ, падающимъ на всѣ податныя сословія.

[2]) Дѣло объ общественномъ сборѣ и хозяйственномъ капиталѣ. Арх. V отд. № 344.

ставляющіе „непремѣнной обязанности крестьянъ", являются дѣйствительнымъ жизненнымъ элементомъ самоуправляющагося жизненнаго союза, такъ какъ это главнымъ образомъ тѣ же сборы на отправленіе повинностей, которыя крестьяне должны отбывать натурой, такъ что тутъ допущена лишь извѣстная доля усмотрѣнія крестьянъ въ выборѣ способа отправленія обязательной повинности: натурой или наймомъ. Первый департаментъ представилъ V отдѣленію списокъ тѣхъ предметовъ, на которые продполагалось допускать мірскіе сборы. Къ сожалѣнію, самаго списка нѣтъ въ дѣлѣ, но на основаніи другихъ бумагъ можно вывести, что департаментъ дѣлилъ сборы на два отдѣла: мірскіе сборы на отправленіе натуральныхъ повинностей и сборы на отправленіе частныхъ потребностей обществъ, при чемъ всѣ упоминаемые V отдѣленіемъ предметы сборовъ второй категоріи носятъ также характеръ административный, какъ напр., наемъ сторожей и пр. [1]).

Правила 12 декабря 1844 г. о порядкѣ взиманія денежныхъ сборовъ дѣлятъ всѣ сборы на 4 категоріи, при чемъ подъ мірскими сборами они разумѣютъ сборы на отправленіе натуральныхъ повинностей по желанію нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ селеній, а также и на другіе собственно до нихъ относящіеся расходы, начальствомъ разрѣшенные. Такимъ образомъ, правительство въ мірскихъ сборахъ, и послѣ отдѣленія отъ нихъ обязательной ихъ части, продолжало видѣть главнымъ образомъ способъ удобнѣйшаго отправленія повинностей; а такъ какъ вопросъ, какъ повинность отбывается, былъ ему до извѣстной степени безразличенъ, то оно не только не препятствовало такимъ сборамъ, а скорѣе способствовало имъ; напр., циркуляръ 29 дек. 1841 г. рекомендуетъ не задерживать утвержденія приговоровъ о переложеніи натуральныхъ повинностей на денежныя. Другое дѣло сборы на остальные предметы; тутъ палатами, которымъ предоставлено утверждать такіе приговоры съ согласія на-

[1]) Дѣло о предметахъ, на которые предположено допустить употребленіе мірскихъ сборовъ. Арх. V отд. № 536.

чальниковъ губерній, производится тщательное разсмотрѣніе, при чемъ имъ вмѣнено въ обязанность „принимать въ уваженіе не одну лишь пользу сельскихъ обществъ, но также и исправность ихъ въ платежѣ государственныхъ податей и повинностей“ [1]). Всякая копейка, минующая государственное казначейство, считалась погибшей и правительство старалось сдѣлать такія непроизводительныя траты возможно меньшими, тѣмъ болѣе, что „сборъ на мірскіе расходы по незначительности онаго взимается прежде всѣхъ прочихъ“ [2]), т. е. и прежде государственныхъ.

Описанный порядокъ самообложенія сельскихъ обществъ даетъ намъ понятіе о гомеопатической дозѣ самодѣятельности, ему предоставленнной. Да и къ чему было разрѣшать такіе сборы, когда вся жизнь государственнаго крестьянина составляла предметъ попечительной заботливости начальства! Однако нужно отмѣтить, что наряду съ разными спеціальными капиталами, учрежденными Киселевымъ [3]), былъ установленъ одинъ видъ ихъ, распоряженіе которымъ было предоставлено самимъ крестьянамъ подъ формальнымъ лишь надзоромъ начальства. Это—частные мірскіе капиталы, учреждаемые позакону 1843 г. въ тѣхъ губерніяхъ, которыя достаточно подготовлены къ тому „по нравственному состоянію сельскаго класса“.

Эти капиталы учреждались сельскими обществами и составлялись изъ части доходовъ съ мірскихъ оброчныхъ статей, штрафовъ, взыскиваемыхъ съ крестьянъ по приговору волостной и сельской расправъ и выморочныхъ крестьянскихъ капиталовъ и другихъ мелкихъ источниковъ. Кромѣ того, съ разрѣшенія начальства допускались и денежныя

---

[1]) Ст. 22 прав. 1844 г. Сенатск. Вѣд. № 14.

[2]) Ст 23 прав. 1844 г.

[3]) Киселевъ цѣнилъ ихъ какъ средство для исполненія многочисленныхъ начинаній министерства безъ обремененія государственнаго казначейства, а также потому, что мѣра эта „возбуждаетъ честолюбіе частныхъ начальниковъ, призывая ихъ къ бережливости въ издержкахъ, дабы представить наиболѣе плодовъ своей заботливости и попеченія“. Обозрѣн. 50-лѣтн. дѣят. Мин. Г. Им., ч. I, стр. 71.

складки, а также обращались въ составъ капитала пожертвованія крестьянъ, если они не имѣли особаго опредѣленнаго назначенія. Вплоть до накопленія капитала до нормы 1 рубль на каждую душу, расходуются одни проценты, а послѣ этого и поступающія въ капиталъ суммы. Употребленіе капитала въ этихъ предѣлахъ зависитъ отъ усмотрѣнія сельскихъ обществъ, по ихъ приговорамъ, Администрація слѣдитъ за движеніемъ суммъ, принимая лишь въ случаѣ надобности нѣкоторыя, вызываемыя пользой крестьянъ мѣры[1]). Непосредственное завѣдываніе капиталомъ лежитъ на сельскомъ старшинѣ и двухъ довѣренныхъ отъ общества попечителяхъ. Еженедѣльно суммы свидѣтельствуются волостнымъ головой, сельскимъ старшиной, добросовѣстными сельской расправы и указанными попечителями и, кромѣ того, внезапно ревизуются чиновниками Палаты. Отчетность ведется писаремъ. Предметы, на которые могутъ употребляться мірскіе капиталы, точно опредѣлены и составляются изъ тѣхъ же категорій, на которыя направлено по закону попечительное наблюденіе начальства; входитъ въ нихъ, разумѣется, и платежъ податей за убылыхъ или не состоятельныхъ крестьянъ [2]).

---

[1]) Такъ говоритъ Обозрѣніе 50-лѣтн. дѣят. М. Г. И. ч. I, стр. 68. Статья же одиннадцатая закона говоритъ такъ: „по зависимости составленія и распоряженія мірскихъ капиталовъ отъ сельскихъ обществъ прямое вмѣшательство мѣстнаго начальства въ распоряженіе сихъ капиталовъ не допускается“.

[2]) Мірскіе капиталы должны употребляться a) на постройку и поправку церквей и разныхъ общественныхъ зданій; b) на вознагражденіе при переносѣ частныхъ строеній по видамъ сельскаго благоустройства; c) на устроеніе сельскихъ дорогъ, запрудъ, колодцевъ и водопоевъ; d) на покупку лучшихъ породъ скота для общественнаго стада; e) на покупку усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ, а равно и на другія издержки по улучшенію земледѣлія; f) на платежъ податей за убылыхъ или несостоятельныхъ крестьянъ; g) на устройство и содержаніе больницъ и богадѣленъ, h) на пособіе крестьянамъ, претерпѣвшимъ разореніе, въ видѣ ссуды съ процентами или безъ процентовъ. Обозр. 50-лѣтн. дѣят. М. Г. И. I, стр. 69.

Положеніе о мірскихъ капиталахъ — это единственное законоположеніе изъ массы обнародованныхъ Киселевымъ, въ которомъ до извѣстной степени допущена самодѣятельность крестьянскихъ обществъ, хотя бы и въ направленіи, желательномъ для министерства [1]).

Есть еще области, въ которыхъ крестьянамъ предоставлена свобода, но они носятъ уже специфически общинный характеръ и касаются общины, какъ таковой. Мы разумѣемъ двѣ функціи, тѣсно связанныя въ понятіи Киселева—распредѣленіе земель и податей. Раскладка податей—мы знаемъ по какимъ соображеніямъ — была оставлена въ вѣдѣніи земельной общины и сельскимъ сходомъ она производится лишь въ томъ случаѣ, если сельское общество совпадаетъ съ общиной. „Если земля отведена всему сельскому обществу во владѣнье, то раскладка между хозяевами податей, повинностей и сборовъ дѣлается сельскимъ сходомъ общества. Если селенія, составляющія сельское общество, имѣютъ отдѣльное по землямъ одно отъ другого владѣніе, то сельскій сходъ раскладываетъ подати, повинности и сборы сельскаго общества по селеніямъ, владѣющимъ отдѣльно землями, предоставляя раскладку между хозяевами общей суммы податей, повинностей и сборовъ, павшей на селеніе, сходу, составленному изъ хозяевъ того селенія. Въ обоихъ случаяхъ раскладка между хозяевами производится сходомъ соотвѣтственно количеству земли, отведенной каждому семейству, и сообразно другимъ принятымъ между государственными крестьянами правиламъ“ [2]).

Раскладка производится общиной автономно и одна статья категорически запрещаетъ вмѣшательство начальства въ это дѣло [3]), что не мѣшаетъ, однако, другой статьѣ предоставить начальству слѣдить за тѣмъ, чтобы раскладка была правильная и безъ излишества. Въ связи съ раскладкой стоитъ

---

[1]) О мірскихъ капиталахъ, кромѣ упомянутаго Обозрѣнія, см. Журн. Мин. Г. Им. ч. X.

[2]) Уставъ о податяхъ ст. 73

[3]) Учрежденіе волостн. управл. ст. 4692.

распредѣленіе земель, которое также предоставлено общинѣ, съ той разницей, что, въ случаѣ совпаденія общины съ обществомъ, на сельскій сходъ призываются всѣ домохозяева. Такимъ образомъ раздѣлъ земель производится всегда сходомъ (сельскимъ или селенными по принадлежности), составленномъ изъ всѣхъ домохозяевъ, и происходитъ на основаніи принятыхъ среди крестьянъ обычаевъ. Хотя ст. 4825 и предлагаетъ крестьянамъ не приступать къ передѣлу безъ крайней необходимости, при чемъ рекомендуетъ, для избѣжанія поводовъ къ таковому, оставлять запасные участки, но, тѣмъ не менѣе, нужно сказать, что прямыхъ указаній на воздѣйствіе начальства въ дѣлѣ осуществленія передѣловъ не имѣется въ учрежденіи 38 года: никто (по закону) не можетъ запретить и никто не можетъ заставить общину передѣлить ея земли. Постановленіе о передѣлѣ не восходитъ на утвержденіе властей [1]) и приводится, поэтому, въ исполненіе, если не будетъ, по жалобѣ обиженныхъ, остановлено въ мѣсячный срокъ. Такимъ образомъ законодатель, хотя и скрѣпя сердце, но санкціонировалъ самостоятельность общины въ вопросѣ распредѣленія земель и даровалъ жизнь общинному началу. Это не мѣшало, однако, министерству принимать въ борьбѣ съ нимъ тѣ мѣры, которыя оно признавало нужными. Такъ въ 1850 г. оно подтвердило Палатамъ ихъ обязанность наблюдать, чтобы къ передѣлу не приступали безъ крайней необходимости, допуская его только при новой ревизіи или въ случаѣ значительнаго измѣненія въ числѣ душъ; для избѣжанія же передѣловъ должны быть оставляемы запасные участки. Въ 1854 г. въ министерство поступили жалобы крестьянъ на передѣлы, производимые обществомъ по случаю переселенія его крестьянъ. Какъ мы помнимъ, это явленіе представлялось въ свое время Киселеву желательнымъ, но теперь посмо-

[1]) По крайней мѣрѣ на это нѣтъ нигдѣ указаній, а положеніе 1838 настолько подробно, что нельзя считаться съ возможностью недомолвокъ, особенно въ столь важномъ дѣлѣ.

трѣли на дѣло иначе и нашли такое лишеніе хозяевъ ихъ участковъ несправедливымъ. Однако такой передѣлъ подходитъ подъ статью 4825 п. 4. т. II Свода законовъ. Какъ же быть?

Министерство выходитъ изъ этого затрудненія слѣдующимъ образомъ: помня ст. 4825 и констатируя, что она вполнѣ опредѣленно рѣшаетъ данный казусъ, оно не даетъ никакихъ рѣшительныхъ предписаній, а только предлагаетъ палатамъ „внушать обществамъ“ слѣдующую мѣру: освобождаемыя благодаря переселенію земли не вводить въ передѣлъ, а отдавать въ содержаніе односельцамъ. Любопытно отмѣтить, что въ текстѣ рекомендуется „внушать обществамъ“, а озаглавленъ циркуляръ совершенно опредѣленно: „о воспрещеніи передѣла земли между государственными крестьянами“ [1]).

Однако, какъ бы дѣло ни обстояло на практикѣ, по буквѣ закона распредѣленіе земель и податей было предоставлено на усмотрѣніе крестьянъ Нельзя того же сказать про остальную компетенцію схода—тутъ самый законъ устанавливаетъ такую регламентацію, которая вполнѣ гармонируетъ съ идеей общественнаго управленія Киселева. Возьмемъ, напримѣръ, мірскія оброчныя статьи и завѣдыванье ими. До учрежденія 1838 г. оно находилось подъ болѣе или менѣе сильнымъ контролемъ правительственной власти, но все же эти статьи разсматривались какъ принадлежность крестьянскихъ обществъ. Само офиціальное обозрѣніе дореформеннаго положенія государственныхъ крестьянъ говоритъ о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ нѣкоторыхъ дачахъ, представленныхъ въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ, находятся такіе угодья, которые не могутъ быть съ удобствомъ ни выдѣлены на часть одного кого-нибудь, съ соблюденіемъ уравнительности въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ, ни оставляемы въ непосредственномъ пользованіи цѣлаго общества въ совокупности, таковы, напримѣръ, слиш-

[1]) Циркул. 9 апр. 1854 г. См. также Обозр. 50-л. дѣят. М. Г. И. ч. II, отд II, стр. 12—13.

комъ далекіе и притомъ отдѣльно лежащіе небольшіе земляные участки, рѣчные перевозы, пристани и т. п. Статьи такого рода для крестьянскихъ обществъ гораздо выгоднѣе отдавать въ содержаніе постороннимъ лицамъ или кому-нибудь изъ среды себя за извѣстную плату. Предметы, получающіе такое назначеніе, называются обыкновенно мірскими оброчными статьями" [1]). Такимъ образомъ, никакого принципіальнаго различія между общественными землями и мірскими оброчными статьями не признавалось [2]).

Учрежденіе 38 года стало на точку зрѣнія верховной собственности государства относительно крестьянскихъ земель, считая ихъ только въ вѣчно-наслѣдственномъ пользованіи у государственныхъ крестьянъ. Соотвѣтственнымъ образомъ измѣнилось и отношеніе правительства къ мірскимъ оброчнымъ статьямъ, съ той разницей, что, вслѣдствіе меньшей связи оброчныхъ статей съ крестьянскимъ міромъ, чѣмъ это было относительно общественныхъ земель, доля участія правительственной власти въ распоряженіи ими получила сравнительно гораздо большіе размѣры.

Въ одномъ циркулярѣ ставится на видъ одному управляющему палатой, „что вмѣсто утвержденія поселянъ въ ложномъ мнѣніи, что они имѣютъ право располагать произвольно данными имъ въ надѣлъ отъ казны оброчными статьями, онъ обязанъ пещись о внушеніи поселянамъ, что они должны пользоваться мірскими оброчными статьями на основаніи законовъ, какъ милостью правительства" [3]). Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ Киселева данныя о мірскихъ оброчныхъ статьяхъ помѣщались въ рубрикахъ управленія государственными имуществами, рядомъ съ казенными оброчными

---

[1]) Общее обозрѣніе состоянія госуд. им. по губерніямъ и областямъ, подвѣдомственнымъ V-му отдѣленію С. Е. И. В. Канцеляріи и первому департаменту госуд. имущ. СПБ. 1842.

[2]) Мы не говоримъ объ историческомъ происхожденіи мірскихъ оброчныхъ статей, которое отличаетъ ихъ во многомъ отъ другихъ угодій.

[3]) Цирк. 7 февр. 1840 г.

статьями. Неудивительно поэтому, что эксплоатація мірскихъ оброчныхъ статей была поставлена въ полную зависимость отъ начальства. Торги и переторжки производятся въ волостномъ правленіи лишь въ присутствіи депутатовъ отъ подлежащихъ обществъ; доходы вносятся въ волостное правленіе, которое и расходуетъ ихъ по смѣтѣ, утвержденной высшимъ начальствомъ, при чемъ со времени учрежденія хозяйственнаго капитала половина доходовъ съ мірскихъ оброчныхъ статей идетъ на его пополненіе и только вторая половина остается въ распоряженіи обществъ; „если сельское общество найдетъ выгоднѣйшимъ управлять само мірской оброчной статьей, то отдача ея въ распоряженіе общества а также заведеніе вновь мірскихъ оброчныхъ статей, возобновленіе запустѣлыхъ и уничтоженіе не приносящихъ доходовъ, производятся по приговору сельскаго схода, съ утвержденія Палаты Гос. Им. и съ согласія Начальника Губерніи“ [1]).

Взглядъ правительства, что земля принадлежитъ ему на правѣ собственности, а крестьянамъ предоставляется лишь въ пользованіе, какъ средство къ аккуратному исправленію повинностей и податей [2]), проявлялся въ другихъ отношеніяхъ. Если бы кто изъ государственныхъ крестьянъ пожелалъ осушить на свой счетъ болото или воздѣлать неудобное мѣсто подъ условіемъ предоставленія его въ непосредственное свое пользованіе—то кромѣ согласія схода нужно разрѣшеніе начальства. Если крестьянинъ хочетъ отдать въ наемъ свой участокъ, если общество хочетъ отдать въ наемъ часть принадлежащей ему земли — опять-таки необходимо разрѣшеніе властей предержащихъ.

Что касается до остальныхъ предметовъ вѣдомства схода, то положеніе его остается столь же скромнымъ. Въ дѣлахъ опекунскихъ главныя обязанности лежатъ на волостномъ

---

[1]) Уст. о Благоустр. въ каз. сел., ст. 157.

[2]) Названіе крестьянскихъ земель податными можно толковать и въ такомъ смыслѣ.

правленіи. Въ дѣлахъ по увольненію и пріему членовъ необходимо согласіе схода [1]), но его не достаточно: приговоры его восходятъ на утвержденіе начальства, при чемъ волостныя правленія разсматриваютъ, между прочимъ. „не отяготителенъ ли пріемъ и увольненіе для сельскаго общества“ (4413), а Палата въ случаѣ отсутствія законныхъ причинъ къ отказу общества кому-либо изъ членовъ его въ увольненіи, можетъ выдать свидѣтельство объ увольненіи сама, помимо согласія схода (1112).

Въ дѣлѣ отправленія рекрутской повинности сходу предоставлена довольно значительная роль, но, главнымъ образомъ, въ качествѣ даровой рабочей силы. Киселевъ ввелъ весьма крупныя улучшенія въ рекрутское дѣло, замѣнивъ очередную систему жеребьевой, которая была постепенно распространена на всѣ губерніи съ 1839 по 1854 г. отдѣльными постановленіями, которыя были сведены въ одинъ актъ въ 1854 г. По этому положенію 1854 г., обязанности по отправленію рекрутской повинности были возложены какъ на сельскій, такъ и на волостной сходы [2]), при чемъ образуются они для этихъ спеціальныхъ вопросовъ нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно. На сельскій сходъ созываются всѣ домохозяева, родители, попечитсли и воспитатели внесенныхъ въ списокъ и сами внесенные въ списокъ; на немъ присутствуютъ Волостной голова или засѣдатель правленія и сельское начальство; всѣ участники схода обязательно должны явиться и оставаться до самаго закрытія, при чемъ отлучившіеся крестьяне не могутъ отговариваться невѣдѣніемъ о собраніи схода, если повѣстка о томъ наличнымъ поселянамъ сдѣлана въ селеніи установленнымъ порядкомъ. На волостномъ сходѣ участвуютъ, кромѣ выборныхъ, призываемые, ихъ родители, воспитатели и попечители, желающіе изъ до-

[1]) Пріемный приговоръ долженъ заключать указаніе на то, что сходъ принимаетъ на себя отвѣтственность въ податной исправности даннаго лица и что у общества достаточно земли для его надѣленія. 4823.

[2]) По учрежденію 1838 г. волостной сходъ собирался только для выборовъ.

мохозяевъ (послѣдніе безъ права голоса), все сельское начальство, волостное и Окружной начальникъ. Послѣдній „нисколько не вмѣшивается въ сужденія схода; онъ охраняетъ въ немъ лишь наружный порядокъ сужденій и тишину".

Волостной и сельскій сходъ стоятъ въ инстанціонной зависимости, на сельскій сходъ можно жаловаться волостному; послѣдній можетъ пересматривать постановленія сельскаго схода, если существуютъ новыя данныя.

Функціи сходовъ главнымъ образомъ освѣдомительныя—это прекрасный и дешевый способъ собиранія необходимыхъ для администраціи свѣдѣній. Составленіе и повѣрка семейныхъ призывныхъ списковъ были возможны только при мірскомъ участіи, своей коллективностью гарантирующемъ ихъ достовѣрность. Само министерство констатируетъ, что дѣло шло хорошо только тамъ, гдѣ волостной и сельскій сходы, не будучи стѣсняемы, дѣйствовали съ извѣстной самостоятельностью и добросовѣстно исполняли свои обязанности [1]). Самъ законъ опредѣляетъ цѣль созыва схода необходимостью удостовѣриться: не пропущенъ ли кто, вѣрны ли свѣдѣнія, точно ли нужно призвать такого то или не призвать, каковъ ростъ и годность къ службѣ. Такъ какъ вѣрность свѣдѣній въ такой же мѣрѣ входила въ интересы крестьянъ, какъ и администраціи, то крестьяне исполняли свои обязанности исправно и смотрѣли на нихъ, какъ на „мірское дѣло" [2]).

Рѣшенія сходовъ не имѣли окончательнаго значенія—всѣ они восходили на утвержденіе Палаты, которая могла снова созвать сходъ, послать на мѣста своихъ чиновниковъ, въ крайнемъ же случаѣ отправлялся самъ Управляющій Палатой.

Пассивная роль схода нарушалась, къ выгодѣ крестьянъ, только въ одномъ случаѣ: если сельскій и волостной сходы послѣдовательно признаютъ призываемаго необходимымъ для

---

[1]) Обозр. 50-лѣтней дѣят. Министерства Гос. Им., ч. II, отд. I, стр. 101.

[2]) Тамъ же.

поддержки семьи, то онъ, конечно, съ утвержденія Палаты освобождается отъ призыва, даже если бы и не подходилъ подъ правила объ освобожденіи отъ рекрутской повинности.

Аналогичное положеніе занимаетъ сходъ и въ дѣлахъ по взиманію сборовъ и осуществленію круговой поруки. Этотъ вопросъ мы уже разсмотрѣли выше и помнимъ, что и тутъ, сходъ разсматривается исключительно какъ чиновникъ, только коллективный, дѣлающій распоряженія и принимающій мѣры совершенно такъ же, какъ и всѣ остальные единоличные чиновники.

Что же касается до остальной компетенціи схода, то, если мы укажемъ нѣкоторое участіе въ продовольственномъ дѣлѣ и цѣлый рядъ мелкихъ предметовъ, какъ напр., дачи довѣренностей на хожденіе по дѣламъ, просьбы и дозволенія пользоваться валежникомъ изъ заказныхъ рощей и т. д., будемъ имѣть о ней совершенно достаточное и опредѣленное представленіе. Она опредѣлена точно и казуистично и никакому распространительному толкованію не подлежитъ. Правда, есть двѣ статьи, которыя, при жизненности схода, могли бы дать ему возможность рости и развиваться, но условія его существованія исключали эту возможность. Одна статья относитъ къ предметамъ вѣдѣнія схода совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ. Она стоитъ въ связи съ предоставленнымъ сходу правомъ просить о пособіи въ несчастныхъ случаяхъ, и потому надо думать, что слово „нужды“ употреблено не въ современномъ смыслѣ „пользъ и нуждъ“ населенія, а скорѣе въ смыслѣ несчастія, бѣдствія, нужды. Впрочемъ, если эту статью понимать и широко, она все равно была бы обречена на бездѣйствіе. Другая статья гласитъ: „Если бы нужды или польза сельскаго общества требовала какихъ-либо особыхъ мѣръ или распоряженій, то сельскій старшина предлагаетъ о нихъ на разсужденіе схода“. Совершенно очевидно, что сельскій начальникъ всегда будетъ довольствоваться указаніями своего начальства и никогда не найдетъ случая обратиться къ органу сельскаго общества, для управленія которымъ онъ назначенъ. Недаромъ въ главѣ о предѣлахъ, существѣ и сте-

пени власти сельскаго старшины, ни словомъ не упомянутъ сельскій сходъ—его какъ будто и нѣтъ совсѣмъ: для сельскаго старшины существуетъ только волостное правленіе, окружной начальникъ, палаты государственныхъ имуществъ.

Мы видимъ, что компетенцію сельскаго схода можно раздѣлить на двѣ части. Съ одной стороны сельскій сходъ помогаетъ администраціи въ отправленіи различныхъ функцій управленія, является, какъ мы указывали, коллективнымъ чиновникомъ, осуществляющимъ идею общественнаго управленія, которое, будучи хорошо опредѣлено и выполнено, служитъ лучшимъ, по мнѣнію Киселева, ручательствомъ порядка и успѣха [1]).

Другую часть компетенціи составляютъ функціи дѣйствительно общественныя, именно функціи земельно-сосѣдскаго союза, которыя хотя и поставлены въ сильнѣйшую зависимость отъ начальствъ, но все же являютъ собой элементы самоуправленія. Казалось бы, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же двуликимъ міромъ 18-го вѣка, о которомъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили; но это кажется только на первый взглядъ. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ; функціи административныя и земельно-сосѣдскія могутъ только случайно совмѣщаться въ сельскомъ сходѣ, въ нормальномъ же случаѣ онъ лишается своихъ общественныхъ правъ въ пользу органа общины—селеннаго схода. Въ своей запискѣ Киселевъ экспропріировалъ общину въ пользу сельскаго общества, въ законѣ рѣчь идетъ о сельскомъ обществѣ, въ дѣйствительности же нѣсколько оговорокъ и примѣчаній создаютъ совершенно обратное положеніе: сельскій сходъ, сохраняя свое исключительное административное значеніе, уступаетъ мѣсто общинѣ, которой совсѣмъ не знаетъ система Киселева, но которая продолжаетъ такимъ образомъ существовать рядомъ съ сельскимъ обществомъ.

Конфликтъ между обществомъ и общиной и преобладаніе общины проявляется въ самомъ первоначальномъ образованіи сельскихъ обществъ. Комитетъ губернаторовъ, ссы-

[1]) Забл. Десят. Op. cit. II, стр. 190.

лаясь на основное правило, что учреждать мірскія общества нужно въ такомъ составѣ, чтобы они могли безъ обремененія себя собственными способами содержать избираемыхъ ими для управленія лицъ и имѣть даже свой запасный оборотный капиталъ, полагалъ невозможнымъ опредѣленіе размѣровъ обществъ числомъ десятинъ, и вмѣсто этого предлагалъ слѣдующее: „а) въ составъ сельскаго общества входитъ одно или нѣсколько селеній, соединенныхъ между собой общею землею и даже имѣющихъ отдѣльное владѣніе, но ни въ какомъ случаѣ не допускать, чтобы одно селеніе и земли онаго, кромѣ отхожихъ пустошей и отсутственныхъ земель, раздроблялись въ управленіе нѣсколькихъ общинъ; б) составъ мірского общества полагается отъ 300—500 дворовъ, кромѣ большихъ селеній, которыя не должны раздробляться, и малолюдныхъ деревень, расположенныхъ на большомъ пространствѣ и не имѣющихъ общихъ земель, которыя цо причинѣ большого разстоянія между селеніями не могутъ съ удобствомъ составлять одну особую общину; в) такимъ образомъ могутъ быть соединены по необходимости въ одну общину и селенія, имѣющія особыя отъ прочихъ земельныя владѣнія, не дозволяя, чтобы раздроблялись оныя между управленіями двухъ разныхъ мірскихъ общинъ“...

Эти постановленія перешли и въ законъ. Община совмѣщается съ сельскимъ обществомъ только въ томъ случаѣ, если оказывается возможнымъ административныя функціи придать общинѣ, нарушать же ея цѣлость строго воспрещается. „Раздроблять одно и то же селеніе на нѣсколько сельскихъ обществъ, или для приписки къ разнымъ сельскимъ обществамъ, воспрещается“. (4736). Если селеніе очень велико и превышаетъ количественные размѣры, диктуемые удобствомъ управленія, [1]) оно все-таки составляетъ одно сельское общество; при образованіи сельскихъ обществъ изъ малолюдныхъ селеній рекомендуется, по мѣрѣ возможности

[1]) Населеніе сельскаго общества не должно превышать 1500 ревдушъ, а разстояніе между отдѣльными селеніями 15 верстъ.

и удобства, соединять въ одно общество селенія, имѣющія общее по землямъ владѣніе. Такимъ образомъ, общество можетъ состоять изъ нѣсколькихъ селеній - общинъ, но такое селеніе ни въ коемъ случаѣ не можетъ принадлежать нѣсколькимъ обществамъ.

Тутъ уже мы видимъ нѣчто обратное тому, о чемъ мы читали въ запискѣ: тамъ Киселевъ распоряжался земельной связью по своему усмотрѣнію, тутъ же, напротивъ, административное сельское общество приноравливается къ существующимъ земельнымъ отношеніямъ, являясь чѣмъ то отличнымъ отъ отдѣльныхъ селеній - общинъ. Если мы обратимся къ компетенціи схода, то сквозь бюрократическія формулы Киселева мы ясно разглядимъ знакомыя черты селенія - міра, „селенія, отдѣльно владѣющаго землей", по терминологіи закона, и убѣдимся, что все, что носитъ печать жизненности. относится именно къ этому исконному образованію жизни русской, а не къ дѣтищу Киселева.

Органомъ міра является селенный сходъ. Прим. 2 къ ст. 4750 говоритъ: „Если дѣло касается до исключительныхъ выгодъ или тягостей не всего сельскаго общества, но одного или нѣсколькихъ онаго селеній, то въ семъ случаѣ сельскій сходъ составляется изъ сельскаго старшины и домохозяевъ сихъ селеній, которые одни принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ и въ совершеніи мірскихъ приговоровъ. Сюда относятся: раскладка податей, повинностей и сборовъ между хозяевами селенія, имѣющаго отъ прочихъ селеній сельскаго общества отдѣльное владѣніе землей, уполномочіе довѣренностью отъ сего селенія для хожденія по дѣламъ онаго, мѣры по управленію мірскими оброчными статьями, принадлежащими исключительно оному или только нѣкоторымъ селеніямъ общества *и т. п.* ".Итакъ, сходъ этотъ составляется изъ всѣхъ домохозяевъ, а не изъ выборныхъ, компетенція же его опредѣляется лишь примѣрно, давая мірской жизни сравнительно большую свободу и выгодно отличая ее отъ жизни сельскаго общества, какъ такового. Не относится къ мірскому сходу и правило о троекратномъ созывѣ въ годъ—

онъ собирается, когда встрѣтится въ томъ надобность, безъ всякихъ разрѣшеній окружного начальника.

Компетенцію міра на основаніи положенія 1838 г. опредѣлить мудрено: оно вѣдь не хочетъ знать его и систематически игнорируетъ его; существуютъ только отрывочныя случайныя указанія и оговорки по поводу компетенціи схода. Прим. къ ст. 4750 настолько неполно, что пропускаетъ такое важное право селенія, какъ раздѣлъ общественныхъ земель, о которомъ мы уже выше подробно говорили и которое регулируется статьей 4825. Попадаются и другія указанія на селенные сходы. Правила 12 дек. 1844 г. называютъ мірскими такіе сборы, которые относятся до всего общества или только до отдѣльныхъ селеній, и замѣчаютъ, что мірскіе сборы съ учрежденіемъ общественнаго сбора производятся только на надобности отдѣльныхъ селеній. Далѣе, селенія являются такими же юридическими лицами, какъ и сельскія общества: „Волостныя правленія наблюдаютъ, чтобы селенія, сельскія общества или вся волость не входила въ тягостныя и невыгодныя обязательства“ (ст. 4454). Уставъ о Благоустройствѣ казенныхъ селеній не знаетъ сельскаго общества. Вотъ, напр., что говоритъ ст. 122, совершенно забывая о существованіи сельскаго схода, какъ органа сельскаго общества: „Изъ земель, принадлежащихъ селенію, часть отдѣляется подъ выгонъ для общественнаго употребленія; прочая же земля, предназначаемая для сѣнныхъ покосовъ, пашни и усадьбы, раздѣляется на участки между государственными крестьянами, по приговору сельскаго схода, на основаніи правилъ, постановленныхъ въ Сводѣ Учрежденій Губернскихъ“.

Всѣ эти данныя отрывочны, но онѣ съ очевидностью доказываютъ слѣдующее: часть компетенціи сельскаго схода, именно единственно важная ея часть съ точки зрѣнія общественной, только на бумагѣ является принадлежностью сельскаго общества. На самомъ дѣлѣ она осуществляется сельскимъ сходомъ только въ томъ случаѣ, если онъ въ то же время является и сходомъ „селенія, отдѣльно владѣющаго землей“, иначе же передаетъ свои полномочія этому послѣднему, ко-

торый и распредѣляетъ земли, и раскладываетъ подати, и завѣдуетъ мірскими статьями, становясь на мѣсто сельскаго схода и его исключая. Кромѣ того, онъ, наряду съ сельскимъ сходомъ, осуществляетъ тѣ функціи его, которыя носятъ нѣкоторый характеръ самоуправленія: именно, онъ обладаетъ такимъ же правомъ самообложенія и является такимъ же юридическимъ лицомъ

Обладая всей той долей компетенціи сельскаго схода, сходъ селенія, какъ таковой, освобожденъ отъ исполненія тѣхъ многочисленныхъ и тяжкихъ обязанностей, которыя лежатъ на сходѣ сельскомъ, имѣя такимъ образомъ то преимущество, что онъ не является орудіемъ „общественнаго управленія“. Это же ведетъ къ тому, что селенья-общины ускользаютъ отъ всеобъемлющей опеки начальства и, не входя въ систему 1838 и оставаясь во многихъ отношеніяхъ внѣ закона, получаютъ сравнительно большую свободу.

Такимъ образомъ крестьянское мірское самоуправленіе осталось жить, но внѣ системы 1838 года, которая, по своему заданію, должна была возстановить исконную крестьянскую общину, а сельское общество, — эта община, связанная земельными отношеніями, по идеѣ Киселева,—оказалось искусственнымъ административнымъ дѣленіемъ, объединяющимъ нѣсколько земельныхъ общинъ и служащимъ низшей общественной инстанціей бюрократическаго управленія крестьянами [1]). Выводъ нашъ довольно далекъ отъ того, къ какому пришелъ Заблоцкій-Десятовскій, считавшій, что Киселевъ возстановилъ естественныя основы сельской общины и что ему лично принадлежитъ въ административномъ

---

[1]) Чтобы дать конкретное представленіе о величинѣ сельскаго общества, приведемъ слѣдующія данныя, касающіяся Псковской губерніи: Псковскій округъ. 8 волостей, 51 сельское общество 1097 селеній; Островскій округъ: 5 вол., 25 с. об., 1217 селеній; Опочецкій округъ 4 вол., 22 с. общ., 1134 селеній; Великолуцкій округъ: 3 вол., 13 с. общ. и 672 селенія. Надо еще замѣтить, что Псковскій округъ заключалъ въ себѣ 2 уѣзда, Островскій—1 уѣздъ, Опочецкій—2 уѣзда, а Великолуцкій—3 уѣзда. Журн. М. Гос Им., ч. XLV. Хозяйственно-статистическое обозрѣніе гос. имущ. и гос. крестьянъ въ Псковской губерніи.

механизмѣ 1838 года только одно: „устройство сельской общины у государственныхъ крестьянъ на юридическихъ основаніяхъ“ [1]).

Вообще къ почтенному біографу Киселева можно примѣнить тѣ слова, которыя Александръ II начерталъ на всеподданѣйшей записки тов. министра Хрущова, написанной въ защиту Киселевскихъ установленій при назначеніи министромъ Муравьева: „Все, что Хрущовъ говоритъ въ оправданіе системы управленія государственныхъ имуществъ дѣлаетъ ему честь, ибо доказываетъ его благодарность къ человѣку, при которомъ онъ столь долго служилъ, и который, если и ошибался, въ намѣреніяхъ былъ чистъ.. ...“ [2]).

Заключеніе.

Мы видѣли, что все твореніе Киселева, при первой же попыткѣ разобраться въ немъ, представляется въ теоретическомъ отношеніи клубкомъ недоразумѣній и противорѣчій, примирить которыя не представляется возможнымъ. Правда, Киселевъ, властью автора, заставляетъ діаметрально противоположные принципы мирно покоиться въ одной и той же запискѣ, но въ дѣйствительности эти принципы вступаютъ въ единоборство, въ которомъ побѣждаетъ сильнѣйшій и реальнѣйшій. Положеніе 1838 г. являетъ собой примѣръ ряда дуэлей подобнаго рода, т. е. между опредѣленными и реальными хотѣніями и туманными, мечтательными желаніями, если таковыя были на самомъ дѣлѣ и не являлись простыми фразами.

Первая дуэль произошла между приказнымъ и выборнымъ началомъ. Киселевъ хотѣлъ попечительствовать и управлять на систематически проведенныхъ бюрократическихъ началахъ, но чрезъ выбранныхъ крестьянами представителей. Совершенно очевидно, что побѣда осталась за приказнымъ

---

[1]) Op. cit., II, стр. 72.

[2]) Матеріалы, извлеченные изъ архива Гос. Имп. Выв. I.

началомъ, крестьяне получили весьма скромно обставленное право вліять на составъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, при чемъ, надо замѣтить, что право выбирать свое начальство болѣе походило на обязанность поставлять его, какъ это и было установлено expressis verbis для одной его категоріи—писарей. Служба обращалась въ исполненіе довольно тяжелой натуральной повинности [1]), которая давала возможность правительству имѣть даромъ весь кадръ низшихъ чиновниковъ. То, что въ XVIII в. было исключеніемъ и касалось только полицейскихъ должностей—сотскихъ съ товарищами—и что фактически создавалось въ началѣ XIX-го вѣка, то было введено въ принципъ положеніемъ 1838 г.

Вторая дуэль происходила между приказнымъ строемъ и общественнымъ. И тутъ положеніе 1838 г. поставило точку надъ і, констатировало то, что являлось результатомъ не совсѣмъ ясно сознаваемыхъ мѣропріятій правительства первой трети XIX вѣка. Мы видѣли, что въ XVIII вѣкѣ власть просто эксплоатируетъ существующія крестьянскія организаціи, возлагая на нихъ рядъ правительственныхъ функцій, требуя отъ нихъ исполненія разныхъ обязанностей, но признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ самобытность и самодѣятельность. 1797 г. начинаетъ фальсификацію крестьянскаго самоуправленія, онъ вводитъ новыя, фиктивныя общественныя организаціи спеціально для удобства управленія, что губительнымъ образомъ отражается на мірской жизни, но принципіально XVIII вѣкъ и начало XIX-го стоятъ на прежней точкѣ зрѣнія: власть возлагаетъ извѣстныя обязанности на существующія или quasi-существующія общественныя единицы, возлагаетъ функціи управленія на единицы самоуправленія. Двуликій характеръ міра остается въ силѣ. Положеніе 38 года смотритъ на вещи проще: оно хочетъ знать только одну сторону крестьянскаго міра, именно оно хочетъ, чтобы существо-

---

[1]) Повинностный характеръ службъ выражается между прочимъ въ разницѣ между жалованьями вольнонаемнымъ и выборнымъ должностнымъ лицамъ. Все вообщесодержаніе начальства относилось, какъ мы знаемъ, на взимаемый съ крестьянъ общественный сборъ.

вало только то, что возлагается на міръ въ административныхъ цѣляхъ, признавая лишь прекарное существованіе ничтожной части того истиннаго содержанія мірской жизни, которая собственно даетъ возможность возлагать что-либо на міръ. Творцы новаго положенія прекрасно понимаютъ цѣнность той поддержки, которую оказываетъ общество правительству въ исполненіи цѣлаго ряда функцій, но они хотятъ, чтобы общество, оставаясь обществомъ, исключительно занималось отправленіемъ административныхъ обязанностей.

Эта принципіальная экспропріація міра стоитъ въ связи съ третьимъ конфликтомъ Киселевской реформы, именно между попечительными ея тенденціями и идеей самодѣятельности. Если вся жизнь государственнаго поселянина входитъ въ компетенцію бюрократическаго управленія ими—то міру нечего дѣлать. Однако, лишая его внутренняго содержанія, его оставляютъ для надобностей администраціи.

Всѣ эти конфликты интересны и любопытны, какъ характеристика взглядовъ Киселева, но, кромѣ того, результатъ ихъ по существу представляетъ другой, болѣе глубокій интересъ. Дѣло въ томъ, что положеніе 38 года являлось актомъ осознанія того фактическаго положенія, которое съ исторической необходимостью вытекало изъ всѣхъ предшествующихъ мѣропріятій правительства. Мотивація законодателя представляетъ большой интересъ для изслѣдователя, но идейный обиходъ общества опредѣляется не ею, а закономъ, какъ таковымъ. Въ противорѣчіяхъ мыслей Киселева отразились противорѣчія историческаго происхожденія современнаго ему положенія государственныхъ крестьянъ, но для послѣдующихъ поколѣній и даже современниковъ важенъ тотъ выходъ изъ противорѣчій, который принятъ закономъ или жизнью.

Съ этой точки зрѣнія положеніе 1838 г. имѣетъ большое значеніе, т. к. имъ опредѣлялись въ большей или меньшей мѣрѣ послѣдующіе взгляды на крестьянскій вопросъ такъ же, какъ теперь всякое его изслѣдованіе неизбѣжно будетъ отправляться отъ созданія редакціонныхъ комиссій. Всякая реформа опредѣляется двумя (и только двумя) моментами: фактическимъ по-

ложеніемъ вещей и тѣми принципіальными пожеланіями или практическими соображеніями, которыя лежатъ въ основаніи измѣненія status quo. Какъ теперь такимъ фактическимъ матеріаломъ является положеніе о крестьянахъ 1861 г., такъ въ эпоху созданія послѣдняго такимъ матеріаломъ было положеніе Киселева, которое является, такимъ образомъ, дѣдушкой современныхъ проектовъ положенія о крестьянахъ. Отсюда очевиденъ тотъ интересъ, который можетъ имѣть реформа Киселева — интересъ почти современности.

Мы иллюстрируемъ эту близость къ намъ разобраннаго нами акта на одномъ примѣрѣ, именно на четвертомъ конфликтѣ киселевской мысли, перешедшемъ и въ самый законъ 1838 г. Мы разумѣемъ споръ между общиной и сельскимъ обществомъ, разрѣшеніе котораго являлось задачей какъ Киселева, такъ и редакціонныхъ комиссій.

Изложеніе обсужденія этого вопроса въ редакціонныхъ комиссіяхъ затемнено, по нашему мнѣнію, однимъ недоразумѣніемъ, которымъ грѣшатъ наши изслѣдователи крестьянскаго самоуправленія.

Въ настоящее время, распространено мнѣніе о связи двухъяруснаго устройства крестьянскаго управленія въ положеніи 1861 г. съ учрежденіемъ Киселева [1]). Высказываются сомнѣнія въ сознательности заимствованія, отмѣчается вліяніе неясной терминологіи [2]) и пр, но самый фактъ болѣе или менѣе полнаго совпаденія этихъ двухъ актовъ въ смыслѣ ихъ двухъяруснаго устройства, повидимому, считается установленнымъ [3]). Однако, это мнѣніе нуждается въ суще-

---

[1]) Леонтьевъ. Крестьянское право. 1909. Стр. 67 сл. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія. 1903. Стр. 1 сл.

[2]) Это послѣднее мнѣніе, весьма остроумное, едва ли отличается, однако, достаточной серьезностью. Сомнѣніе въ его справедливости было уже высказано Корниловымъ. Саратовск. Земск. Нед. 1904 г. № 1. „Объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы". Стр. 59.

[3]) г. Страховскій сознаетъ неблагополучіе въ вопросѣ о соотношеніи положеній 38 и 61 гг. Въ одномъ мѣстѣ онъ опредѣленно констатируетъ различіе сельскаго общества въ терминологіи редакціонныхъ

ственныхъ поправкахъ. Дѣло въ томъ, что установленіями, соотвѣтствовавшими въ 1838 г. современнымъ волости и сельскому обществу, были скорѣе сельское общество и селеніе, а отнюдь не волость и сельское общество. Волость 1838 г. была чисто административнымъ округомъ. бюрократической инстанціей и только. Она имѣла сходъ, но спеціально для выборовъ, т. е. для поставки крестьянами засѣдателей и головъ; никакихъ другихъ дѣлъ волостной сходъ рѣшать не могъ [1]). Волостная инстанція управленія крестьянами была основана на выборномъ началѣ, но она отнюдь не являлась обществомъ. Это совершенно упускается изъ виду нашими изслѣдователями. Наше мнѣніе въ достаточной степени подтверждается всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ, такъ что мы ограничимся только немногими дополнительными замѣчаніями. Волостная инстанція устанавливалась въ видѣ временной мѣры переходнаго характера въ ожиданіи того времени, когда сельское общество настолько разовьется и составъ его воспитается, что сможетъ служить единственной крестьянской инстанціей. Киселевъ [2]) оправдывалъ сохраненіе волости рядомъ съ сельскимъ обществомъ тѣмъ, что, во-первыхъ, волость привычна для народа (вспомнимъ любовь Киселева къ „исконнымъ“ образованіямъ), во вторыхъ, сельскихъ обществъ слишкомъ много и это затруднило бы непосредственныя отношенія между ними и окружными начальниками; главнымъ же соображеніемъ въ пользу волости было то предположеніе, что доколѣ полный и успѣшный ходъ общественнаго управленія не докажетъ ненадобности существованія волостныхъ правленій, они будутъ служить помощниками Окружному Начальнику въ его распоря-

---

комиссій и положенія Киселева Мелкая земская единица стр. 248. Но онъ не останавливаетъ своего вниманіе нв проблемѣ сельское общество—селеніе въ положеніи Киселева, что мѣшаетъ ему внести въ освѣщеніе вопроса надлежащую ясность.

[1]) Впослѣдствіи ему даны были нѣкоторыя функціи по рекрутской повинности.

[2]) Изложеніе главныхъ основаній преобразованія управленія госуд. кр. и им. Арх. V отд. Дѣло о составленіи проектовъ преобразованія упр. гос. им. № 330. т. IV.

женіяхъ. Такимъ образомъ единственнымъ аргументомъ въ пользу волости было недовѣріе къ сельскимъ обществамъ. Но почему волостное начальство будетъ болѣе полезнымъ помощникомъ окружному, чѣмъ сельское? Волость крупнѣе, но она однородна по составу, къ чему же эта лишняя инстанція? Безсмысленность ея установленія рядомъ съ административнымъ сельскимъ обществомъ, являющимся въ меньшихъ размѣрахъ тѣмъ, чѣмъ была или должна была быть прежняя волость, была настолько очевидна, что уже въ періодъ созданія новаго положенія вопросъ этотъ подвергся жестокой критикѣ со стороны Комитета Губернаторовъ [1]), который нашелъ устройство волости не только излишнимъ, но даже вреднымъ. По его мнѣнію, учрежденіе это, составляя излишнее звено въ цѣпи управленія и обременяя крестьянъ содержаніемъ новыхъ должностныхъ лицъ, должно будетъ ослабить быстроту исполненія правительственныхъ распоряженій и надзоръ надъ непосредственнымъ управленіемъ крестьянъ; обязанности его относятся по существу къ вѣдомству Палатъ и Старшинъ и могутъ быть легко раздѣлены между ними; кромѣ того, дѣйствующимъ лицомъ волости, по безграмотству крестьянъ, будетъ писарь, а, по неблагонадежности своего состава, волостное правленіе никогда не будетъ въ состояніи ни замѣнить, ни даже помочь окружному начальству. Киселевъ, однако, не измѣнилъ своего взгляда, продолжая думать, что если волость и не будетъ необходима, „когда управленіе государственныхъ имуществъ приметъ свою силу и утвердится въ своей самобытности, то на первый разъ, при введеніи сего управленія, нельзя лишать себя такихъ пособій, которыя доставляются нынѣ волостнымъ правленіемъ, особливо если принять въ разсужденіе, что при открытіи общинъ будетъ весьма трудно и почти невозможно снабдить ихъ опытными сельскими писарями; притомъ нельзя съ благонадежностью поручить сельскимъ начальникамъ прежде, нежели они пріобрѣтутъ извѣстную опытность, нѣ-

[1]) Дѣло о составленіи проектовъ преобразованія управленія госуд. имущ. Арт. V отд. № 330, т. III.

которые предметы, возложенные на Волостныя Правленія и соединенные съ особой отвѣтственностью, какъ, напримѣръ, дѣла опекунскія, выдача паспортовъ и билетовъ, расходованіе денегъ, опредѣленіе на мірскія издержки, распоряженіе доходами отъ мірскихъ оброчныхъ статей, свидѣтельство квитанцій сборщиковъ во взносѣ податей въ уѣздныя казначейства и т. п. Обязанности сіи не могутъ быть возложены и на окружныхъ начальниковъ по отдаленности ихъ отъ общинъ, особенно если къ вѣдомству окружныхъ начальниковъ отнесено нѣсколько уѣздовъ. Сверхъ того, уничтоживъ волостныя правленія, какъ власть наблюдательную, составленную изъ людей выбранныхъ поселянами изъ среды себя по общему довѣрію, надлежало бы замѣнить ихъ большимъ числомъ помощниковъ окружныхъ Начальниковъ, едва ли болѣе выгодныхъ для сельскаго быта, но во всякомъ случаѣ не менѣе дешевыхъ по расходамъ на содержаніе. Посему полагается при первоначальномъ введеніи управленія Государственными Имуществами сохранить волостныя правленія имѣя въ виду отмѣнить ихъ впослѣдствіи, когда новое управленіе устроится, съ раздѣленіемъ ихъ обязанностей между сельскими и окружными начальствами".

Такимъ образомъ, съ самаго начала волость вводилась лишь временно, при чемъ на нее возлагались двѣ функціи: помощь окружному начальству и вообще чиновникамъ министерства въ наблюденіи за сельскимъ управленіемъ и исполненіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ обязанностей этого управленія впредь до его достаточной подготовки.

Надо сказать, что волость 1838 г. была осуждена не только административнымъ отдѣленіемъ; какъ мы видѣли, она была осуждена еще при самомъ ея рожденіи комитетомъ губернаторовъ и подвергалась критикѣ чуть не съ самаго возникновенія своего. Министерство было постоянно заинтересовано вопросомъ, какъ бы упростить управленіе крестьянами, сведя двѣ крестьянскія инстанціи къ одной. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ перипетій исторіи волости въ эпоху Киселева и его преемниковъ; изложимъ только заключительный актъ ея, ознаменованный

возвращеніемъ къ прежнему до-реформенному порядку. Это произошло уже при Муравьевѣ [1]). Онъ считалъ необходимымъ „вмѣсто соединенія чуждыхъ другъ другу селеній, сперва въ формѣ сельскихъ обществъ, а затѣмъ въ формѣ волостей, сохранить только волостное общество", уменьшивъ составъ волости среднимъ числомъ до 4 т. д. Предположенія Муравьева были Высочайше одобрены 29 іюля 1858 г. и сельскія управленія были упразднены, а въ селеніяхъ предоставлено было, гдѣ надобность укажетъ, учреждать непосредственныхъ исполнителей распоряженій начальства въ лицѣ старостъ или выборныхъ. Мірскому сходу отдѣльныхъ селеній предоставлено было рѣшать дѣла, касающіяся внутренняго хозяйства; административной же единицей являлась волость, уменьшенная нѣсколько въ своихъ размѣрахъ и по своей величинѣ представлявшая нѣчто среднее между двумя старыми инстанціями управленія крестьянами.

Мы видимъ, что агитація противъ волости кончилась уничтоженіемъ сельскаго общества. При обсужденіи во времена Киселева вопроса объ упрощеніи механизма управленія крестьянами уничтоженіемъ одной изъ инстанцій, выяснилось уже, что, въ сущности, желаемый результатъ достигается съ равнымъ успѣхомъ двумя способами: или нужно уничтожить волость и увеличить размѣръ сельскаго общества, которая и будетъ новой и единственной административной инстанціей, или же надо уничтожить сельское общество, а тогда придется уменьшить размѣры остающейся административной инстанціи—волости.

Оба способа совершенно тождественны, различаясь лишь терминологически, т. к. волость и сельское общество понятія совершенно однородныя, являясь чисто административными образованіями.

---

[1]) Обозрѣніе дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ по завѣдыванію государственными крестьянами и южными поселянами съ 1838 по 1861 г., представленное Государю Императору въ 1887 г. мин. гос. им. СПБ. 1887. Стр. 28 сл.

Волость, какъ мы знаемъ, и по заданію не имѣла никакого общественнаго характера, сельскому же обществу онъ былъ приданъ совершенно искусственнымъ образомъ и остался на бумагѣ. Это были двѣ инстанціи крестьянскихъ приказовъ, двѣ волости, вмѣсто которыхъ было признано необходимымъ создать одну—среднюю по размѣрамъ. Оба ничего общаго съ крестьянскимъ міромъ не имѣли, только низшій приказъ могъ случайно совпадать съ крестьянской общественной единицей, обыкновенно же объединялъ ихъ нѣсколько.

Такимъ образомъ, сходство въ этомъ вопросѣ съ положеніемъ 1861 г. чисто внѣшнее. Наши изслѣдователи въ извѣстной степени сдѣлались жертвой того терминологическаго недоразумѣнія, въ которомъ обвиняютъ отцовъ крестьянскаго положенія. Вѣдь двумъ инстанціямъ положенія 1861 г. соотвѣтствуютъ три инстанціи положенія 1838 г., и сельское общество редакціонныхъ комиссій нельзя безъ оговорокъ сопоставлять съ сельскимъ обществомъ Киселева. Отношенія между второй и третьей инстанціями нельзя брать прототипами отношеній первой и второй инстанцій. Проблема: волость — сельское общество для Киселева было проблемой административнаго удобства, рѣшеніе которой не затрагивало существованія крестьянской общины—міра; двѣ ли инстанціи будутъ надъ міромъ, одна ли—это вопросъ, не имѣющій рѣшающаго значенія. Совсѣмъ иной смыслъ имѣетъ такъ же формулированная проблема въ устахъ редакціонныхъ комиссій. Тутъ уже идетъ дѣло объ основной и первичной ячейкѣ крестьянскаго самоуправленія. Поставить или не поставить ее въ связь съ органами административнаго управленія, ввести или не ввести ее въ циклъ учрежденій завѣдывающихъ крестьянами, и какъ это сдѣлать; быть ли міру надъ міромъ, какъ устроить эту инстанцію надъ міромъ и какъ опредѣлить ихъ отношенія между собой? Эти вопросы и тѣ, которые возникали при Киселевѣ, хотя и выражались въ тѣхъ же терминахъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы видимъ, имѣютъ мало общаго. Намъ кажется, что больше поучительнаго можно было бы найти, если бъ обратить вниманіе на соотношеніе общины и сельскаго общества въ положеніи 38 г. и съ этой

точки зрѣнія подвергнуть сравненію положенія 38 и 61 годовъ. Однако разбирать сложный вопросъ о сельскомъ обществѣ въ работахъ редакціонныхъ комиссій мы не будемъ. Это составило бы новое изслѣдованіе, требующее весьма серьезнаго и вдумчиваго изученія, которое мы въ настоящее время не имѣли возможности предпринять. Одно намъ представляется очевиднымъ: понять перипетіи административнаго устройства крестьянъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ нельзя, не ознакомившись основательно съ положеніемъ 38-го года. А между тѣмъ это положеніе мало кому извѣстно, да и — надо сознаться—плохо извѣстно. Любопытное соотношеніе сельскаго общества и селенія совершенно неиспользовано въ литературѣ. Только-что вышедшая книга проф. Цытовича „Сельское общество какъ органъ мѣстнаго управленія“ повторяетъ ошибочное утвержденіе, будто „дѣла земельныя принадлежали къ вѣдомству сельскихъ обществъ“, ни словомъ не обмолвясь о селенномъ сходѣ. Волость и сельское общество и имъ отожествляется съ тожественными терминами редакціонныхъ комиссій—а между тѣмъ это невѣрно, эти термины какъ мы видѣли не покрываютъ другъ друга. Этотъ примѣръ лишній разъ доказываетъ, какой насущной потребностью является историческое изученіе вопросовъ крестьянскаго самоуправленія, которому до сихъ поръ мало удѣляется вниманія.

БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ